

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО**

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ

Выпуск 5

Минск МГЛУ
2018

УДК 81'42
ББК 81.055
К65

Рекомендовано Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1/46 от 19 января 2017 г.

Редакционная коллегия: Т. П. Карпилович (отв. редактор), Н. В. Зиневич, И. В. Метлушко, О. В. Изотова

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор Н. С. Евчик (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент Т. В. Караичева (БГУ)

К65 **Контрастивные** исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2018. – Вып. 5. – 120 с.
ISBN 978-985-460-863-1.

Сборник содержит статьи преподавателей и аспирантов Минского государственного лингвистического университета.

Рассматриваются актуальные проблемы лингвистики текста и дискурса, стилистики текста, синтаксиса предложения и лексической семантики в контрастивном аспекте на материале разносистемных языков.

Предназначен для научных работников и аспирантов.

УДК 81'42
ББК 81.055

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Зиневич Н. В.</i> Обобщение как мыслительная операция и текстовая категория.....	5
<i>Кабецкая О. В.</i> Семантическая организация текстов-разъяснений юридических документов на английском и русском языках	13
<i>Карпилович Т. П., Урбанович В. Ю.</i> Структурные и семантические типы сравнений в англоязычном нарративном дискурсе и способы их передачи на русский язык	23
<i>Чалагаева В. В.</i> Реализация прагматического эффекта в британской газетной и телевизионной хронике	28
<i>Щепачёва Т. Ю.</i> Модели коммуникативного поведения в конфликтных ситуациях в кинодискурсе (на английском и русском языках)	33
<i>Юрьев Е. Й.</i> Метатекстовые структурные компоненты в международных договорах Беларуси, России, Германии и Нидерландов ..	46

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

<i>Козлова В. В.</i> Имена существительные в качестве маркёров мнения в медиатекстах на английском и белорусском языках	55
<i>Курацёва В. І.</i> Мелодыя беларускага і англійскага маўлення выхадцаў з полацкага рэгіёна ў параўнальным аспекце	60
<i>Полонникова Е. Г.</i> Внутренняя форма слова как лингвокультурологический феномен	66
<i>Сысоева Т. А.</i> Репрезентация категории интерактивности в современном медиадискурсе (на материале белорусских и американских периодических изданий)	72
<i>Дмитриева И. В.</i> Виды категории информативности в текстах учебных изданий (диахронический обзор)	81

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

<i>Артёмова О. А.</i> Дейктический компонент семантики белорусских и английских глаголов движения: контрастивный аспект	88
<i>Графутко О. О.</i> Прагматический потенциал глагольной лексики при выражении авторской позиции в художественном дискурсе	94
<i>Пуйша В. А.</i> Апазіцыя эмоцый <i>шчасце/няшчасце</i> ў беларускіх і англійскіх фразеалагічных адзінках	102

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Бут-Гусаим А. М.</i> Особенности преподавания дисциплины по культуре речевого общения иностранным студентам	106
<i>Глазко П. П., Павлоцкая И. В.</i> Методика обучения аудированию в профессиональной подготовке переводчиков	110
<i>Невмержицкая Е. В.</i> Специфика преподавания практической фонетики в группах выравнивания на 1 курсе переводческого факультета	113

CONTENTS

TEXT IN THE CONTRASTIVE PERSPECTIVE

<i>Zinevich N. V.</i> Generalization as an Intellectual Operation and a Text Category	5
<i>Kabetskaya O. V.</i> Semantic Structure of Explanation Texts of Legal Documents in English and Russian	13
<i>Karpilovitch T. P., Urbanovich V. Y.</i> Structural and Semantic Types of Similes in British Narrative Discourse and Means of their Translation into Russian	23
<i>Chalagaeva V. V.</i> Actualizing of Pragmatic Effect in British Newspaper and Television News-in-Brief	28
<i>Shchepacheva T. Y.</i> The Models of Communicative Behavior in Conflict Situations in the English and Russian Cinematographic Discourse	33
<i>Yuriev E.</i> Metatext Structural Components in the International Agreements of Belarus, Russia, Germany and the Netherlands.....	46

GRAMMAR UNITS AND CATEGORIES IN THE CONTRASTIVE ASPECT

<i>Kazlova V. V.</i> Nouns as Markers for Opinion Lexicon in Media Texts in English and Belarusian	55
<i>Kuratsiova V. I.</i> Belarusian and English Speech Melody of the Polotsk Region Natives in the Comparative Aspect	60
<i>Polonnikova E. G.</i> The Inner Form of the Word as a Linguoculturological Phenomenon.....	66
<i>Sysoyeva T. A.</i> Manifestation of Interactivity in Modern Media Discourse (on the Example of Belarusian and American Periodicals)	74
<i>Dmitrieva I. V.</i> Types of Information in Text Books: Diachronical View.....	81

A WORD IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

<i>Artsiomava O. A.</i> The Deictic Component in the Semantics of Belarusian and English Verbs of Movement: the Contrastive Aspect.....	88
<i>Grafutko O.</i> Pragmatic Potential of Verbs as Means of Expressing Authorial Stance in Fictional Discourse.....	94
<i>Puisha V. A.</i> Opposition of the Emotions <i>Happiness/Unhappiness</i> in Belarusian and English Phraseological Units.....	102

METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

<i>But-Husaim A. M.</i> Peculiarities of Teaching Intercultural Communication to Foreign Students	106
<i>Glazko P. P., Pavlotskaya I. V.</i> The Methods of Teaching Listening Skills to Interpreters	110
<i>Nevmerzhitskaya E. V.</i> The Peculiarities of Teaching Practical Phonetics to Intermediate Students of School of Translation and Interpreting.....	113

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н. В. Зиневич

ОБОБЩЕНИЕ КАК МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ И ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье выявляются место и роль обобщения в гносеологии и лингвистике текста. В силу того, что в процессах познания и коммуникации обобщение играет первостепенно значимую роль, на текстовом пространстве оно также занимает центральные позиции, что особенно четко проявляется в научных текстах. Языковой реализации обобщений служат соответствующие высказывания, которые представляют собой функционально неоднородную группу. Во-первых, в зависимости от расположения относительно обобщаемого фрагмента обобщающие высказывания делятся на дедуктивные и индуктивные (выводные). Во-вторых, характер связи с предтекстом предопределяет разделение обобщающих высказываний на эквивалентные и неэквивалентные предтексту. Каждый из выделенных типов демонстрирует определенные особенности языковой реализации. В результате сопоставительного анализа научных обобщений в англо- и белорусскоязычных текстах устанавливается национально-культурная специфика их употребительности и вербализации.

Без преувеличения можно констатировать, что одним из основных факторов, лежащих в основе эволюции человека как биологического вида, является его поступательное интеллектуальное развитие, что самым непосредственным образом связано со степенью освоения объективной действительности. В свою очередь, эффективное познание окружающего мира является возможным только благодаря способности упорядочивать и систематизировать (т.е. обобщать) его бесконечное разнообразие. Таким образом, обобщение представляет собой одно из важнейших условий эффективного познания мира как на обыденном, так и на научном уровне освоения действительности [1; 2].

Стремление зафиксировать сведения общего характера является движущей силой любого познавательного процесса: «...отдельные предметы, свойства, отношения сводятся нашим сознанием в некоторый единый психический конструкт...» [3, с. 143]. Подчеркивая особую важность обобщения в научной деятельности, Д. П. Горский отмечает: «обобщающая деятельность пронизывает процессы познания и мышления, создает для науки огромные преимущества, позволяющие ей более глубоко и в компактной форме отображать окружающий нас мир» [4, с. 202]. Отличительной особенностью обобщенного знания является тот факт, что оно дает фундаментальное представление об окружающей действительности. Обобщение является не только основным стимулом познавательного процесса, но и отдельным этапом становления знания [5; 6]. В этом свете закономерно, что в научной деятельности обобщение приобрело абсолютно уникальный статус: оно является как основной целью познания, так и одним из важных средств ее осуществления.

Для лингвистических исследований важно то, что результаты познавательно-обобщающей деятельности человека естественным образом должны найти свое отражение в языке [7]: «Любая абстракция должна быть <...> овеществлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака» [8, с. 6].

Как и в других видах мыслительной деятельности, в процессах языкового означивания ключевую роль играет механизм обобщения: «...лексическое значение есть не что иное, как <...> результат некоторой “идеализации”, или концептуализации ситуации, в которой для представления целого используются лишь определенные аспекты сцены, и абстрагирования, или игнорирования других аспектов» [9, с. 95]. Следовательно, обобщение, во-первых, предопределяет эффективность познания окружающего мира, а во-вторых, лежит в основе любого акта называния познаваемых феноменов. Таким образом, значимость обобщающей силы слова заключается не только в фиксации результатов познавательной активности человека, но и в том, что тем самым достигается принципиальная возможность коммуникации между людьми.

Таким образом, можно говорить о неразрывной связи языка и мышления, которая предполагает, что язык является не только основным инструментом познания, но и выступает при этом в роли хранителя полученной информации. Более того, принципиально важен тот факт, что в основе познавательной и языковой деятельности человека, по всей видимости, лежат сходные когнитивные операции, важную роль среди которых играет обобщение [8; 10].

Целью данной статьи является выявление роли обобщения в гносеологии вообще и в научном дискурсе в частности, а также определение особенностей его языковой реализации на уровне текста.

Энциклопедия эпистемологии и философии науки определяет *обобщение* как такую форму «приращения знания путем перехода от частного к общему, которой соответствует и переход на более высокий уровень абстракции...» [11, с. 635].

Рассмотрим некоторые подходы к классификации различных видов обобщенного знания. По направлению движения мысли обобщения могут быть *аналитическими* (дедуктивными) и *синтетическими* (индуктивными). Первые осуществляются без привлечения эмпирических данных на основе понимания языковых форм, к которым применяются правила выведения дедуктивных заключений [4]. Синтетические обобщения, в свою очередь, осуществляются при применении правил *индукции* на основе анализа накопленного опыта [12]. Индуктивный метод познания задействуется в том случае, когда исследователь переходит от знания частных фактов к выведению более общих положений. Основным отличием индукции является то, что для выведения общего знания о каком-либо классе предметов необходимо предварительно исследовать отдельные предметы, входящие в этот класс, найти в них общие существенные признаки, которые и послужат

основой для результирующего знания об общем, присущем всему классу. С практической точки зрения индуктивный путь получения знания, хотя и не всегда истинен, однако более плодотворен. Кроме того, с позиций психологии восприятия индуктивная подача материала в процессе обучения способствует его скорейшему пониманию и усвоению [13; 14; 15].

В научном дискурсе активно применяются как синтетические, так и аналитические обобщения: формулирование вывода может происходить как *индуктивным* путем (от частных посылок к выводу), так и *дедуктивным* (от вывода к конкретным примерам) [16; 17; 18]. Однако, необходимо отметить, что именно индуктивный путь отражает онтологически первичный порядок осознания человеком связей между объектами окружающей действительности: от опытного изучения отдельных проявлений к выведению объясняющих их закономерностей [4; 14]. Помимо очевидной значимости индуктивных обобщений с точки зрения гносеологии, необходимо также отметить их важность с позиций теории восприятия: эффективное понимание и усвоение текстов возможно в первую очередь благодаря естественному (с точки зрения развития мысли) структурированию информации – от частных фактов к выведению общих закономерностей.

На уровне текста индуктивные обобщения реализуются с помощью определенных высказываний, которые в литературе получили такие названия, как *выводные суждения* или *высказывания обобщающего характера* [16; 19]. Характерной особенностью данных высказываний является то, что они «логически вытекают из предыдущих рассуждений автора и в сжатой форме выражают ключевое новое знание» [20, с. 136].

Как можно убедиться, индуктивные обобщения выполняют в тексте функции и *вывода*, и *обобщения*. Вместе с тем предложенные выше определения акцентируют только какой-то один из двух аспектов (либо вывод, либо обобщение). Поэтому в рамках данной работы предлагается введение термина *обобщающее высказывание выводного характера (выводное обобщение)*, который, как нам представляется, более точно отражает суть индуктивного процесса и результата его вербализации в тексте. Выводные обобщения выводятся непосредственно из поверхностно-языкового представления обобщаемого текста, представляя собой результат перехода от некоторой совокупности высказываний частного порядка к более общему.

Проанализируем, как в литературе описываются типичные средства языковой реализации и обобщающих высказываний выводного характера. С целью привлечения внимания читателя к выводу как самому главному элементу в цепочке своего рассуждения автор стремится его подчеркнуть и выделить особыми стереотипными (легко узнаваемыми) средствами – союзами, союзными словами и словосочетаниями в функции союзов со следственным значением, вводными словами и выражениями (типа *Подытоживая сказанное...*). В сознательном подчеркивании вывода наиболее ярко проявляется влияние такой стилеобразующей черты научного функционального стиля, как *эксплицитность*, т.е. обязательная прозрачность логико-семантических отношений между отдельными блоками текста [2; 21].

С точки зрения морфологических характеристик выводных высказываний важно то, что в них регулярно используется вневременное настоящее. Временная обобщенность создает особый эффект, нацеленный на выведение общих закономерностей и, более того, указывает на истинность сообщаемого [22; 23].

Определенный интерес представляет выявление национально-культурной специфики использования обобщающих высказываний выводного характера в англо- и белорусскоязычном научном дискурсе. В ходе исследования 40 научных лингвистических статей на английском языке и 65 научных статей на белорусском языке в них было обнаружено 692 и 670 обобщающих высказываний выводного характера соответственно. Таким образом, на англоязычный текст в среднем приходится 17 выводных обобщений, в то время как в тексте на белорусском языке это значение составляет 10.

Тем не менее нельзя утверждать, что белорусские ученые менее склонны представлять информацию в обобщенном виде. По всей видимости, несоответствие в показателях объясняется различными объемами текстов: в общем случае научная статья на английском языке приблизительно в два раза протяженнее, чем белорусскоязычная. Вместе с тем большее количество представляемой информации часто влечет за собой потребность в использовании большего количества обобщений, которые необходимы для эффективной организации объемного материала. Таким образом, различная употребительность выводных обобщений в англо- и белорусскоязычных текстах в первую очередь связана с действием объективных экстралингвистических факторов.

Мы рассмотрели, как обобщения могут варьироваться в зависимости от выбора того или иного направления мысли. Остановимся теперь на том, как обобщения могут зависеть от характера связи с обобщаемыми фактами.

В зависимости от степени сходства/отличия исходной и обобщенной информации выделяются обобщения *творческие* и *нетворческие*, имеющие очевидные аналогии с продуктивными и репродуктивными видами мышления [4; 24]. В результате того, что *нетворческие* обобщения повторяют ранее высказанные мысли, их семантический объем в целом равен исходному высказыванию. С другой стороны, характерной особенностью *творческих*, креативных, обобщений является то, что они отличаются от своего антецедента в формально-смысловом отношении и, как следствие, уровнем абстракции. В результате такие обобщения способны породить новые семантические единицы [25; 26]. Вместе с тем при анализе обобщения необходимо учитывать тот факт, что даже новые, «творческие», формы в снятом виде включают в себя ранее выработанное знание. Этот факт позволяет говорить о принципе фундаментальной преемственности в научной деятельности [27].

Таким образом, обобщения могут в различной степени отвлекаться от непосредственно наблюдаемых фактов, варьируясь от нетворческих констатаций до законов высокого уровня научной абстракции, что находит непосредственное отражение в языке.

С точки зрения связей с обобщаемыми фрагментами выводные обобщения можно условно разделить на эквивалентные и неэквивалентные. В эквивалентных обобщениях не нарушается целостность обобщаемых высказываний, и остаются неизменными его конститuenty и характер взаимосвязи между ними. Соответственно, эквивалентные обобщающие высказывания строятся с преимущественной опорой на контекстуально старое знание. Ср. обобщающее высказывание *...IS appears entangled around clauses* '...кажется, что область действия ИС (информационной структуры) охватывает границы предложений' и один из его antecedentov: *the IS domain would appear entangled around clause boundaries*.

Эквивалентные обобщения выполняют важную роль в тексте. Учитывая тот факт, что повторение информации сигнализирует о ее особой значимости, представляется правомерным считать эквивалентные обобщения маркированными носителями содержательно-концептуальной информации текста. Помимо этого, эквивалентные обобщения служат для удовлетворения потребностей читателя: многократные повторы основных моментов научного произведения облегчают процесс восприятия и понимания научного текста.

В отличие от эквивалентных неэквивалентные обобщения в значительной степени отвлекаются от предтекста и образуются в результате сжатия нескольких обобщаемых высказываний, что сопровождается удалением нерелевантной информации, преобразованием контекстуально старого знания и/или добавлением элементов новой информации. Сжатие, как правило, происходит за счет обобщения исходной информации по принципу включения «вид → род» (*these objects* 'эти объекты' → *all objects* 'все объекты') и объединения разрозненных в предтексте единиц в единую группу (в первую очередь, за счет использования однородных членов предложения).

Поскольку неэквивалентные обобщения, с одной стороны, зависят от обобщаемого фрагмента в смысловом отношении, а с другой, отличаются от него в языковой реализации, их наиболее важной функцией является участие в процессе текстообразования: контекстуально новые элементы способствуют продвижению авторской концепции на основе знакомой из предтекста информации.

Таким образом, уровни абстракции обобщающих высказываний могут варьироваться в зависимости от того, насколько они отвлекаются от предтекста. Наивысшая степень абстракции характерна для неэквивалентных обобщений, а эквивалентные обобщения связаны с обобщаемым фрагментом наиболее тесным образом и, соответственно, отвлекаются от него в наименьшей степени.

Что касается национально-культурной специфики в использовании выводных обобщений различного уровня абстракции, то на основе анализа фактического материала можно сделать вывод о том, что эквивалентные обобщения более употребительны в англоязычных текстах, где их доля практически в полтора раза больше, чем в белорусскоязычных выводах. Так,

в обобщающих высказываниях на английском языке эквивалентными являются 24 % высказываний. В то же время в белорусскоязычных статьях было выявлено только 15 % таких обобщений. Данную тенденцию можно объяснить следующими причинами. Прежде всего, как уже указывалось выше, объем анализируемых англоязычных статей в среднем в 2 раза превышает объем более кратких белорусскоязычных текстов. Для длительного поддержания внимания адресата автору приходится прибегать к таким обобщениям, которые максимально облегчают процесс восприятия сложного произведения и минимально отличаются от исходных высказываний.

Далее можно предположить, что англо- и белорусскоязычные научные культуры несколько отличаются в вопросе учета фактора адресата. По всей видимости, эквивалентные обобщения помогают англоязычным ученым не только лучше структурировать свое изложение, но и учитывать интересы более широкого круга читателей. Более того, среди эквивалентных обобщений в англоязычных научных статьях широко представлены высказывания, повторяющие первоначальные положения до нескольких раз на протяжении всего текста. Доля таких многократных повторов-обобщений составляет 19,6 % во всех эквивалентных выводах на английском языке, в среднем насчитывая по 2–3 на текст. В белорусскоязычных обобщениях подобных повторов существенно меньше – 9,3 %.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что обобщение является, с одной стороны, целью, движущей силой, любого познавательного процесса, а с другой – плодотворным средством научного познания, поскольку позволяет исследователю переходить от наблюдения конкретных, частных, проявлений к выведению общих закономерностей. Кроме того, учет связи языка и мышления позволяет утверждать, что обобщение лежит в основе речевой деятельности человека и делает принципиально возможным общение между людьми.

Как в теории познания, так и в тексте обобщение реализуется с помощью неоднородной группы единиц, которые формируют несколько взаимообусловленных типов. В зависимости от того, что лежит в основе типологии – учет направления мыслительного процесса или характер связи с обобщаемым элементом – выделяются обобщения индуктивные/дедуктивные или творческие/нетворческие. На уровне текста обобщения выражаются с помощью соответствующих высказываний, которые в концентрированной форме выражают основное содержание обобщаемого фрагмента, играя при этом важную роль в передаче концептуальной информации.

Сопоставление особенностей функционирования обобщающих высказываний в англо- и белорусскоязычных научных текстах позволяет утверждать, что в целом обобщение реализуется сходным образом в обоих языках, что подтверждает принципиальную общность способов объективации результатов научного поиска. Вместе с тем можно говорить о некоторых различиях в употребительности тех или иных типов высказываний, что в первую очередь связано с действием ряда объективных экстралингвистических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедев, С. А.* Уровни научного знания / С. А. Лебедев // *Вопр. философии.* – 2010. – № 1. – С. 62–72.
2. *Разинкина, Н. М.* Стилистика английской научной речи: элементы эмоционально-субъективной оценки / Н. М. Разинкина, А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1972. – 168 с.
3. *Харитончик, З. А.* Категоризация и дифференциальные признаки / З. А. Харитончик // *Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр.* – Минск, 2004. – С. 142–148.
4. *Горский, Д. П.* Обобщение и познание / Д. П. Горский. – М. : Мысль, 1985. – 208 с.
5. *Котюрова, М. П.* Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста: функционально-стилистический аспект / М. П. Котюрова ; науч. ред. М. Н. Кожина. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 170 с.
6. *Сачков, Ю. В.* Процессы обобщения в синтезе знаний / Ю. В. Сачков // *Синтез современного научного знания : сб. ст. / Науч. совет по филос. вопр. соврем. естествознания, Ин-т философии АН СССР ; редкол.: В. А. Амбарцумян [и др.].* – М., 1973. – С. 421–446.
7. *Колшанский, Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.
8. *Уфимцева, А. А.* Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
9. *Харитончик, З. А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // *Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр.* – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 90–116.
10. *Харитончик, З. А.* О релевантности семантических компонентов в лексическом значении слова / З. А. Харитончик // *Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр.* – Минск, 2004. – С. 149–157.
11. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин.* – М. : Канон⁺; Реабилитация, 2009. – 1248 с.
12. *Индуктивная логика и формирование научного знания : сб. науч. ст. / Ин-т философии АН СССР ; отв. ред. Б. Н. Пятницын.* – М. : Наука, 1987. – 185 с.
13. *Давыдов, В. В.* Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов) / В. В. Давыдов. – М. : Пед. о-во России, 2000. – 480 с.
14. *Зарецкая, Е. Н.* Логика речи : учеб. пособие / Е. Н. Зарецкая. – М. : Дело, 2007. – 424 с.
15. *Лебедев, С. А.* Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания / С. А. Лебедев // *Вопр. философии.* – 1980. – № 6. – С. 79–89.

16. *Гришина, О. Н.* Особенности организации информации в научном и художественном тексте / О. Н. Гришина // *Функциональные стили. Лингвометодические аспекты : сб. науч. ст. / Каф. иностр. яз. АН СССР ; отв. ред. М. Я. Цвиллинг.* – М., 1985. – С. 39–48.
17. *Кардович, И. К.* Предметно-содержательная и логико-семантическая связность в научно-техническом тексте / И. К. Кардович // *Вестн. Рос. гос. торг.-экон. ун-та.* – 2008. – № 4. – С. 167–174.
18. *Новикова, А. С.* Вывод как особый тип смысловых отношений / А. С. Новикова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология.* – 2013. – № 2. – С. 133–141.
19. *Баженова, Е. А.* Политекстуальность научного текста / Е. А. Баженова // *Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; отв. ред. М. П. Котюрова.* – Пермь, 1999. – С. 66–90.
20. *Баженова, Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. – 272 с.
21. *Троянская, Е. С.* Лингвостилистические исследования немецкой научной литературы / Е. С. Троянская ; отв. ред. В. Д. Девкин. – М. : Наука, 1982. – 310 с.
22. *Кухаренко, В. А.* Информативность вводящего абзаца научного филологического текста / В. А. Кухаренко // *Функциональные стили. Лингвометодические аспекты : сб. науч. ст. / Каф. иностр. яз. АН СССР ; отв. ред. М. Я. Цвиллинг.* – М., 1985. – С. 49–61.
23. *Матвеева, Г. Г.* Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г. Г. Матвеева. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1984. – 132 с.
24. *Пушкин, В. Г.* Информатика, кибернетика, интеллект. Философские очерки / В. Г. Пушкин, А. Д. Урсул. – Кишинев : Штиинца, 1989. – 293 с.
25. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / редкол.: А. М. Прохоров (гл. ред.) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1974. – Т. 18. – 567 с.
26. *Данилевская, Н. В.* Вариативные повторы как средство развертывания научного текста / Н. В. Данилевская ; под ред. М. Н. Кожинной. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. – 144 с.
27. *Сачков, Ю. В.* Процессы обобщения в синтезе знаний / Ю. В. Сачков // *Синтез современного научного знания : сб. ст. / Науч. совет по филос. вопр. соврем. естествознания, Ин-т философии АН СССР ; редкол.: В. А. Амбарцумян [и др.].* – М., 1973. – С. 421–446.

The paper looks into the role of generalization in the theory of cognition and text linguistics. The analysis reveals that in scientific texts generalization can manifest itself in multiple ways. Depending on the position of generalizing utterances in the text and their relation to the preceding fragment there can be distinguished such types of generalizations as deductive vs. inductive and equivalent vs. nonequivalent. All types are common for both English and Belarusian scientific discourse but have their own peculiarities of realization there.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ-РАЗЪЯСНЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается семантическая организация текстов-разъяснений, относящихся к жанру вторичных текстов, на английском и русском языках. В первую очередь описываются компоненты их прототипической структуры, а также используемые языковые маркеры. Далее автор приводит результаты сопоставительного анализа суперструктур текстов законодательных актов (первичных текстов) и их разъяснений.

В век постоянно развивающихся технологий проблема доступа к различным данным практически перестала существовать, но в то же время доступность информации еще не может гарантировать ее понимания.

Юридическая информация постепенно занимает все более важное место, поскольку изменения в законодательстве неизбежно влекут изменения в жизни государства и его жителей. В то же время разобраться в языке закона – сложная задача для непрофессионала, поскольку юридический язык насыщен профессиональными терминами, устойчивыми словосочетаниями и синтаксическими конструкциями, проникнуть в смысл которых невозможно без подготовки.

Для того чтобы помочь людям, не имеющим специальных знаний, и донести до них сведения о последних событиях в области законодательства, используются тексты-разъяснения. Такие тексты призваны интерпретировать информацию, изложенную в правовых документах.

Субъектами толкования в данном случае выступают представители органов государственной власти, практикующие юристы и граждане, чьи юридические знания превышают уровень знаний читателей, т.е. адресатов, вследствие чего возникает необходимость преподнести информацию в доступной форме. Для решения задачи используются языковые средства, с помощью которых можно наиболее ясно и кратко передать содержание первичного текста.

Сегодня тексты-разъяснения, интерпретирующие законы, постановления, декреты и многие другие нормативно-законодательные документы еженедельно встречаются в периодических изданиях и в Интернете. Их основная задача – довести до сведения читателя изменения в действующем законодательстве в краткой и понятной форме.

Тексты-разъяснения, рассматриваемые в данной статье, подпадают под определение вторичного текста, поскольку в них прослеживается содержательная и структурная связь с первичным текстом [1]. Вторичные тексты – это тексты, созданные в ходе переработки первичного текста и передающие его основное содержание. Они характеризуются обязательным наличием определенного прототипа – исходного текста, с которым вторичный текст

находится в тесной связи и на основе которого строится [2]. Вторичные тексты предназначены для приблизительной передачи содержания текста-основы, обусловленной коммуникативными целями и интенцией автора.

Само понятие *разъяснение* можно рассматривать как процесс и как результат. В первом случае разъяснение норм права – это деятельность определенных органов и лиц с целью обеспечить правильное и единообразное осуществление толкуемой нормы права, устранить неясности и возможные ошибки при ее применении [3]. В другом случае разъяснение – это словесно-документальное выражение юридического толкования [4], т.е. сам текст, в котором изложено толкование закона, кодекса и т.п.

Жанр текстов-разъяснений имеет определенную структурно-семантическую схему, т.е. суперструктуру, что подтверждается наличием в них субкомпонентов, которые регулярно встречаются в проанализированных текстах.

Для текстов-разъяснений характерна стандартная композиционная структура, включающая в себя вводную, основную и заключительную часть.

Основным компонентом вводной части является *констатация* – сообщение о том, что определенный закон был подписан. В некоторых случаях также присутствует *комментарий*, который содержит дополнительную информацию, связанную с принятием закона.

Схема семантической структуры основной части имеет иерархическое построение. На высшем уровне стоят такие компоненты, как *цель*, *резюме* и *дополнительная информация*. Последний компонент является узловым, поскольку от него отходят субкомпоненты следующего уровня: *процедура исполнения*; *лица*, на которых распространяется действие закона; *обязанности*, возложенные на лиц, подпадающих под действие закона; *их права и полномочия*; *ответственность* за несоблюдение данного закона; *внесение изменений* в законодательство. Помимо этого, на любом из уровней могут встречаться *уточнения*, конкретизирующие какую-либо информацию, либо *комментарии*.

Заключительная часть текстов-разъяснений представлена субкомпонентом *вступление закона в силу*, также иногда встречается компонент *комментарий*.

Компоненты и субкомпоненты суперструктуры представлены неравномерно, и не было выявлено суперструктуры, которая включала бы в себя все выделенные элементы. Так, к наиболее часто встречающимся относятся следующие компоненты: *констатация* (85 %), *цель* (70 %), *резюме* (100 %). Опираясь на семантику данных элементов, можно отнести их к обязательным компонентам суперструктуры, поскольку они содержат в себе основную информацию первичного текста. Остальные компоненты встречаются реже: *лица, на которых распространяется действие закона* (55 %), *процедура выполнения* (60 %), *обязанности, права и полномочия* (35 %), *ответственность* (25 %), *внесение изменений* (25 %), *вступление в силу* (45 %).

Каждый из выявленных элементов прототипической структуры характеризуется определенным набором дискурсивных маркеров. Под дискурсивным маркером понимаются лексические единицы, словосочетания, а также отдельные слова, которые регулярно используются в текстах определенного жанра для языкового выражения того или иного компонента суперструктуры.

В качестве маркеров обязательного элемента *цель* выступают слова или словосочетания со значением цели: *в целях, нацелен, направлен на, для..., будет способствовать* + существительное (*улучшению, формированию, стимулированию, созданию*), поскольку данный компонент объясняет для чего введен данный закон. Например:

Указ Президента Республики Беларусь от 17 февраля 2015 г. № 69 принят в целях создания условий для усиления конкурентоспособности белорусских товаров (Указ № 69).

Компонент *резюме* передает краткое содержание закона, поэтому в нем обязательно встречаются такие семантические структуры, как *установить, что... ; позволяет обеспечить... ; предусматривается, что... .* Здесь также часто встречается предлог *в соответствии с*, который в данном контексте обеспечивает связь с другими элементами текста. К примеру, в Указе № 209 компонент *резюме* представлен таким образом:

Указом предусматривается закрепить неизменными повышающие коэффициенты, применяемые при определении тарифов на электрическую энергию... .

Субкомпонент, обозначающий *лиц, на которых распространяется действие закона*, маркируется с помощью имен существительных или устойчивых словосочетаний, которые указывают на людей или общественные объединения: *граждане; руководители; индивидуальные предприниматели; поставщики; организации; министерство.*

Одним из субкомпонентов, обладающим наибольшим разнообразием дискурсивных маркеров, является *процедура исполнения*. Здесь встречаются слова и словосочетания, указывающие на:

а) определенную последовательность: *установленный единый порядок, порядок... , в порядке... , определенный механизм;*

б) промежутки времени для исполнения чего-либо: *производить в срок до... , не позднее... , со дня подачи... , в течение... ;*

в) деловые бумаги (документацию): *документы, оформить документы, заключить договор;*

г) финансовые отношения: *подлежащий уплате, оплата, перевод, перечисление средств, денежные выплаты, сумма/в сумме, расчет;*

д) субъекты, участвующие в отношениях: *орган, организация, правительство, предприниматель, лицо.*

Такое разнообразие дискурсивных маркеров объясняется семантикой данного компонента: в нем сообщается, в какой последовательности, кому и в какие сроки необходимо выполнять действия, предписанные законом. Например, разъяснение к Указу № 222 подробно объясняет, каким образом предпринимателям необходимо оплачивать НДС за ввезенные товары:

В указанных случаях представление налоговой декларации по НДС и уплата НДС производятся в срок до 20-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором ввезенные товары были приняты на учет. В соответствии с пунктом 8 <...> вместе с налоговой декларацией по НДС в налоговый орган представляются следующие документы...

Дискурсивные маркеры субкомпонентов *обязанности* и *права и полномочия* по своему лексическому значению тождественны названиям элементов суперструктуры. Соответственно, это будут лексические единицы со значением долженствования или необходимости (*обязан/будет обязано, необходимо, поручено, запрещается*) и семантические структуры со значением свободы действий/разрешения (*вправе, право на... , предоставлять право, получить право, наделение правами, сможет*). Как видно из примеров, данные компоненты поясняют обязанности, возложенные на тех, кто подпадает под действие закона, а также права и полномочия, которыми они наделяются. Для них также характерно использование предлога *согласно* чему-либо (*согласно постановлению, организации составляют...*), который обеспечивает ссылку на исходный документ. Примером субкомпонента *обязанности* может служить фрагмент из разъяснения Декрета Президента № 6:

Декретом возлагаются обязанности на владельцев Интернет-ресурсов – анализировать содержание принадлежащих им Интернет-ресурсов.

Ниже приведен пример субкомпонента *права и обязанности*:

С указанной даты физические лица вправе реализовывать на торговых местах на рынках и (или) в иных установленных местах следующие товары... (Указ № 222).

Компонент *ответственность* маркируется словами и словосочетаниями, обозначающими меры воздействия (*наложение штрафа, увольнение, арест, административная ответственность, дисциплинарное взыскание*) или имеющими значение невыполнения чего-либо (*невыполнение обязанностей, несогласие выполнить, нарушение*). Данный компонент разъясняет возможные последствия за несоблюдение закона, поэтому для него также характерны глаголы *влечь/повлечь*. Например, в Декрете № 5 данный компонент выглядит следующим образом:

За нарушение предусмотренного порядка назначения на руководящие должности, отказ в выдаче или нарушение сроков выдачи характеристик руководители будут привлекаться к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения.

Наиболее часто встречающимся компонентом является *уточнение*. Он может «прикрепляться» к любому элементу, поэтому среди его маркеров нет знаменательных частей речи, семантика которых относилась бы к какой-либо определенной сфере (например, *обязанности*). Напротив, для него характерны единицы, выражающие лишь добавление или тождественность: *также; вместе с тем; в случае, если; при этом; в частности; дополнительно/дополнительный*. Например:

Кроме того, в целях обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности предоставлена возмож-

ность обжалования, в том числе в суд, составленного в отношении лже-структуры заключения, а также автоматического аннулирования вынесенного в адрес ее контрагента предписания (Указ № 14).

Еще одним элементом суперструктуры, который может появляться в любой части текста-разъяснения, является *комментарий*. Все комментарии, встречающиеся в русскоязычных текстах, можно условно разделить на три группы:

1) *комментарий-справка*, в котором автор сообщает дополнительную информацию, косвенно связанную с основным содержанием текста-разъяснения. При этом используются такие маркеры, как: *следует отметить, что; как правило; так;*

2) *комментарий-предпосылка*, указывающий на обстоятельства, повлиявшие на создание закона (*принятие направлено на, в связи с*);

3) *комментарий-вывод*, в котором автор высказывает собственную точку зрения о принятом законе (*таким образом, стать шагом, в результате*).

Англоязычные тексты-разъяснения британских законодательных актов имеют суперструктуру, сходную с русскоязычными текстами. В первую очередь это проявляется в аналогичном композиционном членении на три части (введение, основная часть, заключение).

Во всех текстах вводной части содержится *констатация*, и в некоторых случаях также присутствует *комментарий-справка*.

В состав основной части входит компонент *резюме* (85 %), являющийся узловым и включающий такие субкомпоненты, как *обязанности* (50 %), *ответственность* (15 %) и *определения* (15 %). Следующим компонентом является *внесение изменений* (35%), который сообщает о поправках в законодательстве, последовавших из-за принятия нового закона. Третьим является компонент, специфический для англоязычных текстов, – *территория применения* (25 %).

Заключительная часть включает компоненты *срок вступления в силу* (40 %) и *историю принятия* документа (50 %).

Как в русскоязычных, так и в англоязычных текстах-разъяснениях наблюдается сходная тенденция: в проанализированных текстах не было выявлено суперструктуры, включающей в себя все элементы. Обязательными компонентами во втором случае являются *констатация* и *резюме*, тогда как остальные можно отнести к факультативным.

В каждом из вышеперечисленных компонентов встречается свой набор дискурсивных маркеров.

Так, компонент *констатация* маркируется такими семантическими структурами, как *was passed by, received Royal Assent*. Можно отметить, что семантически маркеры будут одинаковыми в обоих языках, поскольку в русскоязычных текстах данный элемент определяется словосочетаниями ... *подписал/принял указ/декрет*. Например:

Active Travel (Wales) Act 2013 which was passed by the National Assembly for Wales on 1 October 2013 and received Royal Assent on 4 November 2013.

Компонент *комментарий* в английском языке встречается только в вводной части и в большинстве случаев указывает на предпосылки принятия закона и дает ссылки на документы, связанные с ним. Дискурсивными маркерами для данного элемента могут быть лексические единицы, обозначающие общественный институт (*government, committee, department*), название официальных документов (*Royal Marriages Act, Command paper, Impact Assessment*) или промежутки времени и даты (*financial year, year 1998–1999, on the 20 October 2011*).

Дискурсивные маркеры компонента *резюме* делятся на несколько категорий и представлены глаголами:

а) со значением утверждения, введения в действие: *to set out, to provide, to further*;

б) изменения: *to revoke, to remove, to replace, to make changes, to re-enact*;

в) запрета или разрешения: *to prohibit, to enable, to permit, to authorize*.

Значение данного компонента совпадает с семантикой русскоязычного компонента, в то время как набор дискурсивных маркеров значительно шире. Например:

The Succession to the Crown Act 2013 makes three changes to the law governing the succession to the Crown. It ends the system of male preference primogeniture (Succession to the Crown Act).

То же самое явление наблюдается и в случае с компонентом *вступление в силу*. Если в русском языке он представлен словосочетанием *вступить в силу*, то в англоязычных документах, помимо конструкций *to come into force, to bring into effect*, встречаются также маркеры, указывающие на время: *two month after Royal Assent is given, by the time that, on the day... , on such day and such time as... , at the same time*.

Особый интерес представляет элемент *внесение изменений*. В русском языке он маркирован такими семантическими структурами, как *изменение, внесение изменений, вводятся... , внесено/вносится дополнение, признано утратившим силу*, тогда как в английском варианте данные структуры более разнообразны: *to insert a new paragraph, to introduce further conditions, to repeal the section/act, to remove provisions, is revoked, is added*. Например:

Section 1 inserts new paragraph 6A into schedule 3 to the 2005 Act and introduces a further mandatory condition (Alcohol (Minimum Pricing) Act).

Дискурсивные маркеры компонентов *обязанности* и *ответственность* являются аналогичными в обоих языках. Например, в англоязычных текстах эквивалентами глаголов со значением долженствования выступают *to be (ministers are to specify), must, should, to require (will be required/the act requires)*. Например, компонент *обязанности* в законе об использовании бумажных и пластиковых пакетов (*Carrier Bags Act*) представлен следующим образом:

The Act also requires the Department to carry out a review of the carrier bag... The Department must prepare a report on biodegradable carrier bags.

Приведенный ниже пример демонстрирует возможные языковые маркеры, определяющие компонент *ответственность*:

The penalty for committing the offence is a fine not exceeding level 3 on the standard scale (currently £1,000) (Smoking Prohibition (Children in Motor Vehicles) Act).

Существует также ряд компонентов, характерных только для англоязычных текстов-разъяснений. К ним относятся: *определения, территория применения и история принятия*.

Компонент *определения* включает в себя разъяснение терминов, встречающихся в тексте закона, и определяется структурами, в состав которых входят глаголы со значением уточнения (...*means...* , *to set out what is meant by...* , *these might include...* , *to be defined*), или конструкциями со значением уточнения (*for example, other than, maybe*). Например:

Section 2 sets out the meaning of an active travel route and of related facilities (Active Travel Act).

Компонент *территория применения* разъясняет, в каких частях страны закон имеет действие. Существование данного компонента связана с государственным устройством Соединенного Королевства. Он может быть выявлен с помощью таких маркеров, как *to extend to, to apply to, in relation to, to relate to, to confer on (Welsh Ministers), except*. Например:

The Act extends to the whole of the United Kingdom (Succession to the Crown Act).

Третий компонент, *история принятия*, также является специфичным, поскольку сообщает об этапах прохождения закона в парламенте.

Субкомпонент *уточнение* может встречаться на любом уровне суперструктуры. В англоязычных текстах он также сообщает дополнительную информацию, для чего могут использоваться лексические единицы со значением добавления (*also; alternative means*).

Отсюда следует, что англоязычные тексты-разъяснения также имеют иерархическую суперструктуру, которая представлена обязательными и факультативными компонентами. К ним относятся: *констатация, комментарий-справка, резюме, обязанности, ответственность, определения, внесение изменений, территория применения, вступление в силу, история принятия и уточнение*.

Рассмотрим соотношение суперструктур текстов юридических документов и текстов их разъяснений.

Выбор средств выражения, используемых в законодательных актах, должен приводить к максимально четкому и сжатому выражению норм права для того, чтобы исключить любую возможность двоякого толкования.

Постоянное следование этим требованиям выработало в законодательном подстиле такую особенность, как стандартизированность. Эта характеристика проявляется не только на синтаксическом или стилистическом уровнях, но также присуща и семантической структуре законодательных актов.

В юридической практике существует установленная структура законодательных актов, которой придерживаются при нормотворчестве. Так, русскоязычные документы включают следующие компоненты:

- *преамбула*, в которой сообщаются причины и цель принятия данного закона;

- *нормативное содержание*, или постановляющая часть, в которой изложен основной текст закона;

- *указание на последствие нарушений*, в которой либо указывается конкретная санкция, либо констатируется наказуемость за нарушение данного закона;

- *указание на нормативные акты, подлежащие отмене*;

- *указание на порядок вступления в силу*.

Британские документы состоят из таких частей, как:

- *полное наименование закона и цель*;

- *дата получения королевской санкции*;

- *основная часть закона*, подразделяющаяся на секции, подсекции, пункты и подпункты и включающая основное содержание закона;

- *интерпретация*, в которой даны определения понятиям, встречающимся в тексте;

- *вступление в силу* [5].

Анализ законодательных текстов показал, что все они построены в соответствии с данной структурой, а их прототипическая структура практически полностью повторяет композиционную структуру данных текстов. Так, суперструктура русскоязычных законодательных документов включает пять компонентов: *введение, нормативное содержание, последствия нарушений, отмена нормативных актов и порядок вступления в силу*.

В состав англоязычных текстов входят следующие компоненты: *полное наименование и цель, основная часть, интерпретация, вступление в силу*. Указанные выше части далее подразделяются на субкомпоненты, тем самым позволяя построить суперструктуру текстов постановлений, указов, декретов и актов парламента.

Так, в русскоязычных текстах компонент *нормативное содержание* можно разделить на следующие субкомпоненты: *резюме* (90 %), *лица, подпадающие под действие закона* (55 %), *обязанности* (50 %), *права* (45 %), *ответственные за исполнение* (35 %), *порядок исполнения* (30 %), *предмет закона* (30 %), *определения* (20 %).

В составе компонента *указание на последствие нарушений* выделяются такие компоненты, как *ответственность* (30 %), который поясняет, какое наказание может повлечь неисполнение закона, и *контроль исполнения* (60 %), дающий полномочия определенным органам контролировать выполнение предписанных норм. Субкомпонент *ответственность* далее подразделяется на следующие элементы: *органы, назначающие наказание* (10 %) и *сроки наложения взыскания* (10 %).

В компоненте *указание на нормативные акты, подлежащие отмене*, не всегда сообщается только об отмене определенных законов. Очень часто в него также включаются субкомпоненты *внесение изменений* (55 %), *ответственные за внесение изменений* (40 %), *право толкования* (30 %).

Последний компонент (*указание на порядок вступления в силу*) состоит из обязательного элемента *вступление в силу* (100 %), а также в некоторых случаях в нем указывается *срок действия* (15 %).

При сопоставлении текстов законодательных актов с их вторичными текстами (разъяснениями) различие в суперструктурах очевидно. Так, тексты-разъяснения композиционно состоят из трех частей (введения, основной части и заключения), в то время как первичные тексты содержат пять составляющих. Соответственно изменяется количественный состав и распределение компонентов. Во вторичных текстах выделяется 12 компонентов, 8 из которых входят в состав основной части, в то время как другие части содержат всего один или два элемента. В первичных текстах было выделено 18 компонентов, 8 из них включено во вторую часть (*нормативное содержание*), остальные же распределены по оставшимся четырем частям. Такие компоненты, как *констатация*, *уточнение* и *комментарий* содержатся только в текстах-разъяснениях, в то время как компоненты *ответственные за исполнение*; *предмет закона*; *определения*; *органы, назначающие наказание*; *сроки наложения взыскания*; *контроль за исполнением*; *ответственные за внесение изменений*; *срок действия*; *право толкования* встречаются только в составе текстов законов.

Англоязычные законодательные тексты состоят из четырех частей. В составе первой части закона (*полное наименование закона и цель*) входит только компонент *цель* (60 %) и дата, которая сообщает, когда данный акт получил королевское одобрение.

Наиболее структурно нагруженной является *основная часть закона*, разделы которой содержат всю информацию о новом законе. В ее состав входят 13 компонентов, но все они имеют тенденцию появляться в определенном порядке, сообщая вначале более общую информацию и только затем более детальную. В связи с этим данную часть закона можно условно разделить на две: вводную и главную. Во вводной части компоненты *предмет закона* (50 %) и *определения* (85 %) дают обзор всего документа, сообщая об изменениях или нововведениях в действующем законодательстве. В главной части присутствуют следующие субкомпоненты: *обязанности* (75 %), *лица, подпадающие под действие закона* (55 %), *внесение изменений* (50 %), *права и полномочия* (45 %), *порядок исполнения* (30 %), *ответственность* (45 %), *сфера действия* (25 %), *согласование с другими законами* (20 %), *написание руководства* (25 %), *контроль исполнения* (20 %), *пересмотр* (10 %). Все перечисленные компоненты не встречаются одновременно в одном тексте. Как правило, это комбинация из 5–7 элементов.

Третья часть, *интерпретация*, которая содержит в себе толкования понятий, встречающихся в тексте, не является обязательной, поскольку

имелась только в 45 % проанализированных текстов. Это связано с тем, что в некоторых случаях определения предоставляются в *основной части* закона.

Последняя часть включает в себя три компонента: *краткое название* и *вступление в силу*, которые являются обязательными, а также элемент *территория применения* (15 %), указывающий на то, в какой части Соединенного Королевства закон имеет силу.

Законодательные акты и тексты-разъяснения на английском языке также показывают различия при сопоставлении их прототипических структур. Вторичные тексты состоят из трех частей, в то время как исходные включают четыре. Также количество компонентов в текстах законов значительно больше, чем в текстах-разъяснениях (17 и 11 соответственно). Во вторичных текстах отсутствуют такие компоненты, как *цель*; *предмет закона*; *лица, подпадающие под действие закона*; *права*; *порядок исполнения*; *сфера действия*; *согласование с другими законами*; *написание руководства*; *контроль исполнения*; *пересмотр*; *краткое название*, но в то же время информация передается с помощью других элементов (*констатация*; *комментарий*, *резюме*, *уточнение*, *история принятия закона*).

Тем не менее англоязычные тексты проявляют больше сходства друг с другом за счет дистрибуции компонентов. В первичных текстах 13 из 17 компонентов входят в состав основной части, равно как и в текстах-разъяснениях 7 из 11 элементов встречаются в центральной части.

Таким образом, жанр текстов-разъяснений имеет определенную структурно-семантическую схему, что подтверждается наличием в данных текстах регулярно встречающихся субкомпонентов. Эта структура является иерархичной и представлена обязательными и факультативными компонентами. Каждый из элементов характеризуется определенным набором языковых маркеров, которые регулярно используются для языкового выражения того или иного компонента суперструктуры.

Сопоставительный анализ текстов законодательных актов и их разъяснений показал, что их суперструктуры различаются по нескольким параметрам, что можно объяснить различием функций. Законодательные документы призваны регулировать отношения в обществе, следовательно, они должны иметь стандартную, логичную и последовательную схему построения, сложившуюся в результате многолетней практики и позволяющую правильно создавать законы и работать с ними. В то же время тексты-разъяснения лишь доводят до сведения читателя информацию, изложенную в первичном тексте, и, следовательно, для лучшего понимания неспециалистами, они должны иметь типовую структуру, которая присуща большинству текстов (введение, основная часть, заключение). Данное различие ведет за собой и различное распределение компонентов. Также вторичные тексты содержат меньшее количество структурных компонентов, что объясняется тем, что они носят обзорный характер, в отличие от законодательных актов, которые являются детальными и, следовательно, охватывают больше сфер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Первухина, С. В.* Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С. В. Первухина. – Ростов н/Д, 2015. – 305 л.
2. *Ионова, С. В.* О двух моделях построения вторичных текстов / С. В. Ионова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 69–76.
3. *Палашевская, И. В.* Функции юридического дискурса и действия его участников / И. В. Палашевская // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2010. – Т. 12, № 5 (2). – С. 535–540.
4. *Алексеев, С. С.* Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Изд-во БЕК, 1995. – 320 с.
5. *Бажанов, С. В.* Юрислингвистика и проблемы юридической терминологии / С. В. Бажанов, О. А. Морохова // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2006. – № 1. – С. 171–175.

This article is devoted to the semantic structure of explanation texts of legal documents. The author describes the components of their superstructure and compares them to the superstructure of legislative acts in the English and Russian languages.

Т. П. Карпилович, В. Ю. Урбанович

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СРАВНЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются структурные и семантические типы художественных сравнений, встретившихся в англоязычном нарративном дискурсе, представленном короткими рассказами современных британских писателей. Выявлены три структурных типа сравнений (нераспространенные, распространенные и осложненные) и три семантических типа сравнений (сравнения, построенные на аналогии, качественные сравнения и сравнения действия). Определена употребительность структурных и семантических типов сравнений в нарративном дискурсе. Установлены способы перевода сравнений на русский язык с использованием различных переводческих приемов.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью структурно-семантических характеристик образных средств, функционирующих в жанре англоязычного короткого рассказа, и способов их перевода на русский язык.

Многие белорусские и зарубежные лингвисты дают относительно различные описания понятия *нарратив*, тем самым подчеркивая тот факт, что в настоящее время его единое определение отсутствует [1]. Так, М. Б. Бергельсон считает нарратив основным методом «выражения повторения события в прошлом путем объединения устных высказываний и событий,

которые произошли в реальности» [2, с. 2–3]. По мнению ученого, особенностями данного понятия является то, что во-первых, «нарратив обозначает соответствующий дискурсивный жанр», а во-вторых, нарратив является «одним из дискурсивных типов изложения, или типов пассажей, или абзацев» [Там же, с. 17].

Голландский лингвист Т. ван Дейк считает, что нарратив является не только жанром рассказа, он может относиться к сообщениям, новостям и т.п. [3]. В работе И. В. Метлушко рассматривается понятие нарратива в широком смысле как метод, используемый для упорядоченного описания событий, и в узком значении – как повествовательное предложение, нарративная структура. Различия в значениях основаны на «двойкой событийности нарратива»: здесь присутствует «событие, о котором рассказано в произведении», а также «событие самого рассказывания» [4, л. 21]. Тем не менее большинство лингвистов сходятся во мнении, что нарратив можно определить как «текст, передающий информацию о реальных или же вымышленных событиях, происходящих во временной последовательности» [1, с. 4].

Понятие *нарративный дискурс* как разновидность нарратива и один из типов дискурса представлено многими лингвистами с различных точек зрения. В своей работе В. Шмид указывает на следующие черты нарративного дискурса: «дискурс является нарративным в широком смысле, если он излагает изменение состояния, нарративным в узком смысле, если изменение состояния имплицитно или эксплицитно изображается повествовающей инстанцией». В рамках исследования нарративного дискурса он рассмотрел особенности выделения типов нарративного текста, который, с одной стороны, представлен «нарратором», с другой стороны, он представлен «без опосредующей инстанции» [5, с. 20].

Многие исследователи нарративного дискурса опираются на рассуждения М. М. Бахтина о том, что специфика этого дискурса состоит в представлении совокупности фактов в качестве событий: «событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания <...> происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте <...> мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов» [6, с. 403–404].

Нарративный дискурс широко представлен не только в художественной литературе, но и в различных видах медийной коммуникации, таких как печатные издания, телевидение, радио. Кроме того, данный тип дискурса очень широко используется в повседневной речи, в выступлениях политических деятелей, а также в других видах вербальной коммуникации.

Особенностью нарративного дискурса является разнообразие его жанров. Так, в соответствии с типологией речевых жанров по М. М. Бахтину можно выделить такие жанры нарративного дискурса, как сказание, притча и

анекдот. В. Шмид определяет следующие жанры нарративного дискурса: «повествовательный нарративный дискурс (роман, рассказ, повесть) и миметический нарративный дискурс (пьеса, кинофильм, балет, пантомима и т.д.)», где «информация передается путем использования жестов, звуков и движений» [5, с. 15].

Российский лингвист Т. Л. Кузнецова дала следующие понятия короткого рассказа. С одной стороны, это произведение в «малой прозаической форме, не являющееся новеллой или повестью». С другой стороны, это «произведения, воссоздающие личный опыт писателей, запечатлевающие их воспоминания», в которых «сознание общества, переосмысливающего духовный опыт, органично связано с культурой рассказа, во многом определяющей его поэтику». В них основную роль играют «речь повествователя, лирический тон и юмор, передающие теплое отношение автора, которые определяют тональность рассказа» [7, с. 80]. Четкое определение короткого рассказа дано в работе И. В. Метлушко: «художественный текст малой прозаической формы, последовательно повествующий об ограниченном количестве темпорально и логически соотнесенных событий, создающий у адресата впечатление целостности» [4, л. 21–22]. Характеристиками короткого рассказа являются однособытийность, однопроблемность; ограниченное количество персонажей; лаконизм, динамизм и напряженность; непрерывность текстового континуума; индивидуальная временная система; мономодальность (изложение одной точки зрения на события, представленные в рассказе) [Там же, л. 23].

Материалом настоящего исследования являются тридцать коротких рассказов, написанных в периоды с 2000 по 2015 год современными британскими авторами (Matthew Grigg, Ursula Wills-Jones, Naomi Alderman, Jennifer Jenkinson, James Ross, Melissa Checker, Simon Collings, Penny Feeny, Claire Sandy и др.) [8].

Среди образных средств, которые широко представлены в анализируемых коротких рассказах, второе место по употребительности после эпитетов занимают сравнения (20 % от общего количества образных средств). С точки зрения структуры выявлены распространенные и нераспространенные сравнения, а также сравнения, осложненные причастными, деепричастными конструкциями или придаточными предложениями. Наиболее употребительными оказались распространенные определения (47,3 %): *Munich is scrubbed and shining like a soap powder advert, it's not a bit like Blackpool, and there are wonderful stone buildings with fairy-tale turrets* [8] – ‘Мюнхен напоминал мне рекламу моющего средства – он был чистый и сияющий. Он не был похож на мой родной город (Блэкпул), так как повсюду были невероятные каменные здания со сказочными башнями’.

Трудности перевода фрагмента высказывания *Munich is scrubbed and shining like a soap powder advert* заключались в подборе эквивалентов многозначного слова. В данном контексте прилагательные *scrubbed* и *shining* были переведены как ‘чистый’ и ‘сияющий’ соответственно, несмотря на то,

что *scrubbed* имеет в словаре значения ‘протертый, промытый’, а прилагательное *shining* – ‘блестящий, яркий’. Таким образом, здесь был использован переводческий прием вариантного соответствия.

Второе место по употребительности занимают нераспространенные определения (29,3 %): *She shoves me through the turnstile and her arms are folded and her feet are planted like roots and there's no way I can slip past her, escape* [8] – ‘Она подталкивает меня к турникету, ее руки согнуты, ее ноги стоят прочно, словно дерево, и я не могу проскользнуть мимо нее, убежать’.

Сравнения третьего структурного типа, а именно осложненные причастными, деепричастными конструкциями или придаточными предложениями, составили 23,4 % от общего количества сравнений: *As if summoned by her thoughts Rahel, green eyes and a flicking tail, appeared on the window ledge, her silent meows making small circles of condensation* [Там же] – ‘Будто погруженная в свои мысли, моя кошка Рахель, с зелеными глазами и махающим хвостом, появилась на подоконнике. Она тихо мяукала, а из ее рта появлялись небольшие круги пара’.

Трудности при переводе сравнения *As if summoned by her thoughts* были вызваны необходимостью сохранения благозвучия, учитывая многозначность слов. Так как значения причастия *summoned* как ‘вызванный, созданный, собранный’ не соответствуют данному контексту, то был выбран более подходящий переводной эквивалент – ‘погруженный’.

Среди семантических типов сравнений наиболее употребительными оказались сравнения, создаваемые по аналогии (53,25 %). Такого типа сравнения основаны на сходстве главного и сравниваемого объектов [9, с. 63]: *Even the trees seemed to hang their branches like weary arms* [8] – ‘Казалось, что даже деревья свесили свои ветви, напоминая усталые руки’.

Трудности при переводе сравнения в этом примере были связаны с выбором переводного эквивалента прилагательного *weary*, имеющего значения ‘утомленный, изнеможенный’. В данном контексте был выбран перевод ‘усталый’, позволивший сохранить благозвучие и стилистическую окраску выходной фразы. В ряде случаев при переводе сравнений, основанных на аналогии, был использован прием описательного перевода: *Jim swings open the front door and sees Ellen Kelly stands there, smiling like sunlight* [Там же] – ‘Джим открыл переднюю дверь и увидел стоявшую перед ним Элен Келли, чья улыбка напоминала солнечный свет’.

Вторым семантическим типом сравнения является так называемое качественное сравнение (27,1 %), под которым понимается сравнение качественных характеристик основного объекта и объекта, с ним схожего [9]. Например: *The Owl concentrated, as if on a distant goal, and every grainy wooden feather led to its piercing eyes* [8] – ‘Казалось, что сова смотрит на нее, как на свою добычу, а перья, вырезанные на ней, соответствовали ее пронзительному взгляду’. При переводе сравнения *as if on a distant goal* был использован прием лексической замены. Чтобы создать образ хищной птицы, в качестве русского эквивалента слова *goal* (имеющего словарные значения ‘задача, назначение, цель’) был подобран перевод ‘добыча’.

В качестве третьего семантического типа было выявлено сравнение, обозначающее подобие основного объекта и сравниваемого объекта по их действию в определенный момент времени (19,65 %). Например: *Instead they seemed to glide, like boats, unfurling their long coats like sails to hide and envelop the beleaguered moon god* [8] – ‘Вместо этого они стали двигаться плавно, словно лодки на воде, раскрывая свои длинные плащи, словно паруса, пытаясь спрятать обеспокоенного Лунного Бога’. Перевод сравнения *like boats* был осуществлен с использованием приема смыслового развития для сохранения благозвучия выходной фразы: ‘словно лодки на воде’.

Таким образом, проведенный анализ позволил установить три структурных типа художественных сравнений в англоязычном нарративном дискурсе: нераспространенные, распространенные и осложненные причастными, деепричастными оборотами или придаточными предложениями. Наиболее употребительным структурным типом рассматриваемых лексико-стилистических средств оказались распространенные сравнения, что связано с широким употреблением определений в художественном дискурсе, в том числе и эпитетов [10]. Среди семантических типов сравнений (основанных на аналогии, качественных и сравнений действия) наиболее продуктивными являются сравнения, построенные по принципу аналогии. Анализ способов перевода художественных сравнений показал эффективность таких переводческих приемов, как лексические замены, описательный перевод, приемы вариантного соответствия и смыслового развития.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавании теоретических дисциплин стилистики, лексикологии, теории перевода, а также на практических занятиях по лингвостилистическому анализу письменного текста и переводу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, К. А. Текст-нарратив: опыт структурно-семантической интерпретации : учеб. пособие / К. А. Андреева, Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 1993. – 108 с.
2. Бергельсон, М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Б. Бергельсон ; Моск. гос. ун-т. – М., 2005. – 45 с.
3. Dijk, T. van. Discourse as structure and process / T. van Dijk. – London, 1997. – 320 p.
4. Метлушко, И. В. Культурно-тематические доминанты художественного дискурса и языковые средства их реализации (на материале английского и белорусского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. В. Метлушко. – Минск, 2015. – 154 л.
5. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Яз. слав. культуры, 2008. – 302 с.
6. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.

7. Кузнецова, Т. Л. Короткий рассказ – одна из малых форм коми прозы рубежа 20–21 веков / Т. Л. Кузнецова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Вып. 55, Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 17. – С. 80–84.
8. Short fiction [Electronic resource] // Collection of fiction short stories. – 2015. – Mode of access : <http://www.eastoftheweb.com>. – Date of access : 08.09.2015.
9. Мальцев, В. А. Введение в лингвистическую поэтику : учеб. пособие / В. А. Мальцев. – Минск, 1975. – 248 с.
10. Урбанович, В. Ю. Сложные эпитеты в англоязычном нарративном дискурсе и способы их передачи на русский язык / В. Ю. Урбанович // Материалы ежегодной науч. конф. студентов и магистрантов ун-та, 19–20 апр. 2016 г. : в 3 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2016. – Ч. 2. – С. 248–249.

The paper presents structural and semantic types of similes used in short stories by modern British writers. Means of their translation into Russian are also analyzed based on using different translation techniques.

В. В. Чалагаева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В БРИТАНСКОЙ ГАЗЕТНОЙ И ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ХРОНИКЕ

В статье рассматриваются основные подходы к интерпретации прагматического содержания языкового знака, а также условия реализации прагматической функции языка. Проведенное исследование выявляет наиболее частотные языковые средства, используемые для оказания воздействия в британской газетной и телевизионной хронике в сопоставительном аспекте.

На современном этапе развития языкознания язык изучается в тесной связи с человеком.

Все больший интерес вызывают субъективные моменты в языке, где субъективность языка исследуется как общее его свойство, пронизывающее все языковые стороны. Именно в этом свойстве языка и лежат основания прагматики.

Необходимо отметить, что в лингвистике существует два основных подхода к интерпретации прагматического содержания языкового знака. Согласно первому подходу (Э. С. Азнаурова, Л. С. Аганханянц), прагматическая информация присутствует в семантической структуре слова наряду с оценочным, эмотивным и иными компонентами. Другие исследователи (например, В. Н. Телия, Р. С. Сакиева) под прагматическим аспектом понимает экспрессивность в широком смысле слова, т.е. как «не-нейтральность, придающее речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением, усилен и тем самым выделен из общего потока за счет необычного использования стилистических

средств... для того чтобы усилить воздействие на эмоциональную сферу человека» [1, с. 7]. Таким образом, критерием наличия в слове прагматического компонента является экспрессивный или прагматический эффект. Прагматическим эффектом языковой единицы трактуется как «результат ее функционирования, отбора и употребления, он не может быть значением, т.е. не лексикализуется, но принадлежит прагматике речи» [2, л. 65]. Мы придерживаемся вышеописанного взгляда на прагматическое содержание языкового знака, так как данный подход позволяет учитывать воздействующие и регулятивные возможности прагматического компонента слова.

К условиям реализации прагматической функции языка можно отнести экспрессивность текста. В данном исследовании мы говорим об экспрессивности текста как условии реализации прагматической функции языка. Понятие экспрессивности текста, бесспорно, шире понятия экспрессивности отдельных лексических языковых единиц. Общая экспрессивность текста трактуется нами как «вся система использованных в нем средств, позволяющих выразительно представить содержание текста, включая ярко выраженную авторскую позицию... и представляет собой интегральный результат таких его свойств, как эмотивность, оценочность, образность, интенсивность, стилистическая маркированность, структурно-композиционные особенности» [Там же, л. 119]. Однако прежде всего экспрессивность служит для выражения чувств и эмоций, что позволяет многим лингвистам рассматривать понятия экспрессивности и эмотивности, как близкие, но не тождественные. При этом следует подчеркнуть, что эмоциональность и эмотивность также не являются тождественными понятиями. Эмоциональность выражает «определенные психические состояния человека, обуславливающие его эмоциональное отношение к ситуации сообщения, тогда как эмотивность – это совокупность языковых средств всех уровней, способных произвести эмоциональный эффект, т.е. вызвать у реципиента соответствующие эмоции» [3, л. 28]. Таким образом, в процессе языкового опосредования эмоциональность как психическое явление трансформируется в эмотивность, которое есть уже языковое явление.

Тем не менее, если эмотивные элементы служат только для выражения чувств, то экспрессивные – для усиления выразительности как при выдвигании эмоции, так и при выражении мысли. К эффективным экспрессивным единицами языка относят лексику с эмоционально-экспрессивной окраской, тропы, эпитет, экспрессивные синтаксические конструкции и т.п.

Материал исследования составляет 70 текстов британской газетной и телевизионной хроники из качественной прессы («The Guardian», «The Independent», «The UK Week») и новостных каналов («BBC News», «Sky News», «Channel 4»). Под хроникой мы понимаем «жанр новостной журналистики, вторичный текст, представляющий собой подборку сообщений, констатирующих наличие события в настоящем, ближайшем прошлом или ближайшем будущем» [4, с. 80]. Цель исследования заключается в выявлении наиболее частотных средств оказания прагматического воздействия в устной и письменной британской хронике в сопоставительном аспекте.

Анализ материала показал, что с целью достижения максимального эффекта, используемых в текстах британской газетной и телевизионной хроники, особую роль играет эмоционально-экспрессивная лексика. Оттенков окраски эмоционально-экспрессивной лексики великое множество, однако в ходе анализа мы условно разделили ее на два больших разряда – с положительной и отрицательной оценкой. Эмоционально-экспрессивная лексика активно функционирует в газетной и телевизионной хронике, причем абсолютное большинство этого пласта лексики обладает отрицательной окраской. Это может быть связано с тем, что негативно окрашенная лексика является более активным средством привлечения внимания адресата, так как воспринимается острее и вызывает больший интерес. Было установлено, что в обоих типах хроники эмоционально-экспрессивная лексика в первую очередь представлена прилагательными (*lewd, dangerous, intolerable, shameful, offensive, dramatic, desperate*), существительными (*terror, fear, concern, rebel, craze, riot*), причастием прошедшего времени (*squashed, inspired, affected, trapped, unshackled*), глаголами (*to molest, to lash out, to abuse*) и наречиями (*dramatically, radically*).

Отличительной чертой британской газетной хроники является активное использование цитирования с эмоционально-экспрессивными единицами при «обругивании» политического противника. Автор хроники, умело расположив фрагменты цитат, создает настрой своего произведения, снимая с себя ответственность за выраженную оценку. По справедливому замечанию М. И. Шостака, главная ценность цитирования заключается «в уточнении позиций по спорному вопросу при общем эффекте беспристрастности, объективности автора заметки» [5, с. 44]. Рассмотрим газетную хронику из «The UK Week» от 16.10.16: *Hilary Clinton has called on supporters to give her a landslide victory in the US presidential race, asking them to help her “have the kind of victory we need” to “rebuke” Donald Trump for his “bigotry and bullying”. Trump, meanwhile, says the women who accused him of harassment are “horrible, horrible liars”* (‘Хилари Клинтон призвала своих сторонников обеспечить ей внушительную победу в американской президентской гонке, попросив своих сторонников помочь ей «с той самой победой, которая всем необходима», для того чтобы это «стало укором» для Дональда Трампа за свои «фанатизм и запугивание». Трамп, в свою очередь, заявил, что женщины, обвиняющие его в домогательствах, «ужасные, ужасные врунишки»’). Умело используя мозаику из цитат, наполненных эмоционально-экспрессивной лексикой, автор имплицитно дает оценку деятельности Трампа, вложив оценку в уста Хилари Клинтон.

В ходе анализа нами было выявлено, что как в газетной, так и в телевизионной британской хронике нередко используются слова и выражения разговорно-бытовой лексики. Попадая в тексты «качественных» газет или в телевизионный новостной выпуск, разговорно-бытовые слова оказываются в чуждой им среде – на фоне нейтрального литературного языка они задерживают на себе внимание читателя, способствуют акцентуализации

оценочной информации (*bloody, to get by, gang, to make off (with jewelry), to make a fuss, to grab a Michelin star*). Особый и наиболее частотный пласт разговорно-бытовой лексики, используемой в обоих типах британской хроники, составляют фразовые глаголы. Например, в телевизионной хронике на телеканале «Channel 4» от 16.10.16 *Jeremy Corbyn lashed out against Commons accusing them of doing too little to raid anti-Semitism in Labour ranks* используется фразовый глагол *to lash out* ‘наброситься с критикой’ вместо нейтрального *to criticize*.

Особый случай использования экспрессивных средств в газетной хронике – авторские неологизмы, которые образуются путем объединения слов во фразы или целого предложения в одно слово и иногда выполняют функцию фразовых эпитетов. Такие фразоподобные образования очень экспрессивны ввиду своей непредсказуемости. Необходимо отметить, что случаи использования авторских неологизмов в хронике единичны, так как в целом нетипичны для новостного жанра газетной публицистики. Все зафиксированные случаи были отмечены только в газетной хронике и поданы в виде цитаты. Например: *Theresa May has denied claims from Labour leader Jeremy Corbyn that she is overseeing a «shambolic Tory Brexit» and vowed to be “ambitious with negotiations with EU* («The UK Week», 12.10.16), *Brexit* означает ‘British exit from the EU’ (‘Тереза Мэй отрицает претензии со стороны лидера лейбористской партии Джереми Корбина в том, что она «наблюдает со стороны за хаотичным выходом Британии из ЕС, инициированным партией Тори», и пообещала «вести себя амбициозно при переговорах с ЕС»’).

Нередко в целях воздействия на зрителя в новостном газетном и теледискурсе интенсивно используется метафора. В современном теледискурсе весь арсенал метафор применяется прежде всего для изображения негативных сторон политики и социальной обстановки. Анализ материала выявил превалирование метафор в британской газетной хронике в сопоставлении с телевизионной (13 случаев употребления метафоры в газетной хронике и 5 случаев – в телевизионной). Рассмотрим газетную хронику от 10.10.16 из «The UK Week»: *Hilary Clinton and Donald Trump have locked horns in the second presidential TV debate, their first after a video showing Trump boasting about groping women. According to Sky News, the event was «ill-tempered», but Clinton let Trump off the hook* (‘Хилари Клинтон и Дональд Трамп столкнулись лбами во вторых президентских телевизионных дебатах, впервые после обнародования видео, в котором Трамп хвастался о том, что лапал женщин. По сведениям Скай Ньюс, мероприятие было полно ругани, но Клинтон спустила Трампу это с рук’). С помощью умело подобранной цитаты *to lock horns* автор передает напряженность, противоборство и полярность взглядов Клинтон и Трампа.

Отличительной чертой британской телевизионной хроники является активное использование экспрессивных синтаксических конструкций, наряду с эмоционально-экспрессивной лексикой и тропами, для оказания прагмати-

ческого эффекта. Нередко авторы прибегают к приему градации, который заключается в группировке однородных членов предложения по принципу нарастания эмоционально-смысловой значимости: *Today Olympians took their medals, their records and irresistible good cheer to the rainy streets of Manchester for a victory parade* 'Сегодня олимпийцы вынесли свои медали, рекорды и неудержимый смех на улицы дождливого Манчестера, где их приветствовали на параде для победителей' («Channel 4», 17.10.16). Благодаря приему градации акцент делается на поступательности и динамичности ситуации, так или иначе воздействуя на эмоциональную сферу адресата.

Для усиления воздействия адресантом в исследуемой британской телевизионной хронике используется риторический вопрос, заостряющий поднятую в материале проблему и передающий накал чувств. Кроме того, каждый вопрос создает некоторый «драматизм» в столкновении мнений, взглядов, делает текст «живым» (*Who will be the new boss?; If Labour or the Conservatives will try to form the minority without the Labour democrats?; Is this the beginning of the end of Islamic State or another bloody quagmire?*).

Реже используется синтаксический повтор, усиливающий тональность текста и накаляющий спектр передаваемых эмоций. Рассмотрим данный прием на примере телевизионной хроники телеканала «Channel 4» от 18.10.16: *Today before the last presidential debate Obama tells Trump to stop whining. Melania Trump tells women to stop lying* ('Сегодня до начала последних президентских дебатов Обама говорит Трампу перестать ныть. Мелания Трамп говорит женщинам перестать врать'). Синтаксический повтор придает динамичность, создает эффект разговорности и привлекает внимание адресата.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что особенностью устных и письменных СМИ является сочетание в них элементов сообщения и воздействия. Несмотря на превалирование информационной функции над другими, передача информации редко бывает полностью нейтральной, т.е. абсолютно свободной от элементов воздействия на аудиторию. Безусловно, различные жанры и типы СМИ характеризуются разным соотношением и воплощением элементов сообщения и воздействия, а также набором экспрессивных средств. Проведенный анализ выявил, что наиболее частотными средствами воздействиями в британской газетной хронике являются эмоционально-экспрессивная лексика, метафора, авторские неологизмы. Следует отметить, что вышеуказанные экспрессивные средства часто встречаются при цитировании экспертов, авторитетов или очевидцев, влияя на расстановку акцентов в хронике. В британской телевизионной хронике к наиболее часто используемым средствам воздействия можно отнести эмоционально-экспрессивную лексику, метафору, а также такие экспрессивные синтаксические средства, как риторический вопрос, градация и синтаксический повтор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Человеческий фактор в языке / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович. – М. : Наука, 1991. – 214 с.
2. *Пьянзина, И. Н.* Прагматика оценки в субъязыке современной британской прессы (на материале публицистического очерка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Н. Пьянзина. – Н. Новгород, 2000. – 186 л.
3. *Сысоева, Т. А.* Языковые средства реализации стратегии воздействия в текстах малого объема : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Сысоева. – Минск, 2007. – 147 л.
4. *Майданова, Л. М.* Жанры публицистического стиля / Л. М. Майданова, Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2006. – С. 79–88.
5. *Шостак, М. И.* Репортер: профессиональная этика / М. И. Шостак. – М. : РИП-холдинг, 2001. – 164 с.

The article dwells upon main approaches to the interpretation of pragmatic content of a language sign as well as looks into actualization of language pragmatic function. The research analysis reveals the most frequent language means used to affect the addressee in British newspaper and television news-in-brief.

Т. Ю. Щепачёва

МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ В КИНОДИСКУРСЕ (на английском и русском языках)

Статья посвящена проблеме коммуникативного поведения участников конфликтной ситуации. Целью данного исследования является выявление и сопоставление основных коммуникативных моделей поведения в конфликтных ситуациях в кинодискурсе на английском и русском языках. В результате сопоставительного анализа автором установлены такие общие для англо- и русскоязычной лингвокультур модели поведения, как взаимная конфронтация, конфронтация-дистанцирование, конфронтация-кооперация и модель смешанного типа. Затрагивается вопрос определения и соотношения понятий кинотекст и кинодискурс.

Кинематограф как явление имеет сложную структуру, так как сочетает в себе элементы других видов искусств, таких как литература, театр, музыка, изобразительное искусство и находит проявление в различных жанрах. Ввиду своей многоплановости кинематограф представляет подлинный интерес для представителей разных научных областей: киноведения, искусствоведения, культурологии, философии, социологии, психологии, а также лингвистики.

В работах, посвященных изучению кинематографа, можно заметить использование исследователями таких понятий, как кинотекст и кино-

дискурс, значения которых на современном этапе до сих пор недостаточно разграничены. В ранних исследованиях кинематографа чаще встречается понятие кинотекст. Так, данный термин используется в работах таких исследователей, как Ю. М. Лотман, Ю. Г. Цивьян, Е. Б. Иванов, Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова [1; 2; 3; 4]. Приверженцы семиотического подхода рассматривают кинотекст как «связное, цельное, завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия кинозрителями [4, с. 37]. Лингвистическая система в кинотексте представлена двумя составляющими: письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма – плакат, название улицы или города, вход и выход, письмо или записка и т.д.) и устной (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т.д.). Нелингвистическая система кинотекста обслуживается иконическими и индексальными знаками, куда также входят звуковая часть или естественные шумы (дождь, ветер, шаги, голоса животных и птиц), технические шумы, музыка, видеоряд и т.п. Все это представляет собой единицы кинотекста [Там же, с. 22].

Как уже было отмечено ранее, кинофильм обладает богатым набором средств передачи и обмена информацией, которым свойственна разная природа: вербальная и невербальная. Несмотря на то, что кинотекст оперирует знаковыми системами разного рода, большинство исследователей схожи во мнении, что в рамках исследований кинотекста доминирует его лингвистическая составляющая.

Наряду с кинотекстом в анализе кинематографа широко используется понятие *кинодискурс*, для которого экстралингвистические факторы выдвигаются на первый план и являются определяющими по отношению к лингвистическим. При этом к экстралингвистическим относятся не только факторы коммуникативной ситуации, но и те факторы культурно-идеологической среды, в которой протекает коммуникация.

Понятие *кинематографический дискурс* принадлежит Л. В. Цибиной и трактуется узко, как «фрагмент фильма, имеющий в своей структуре несколько компонентов» [5, с. 85]. Идея кинематографического дискурса получила развитие в работах К. Ю. Игнатова, С. С. Назмутдиной, И. Н. Лавриненко, Е. Н. Мозолева и А. Н. Зарецкой [6; 7; 8; 9; 10]. Последняя определяет кинодискурс, как «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, т.е. креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом

сообщения (кинозрителем)» [10, л. 32]. По мнению А. Н. Зарецкой, главными свойствами кинодискурса являются аудиовизуальность (представляет собой наличие серии связанных между собой изображений с сопровождением или без сопровождения звуком и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств [11]); интертекстуальность (свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга [12]); креолизованность (сочетание вербальных и невербальных изобразительных средств передачи информации); целостность; членимость; модальность (выражает отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, отношение содержания высказывания к действительности); информативность, проспекция (конструктивный прием, использующийся для предупреждения читателя (слушателя) о том, какая информация (и в какой последовательности) ожидает его в процессе обсуждения предмета речи) [13]), ретроспекция (конструктивный прием, позволяющий 1) восстановить в памяти читателя сведения, приводившиеся в тексте ранее; 2) сообщить новые сведения относительно введения новых фактов; 3) дать возможность переосмыслить сведения, введенные ранее, в новых условиях, в новом контексте; 4) акцентировать внимание на отдельных частях текста, имея в виду их роль в раскрытии концепта, идеи текста [14]), прагматическая направленность (представляет собой побуждение реципиента к ответной реакции, которая в данном случае предполагает некоторое имплицитное действие, т.е. изменение в чувствах, мыслях зрителя, что не обязательно находит вербальное выражение [15, с. 106]).

Таким образом, суммируя представленные выше идеи, можно сделать вывод, что, по мнению большинства исследователей, отношения между понятиями кинотекст и кинодискурс можно определить, как часть и целое, а именно – кинодискурс является более широким понятием, поскольку представляет комбинацию лингвистических и нелингвистических компонентов, где невербальная составляющая является важным источником трансляции информации, без которой анализ кинематографического произведения не будет полным.

Из этого следует, что благодаря своей более сложной структуре, чем кинотекст, на современном этапе для лингвистики кинодискурс представляет более широкое поле для исследования различных явлений, одним из которых является конфликт. Для лингвиста конфликт представляет интерес в аспекте его вербальной экспликации, обусловленной взаимодействием внешних факторов. Характерным для последних современных исследований в данной области является изучение языка конфликта на стыке таких дисциплин, как лингвистика, социология, психология, конфликтология, культурология и т.п.

Российский лингвист Н. Г. Комлев понимает конфликт (от лат. *confllictus* ‘столкновение’) как ситуацию, в которой происходит 1) столкновение 2) двух сторон (участников конфликта) 3) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, 4) в результате которого одна из сторон сознательно и активно

действует в ущерб другой (физически или вербально), а 5) вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника [8, с. 90].

«Речевой конфликт» имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрёка, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п. В зависимости от стратегического замысла, степени заинтересованности в достижении консенсуса, а также психоэмоциональных особенностей участника конфликта определяют выбор приемов его реализации – речевых тактик, которые могут быть направлены как на конфронтацию, дистанцирование, так и кооперацию. Исходя из данного тезиса, в дальнейшем под стилем поведения в конфликтной ситуации мы будем понимать использование коммуникантами стратегий конфронтации, дистанцирования или кооперации.

Конфронтационная стратегия проявляется в открытом противодействии коммуникантов друг другу и часто основывается на вербальной агрессии.

В ходе анализа диалогов из русскоязычного кинодискурса нами было выявлено, что стратегия конфронтации используется хотя бы одним из коммуникантов в 98 % случаев (в 70 диалогах из 71), что указывает на эксплицитный характер протекания конфликта. Лишь в одном диалоге участник коммуникации использует стратегию дистанцирования, что свидетельствует об имплицитности конфликтной ситуации.

Рассмотрим разговор между матерью и сыном. Сын собирается выходить из дома раньше, чем обычно.

М а т ь: А ты куда собрался в такую рань?

С ы н: Ничего, нормально.

М а т ь: Чё нормально-то? Я... Сейчас поедем вместе.

С ы н: У меня нулевой урок...

М а т ь: У тебя нет нулевого урока.

С ы н: Есть.

М а т ь: Миша!

С ы н: ... (уходит) (диалог из х/ф «Маша»).

За день до этого разговора между сыном и матерью произошел конфликт, который не был разрешен на момент данного разговора. По краткости реплик, уклонению от ответа на вопрос и, наконец, прерыванию беседы уходом из дома можно проследить попытку сына отдалиться от матери. Учитывая содержание анализируемого диалога и его предысторию, можно утверждать о наличии конфликта, однако имеющего скрытый характер. Вернемся непосредственно к конфронтационной стратегии. Особый интерес представляет наше следующее наблюдение: в русскоязычных диалогах были отмечены случаи взаимной конфронтации, т.е. нежелания участников уступать друг другу, выражение взаимного негативного отношения друг к другу или сложившейся ситуации. Такие случаи составили 42 % от всего корпуса (30 диалогических ситуаций из 71). Далее рассмотрим несколько таких примеров.

1. Разговор происходит между молодой парой, Женей и Егором. Некоторое время назад они переехали в Москву: Женя начинает карьеру графического дизайнера в молодой перспективной компании, а Егор, так и не найдя работу по полученной в университете профессии, становится таксистом. Причиной конфликта послужила резкая критика занятия Егора со стороны Жени, когда она узнала о том, что Егор стал жертвой нападения пассажира такси.

Е г о р: Чё ты надутая такая?

Ж е н я: Ничё... бесит просто всё! Егор, давай ты просто больше не будешь бомбить.

Е г о р: Да, давай... буду дома сидеть, смешные видео в Контакте смотреть...

Ж е н я: При чём тут это? Я не предлагаю дома сидеть тебе. Я тебе работу найти предлагаю. У тебя же не четыре класса образования, блин.

Е г о р: Ага... Бильдредактором пойду. Тебе же нравятся бильредакторы? Бильдовать-то всяк круче, чем бомбить, да?

Ж е н я: Чё??? (диалог из х/ф «Еще один год»).

Из диалога отчетливо видно, что Егор не пытается успокоить переполненную переживаниями девушку, а, напротив, вступает с ней в открытую конфронтацию. Егор осознает, что на данный момент он не сможет найти другую работу, а сидеть дома без работы для него неприемлемо. Еще одной причиной конфликтного поведения Егора является ревность к коллегам Жени, с которыми у нее много общих интересов. Таким образом, возмущение, с одной стороны, ирония и провокация, с другой, образуют перекрестную конфронтацию участников коммуникации.

2. В приведенной ниже ситуации мы наблюдаем конфликт между супругами Леной и Славой. Действие происходит на корпоративе, организованном начальством мужа. Один из вышестоящих по должности сотрудников позволяет себе вольность по отношению к Лене, за что получает от нее пощечину. Озабоченный лишь карьерным ростом, расположением начальства, а не честью и достоинством собственной жены, муж пытается заставить ее извиниться.

С л а в а: Ленка! Ленка, да стой ты, истеричка! Ты сейчас вернешься и извинишься за свое хамское поведение! Ты меня поняла?

Л е н а: Извиняться я не буду!

С л а в а: Будешь! Или...

Л е н а: Что, «или»? Посмотри на себя! В кого ты превратился! Стал такой же, как они!

С л а в а: Студентов своих поучай! Училка! (диалог из х/ф «Цена любви»).

Из диалога видно, что в ответ на неуместное требование и даже угрозу, жена выражает возмущение и критику в адрес своего мужа.

В англоязычном кинодискурсе стратегия конфронтации является также главным признаком наличия конфликта между участниками коммуникации

(98 %, или 56 диалогов из 57), однако, как и в русскоязычном материале, нами был отмечен диалог, в котором один из коммуникантов придерживается стратегии дистанцирования в отношении собеседника. В данной ситуации определить наличие конфликта помогает анализ контекста и экстралингвистических факторов, которые указывают на отсутствие взаимопонимания между персонажами.

Рассмотрим данную ситуацию более подробно. Участники коммуникации – мать и сын. Действие происходит в гостиной. Мать сервирует стол, а сын пытается предложить ей свою помощь.

Сын: Can I help? ('Давай я помогу').

Мать: Help what? Oh, you mean with this? No. ('Чем? А, с этим. Нет').

Сын: I will. ('Давай').

Мать: No, I tell you what you can do though. You can go upstairs to that room of yours and clean out the closet (отвечает небрежно, не глядя на сына) ('Нет. Вот что ты можешь сделать: поднимись в свою комнату и приведи в порядок свой стенной шкаф').

Сын: Mom... ('Мам...').

Мать: Okay? Because it really is a mess ('Договорились? Потому, что там жуткий беспорядок').

(Мать поднимает глаза и сурово смотрит на сына, но вдруг раздается звонок телефона: мать поднимает трубку и ее настроение резко меняется в положительную сторону.) (диалог из х/ф «Ordinary people» 'Обыкновенные люди').

Из данного диалога видно, что мать не желает вступать во взаимодействие с сыном, иначе это может перерасти в открытый вербальный конфликт, поэтому она использует тактику смены темы и игнорирования.

Взаимная конфронтация как модель поведения в конфликтной ситуации в англоязычном дискурсе занимает доминирующую позицию – 44 %, или 25 из 57 диалогов.

Рассмотрим конфликтную ситуацию между молодым человеком и полицейским. Возле ночного клуба возникла ссора, перешедшая в драку. На место происшествия прибыла полиция и собирается забрать всех участников драки. Юноша (Тайлер), оказавшийся свидетелем драки, возмущен поверхностным отношением полиции к сложившейся ситуации.

Тайлер: They didn't do anything. They didn't start this. Those assholes did. Why do these guys have to go downtown? ('Они ничего не делали. Не они начали это, а те придурки! Почему Вы забираете их?').

Полицейский: What are you still doing here? ('Что ты делаешь здесь до сих пор?').

Тайлер: This is bullshit. It was those gorillas who started this. ('Это, черт, возьми, несправедливо! Это те гориллы все начали').

(Полицейский подходит к Тайлеру, обыскивает его, находит документы.)

Полицейский: Well, Mr. Roth. What makes you think I give a shit? ('Так, Мистер Рот, почему Вы думаете, это должно меня волновать?').

Т а й л е р: You're a police officer. You're supposed to! ('Вы полицейский. Вас должно это волновать!').

П о л и ц е й с к и й: What the hell? It's a great relief to me, Mr. Roth, to know that you're on top of the situation. Now go the fuck home! ('Какого черта? Я очень рад, мистер Рот, что Вы во всем разобрались, а теперь проваливайте домой!').

(Полицейский отворачивается и продолжает свою работу, но Тайлер не собирается уходить. Он берет полицейского за руку и пытается продолжить разговор.)

Т а й л е р: How about you do your job? ('Как на счет того, чтобы выполнять свою работу?').

(Полицейский применяет болевой прием и отправляет Тайлера в участок вместе с остальными участниками уличной драки.) (диалог из х/ф «Remember me» 'Помни меня').

В данной ситуации мы можем наблюдать столкновение интересов коммуникантов. Тайлер глубоко переживает чувство несправедливости и вступает в конфронтацию с полицейским, используя тактики возмущения: 'They didn't start this. Those assholes did. Why do these guys have to go downtown?', 'This is bullshit. It was those gorillas who started this' и упрека 'You're a police officer. You're supposed to', 'How about you do your job?' Полицейский, возмущенный дерзостью Тайлера, применяет целый комплекс тактик: возмущение 'What are you still doing here?', 'What the hell?', пренебрежение 'Well, Mr. Roth. What makes you think I give a shit?', ирония 'It's a great relief to me, Mr. Roth, to know that you're on top of the situation' и инвективная тактика 'Now go the fuck home!'.

Вторую по встречаемости модель конфликтного поведения, как в русскоязычном, так и англоязычном кинодискурсе, представляет конфронтация-дистанцирование – 37 %, или в 26 из 71 диалогах на русском языке и 23 %, или в 13 из 57 диалогах на английском языке.

Под феноменом дистанцирования мы понимаем нежелание одного из коммуникантов вступать в конфронтацию, попытку отдалиться, отстраниться не только от партнера по коммуникации, но и от объекта высказывания (игнорирование содержательной части высказывания, уклонение от референта высказывания, темы беседы, ситуации общения и т.д.).

Рассмотрим следующий пример из русскоязычного фильма. Разговор происходит за столом. Молодой человек ужинает дома со своей девушкой. На столе стоит блюдо, приготовленное его соседкой. Некоторое время назад, девушка решила сделать сюрприз своему любимому приходом без предупреждения, однако застала в квартире незнакомку, которая хозяйничала на кухне в ее тапках. Ей оказалась соседка по площадке, которую выселили за неуплату, и ей ничего не оставалось, как напроситься пожить некоторое время у соседа. Девушка соседа крайне возмущена сложившейся ситуацией.

П а р е н ь: ...она взбалмошная, неорганизованная... Легкомыслие называет беспечностью...

Девушка: Как ты это терпишь?

Парень: Так не на улицу же её выгонять...

Девушка: Она к тебе на сколько попросилась? На один день! А живет уже сколько?...Пора объявить ей дедлайн!

Парень: Ты права. У нас ещё соус был.

Девушка: У нас?! У нас значит. Какая гадость! Как это, вообще, можно смешивать? Творог и соленые огурцы!

Парень: Вот такая она несистемная девушка (диалог из х/ф «Плохая соседка»).

По выделенным репликам можно проследить желание коммуниканта сохранить дальнейшие отношения со своим собеседником, поэтому ему приходится прибегать к тактике согласия 'Ты права', 'Вот такая она несистемная девушка' и смены темы 'У нас ещё соус был' во избежание развития конфликта.

Рассмотрим пример, взятый из англоязычного фильма. Богатая избалованная женщина пригласила на свою яхту плотника, чтобы он соорудил шкаф для ее обуви. В перерыве между работой плотник решает перекусить. Он не пользуется столовыми приборами, что крайне раздражает хозяйку.

Хозяйка: Forks were invented so man could at least make pretence of separating himself from the apes ('Вилки были изобретены для того, чтобы человек хоть чем-то отличался от обезьяны').

Плотник: So were thumbs ('Пальцами тоже удобно').

Хозяйка: What did you say? ('Что Вы сказали?').

Плотник: Nothing. Just... my stomach ('Ничего, это у меня в животе урчит').

Хозяйка: Well, try to control your bodily noises so I can hear myself think! ('Постарайтесь контролировать звуки своего тела, чтобы они не мешали мне думать!').

Плотник: (молчит) (диалог из х/ф «Overboard» 'За бортом').

Плотник старается игнорировать колкие замечания со стороны хозяйки, используя тактики уклонения 'Nothing. Just... my stomach' или молчания.

Наиболее редкой как для англоязычного, так и русскоязычного кинодискурса, оказалась модель конфронтации-кооперации, где один из коммуникантов совершает попытку разрешить конфликт или, по меньшей мере, снизить его напряжение. В его поведении можно наблюдать вежливость, искренность, выражение доверия к собеседнику, стремление к сближению, сотрудничеству и поиску компромисса. В русскоязычных фильмах сочетание таких стратегий встретилось только в 16 диалогах из 71, что составило 22 % от всего русскоязычного корпуса. В отобранном материале на английском языке конфронтация-кооперация была использована в 10 диалогах из 57, что составило 17 %.

Рассмотрим следующие ситуации.

1. Действующие лица: Катя и Миша. Катя остановилась на ночь у своего соседа по лестничной площадке, так как хозяин квартиры, в которой она проживала ранее, выселил ее за неуплату. Миша (сосед) не доволен изменениями в своем доме.

К а т я: Доброе утро (просыпается от звука).

М и ш а: Доброго полдня!

К а т я: Полдня?

М и ш а: Да!

К а т я: Слушай, а... А чего ты тогда меня разбудил? У меня же встреча только в три! А ты сам сказал, что...

М и ш а: Я говорил, чтобы ты не трогала мою чашку, а ты её разбила, специально.

К а т я: Ты что! Нет! Я просто помыла тебе посуду! Ты, кстати, обратил внимание, как у тебя всё блестит теперь? Кофе можно из любой чашки попить.

М и ш а: Я не хочу пить из другой чашки. Я хочу пить из своей, синей. И куда ты пересыпала мой кофе?

К а т я: Пересыпала?

М и ш а: Да.

К а т я: Не пересыпала. Я его выкинула.

М и ш а: Зачем?

К а т я: Ну, потому что, жутко пахло. Я думала, что ты отравишься.

М и ш а: Жутко пахло, да? Это стоит, между прочим, две тысячи рублей, за сто грамм! Это уникальный сорт кофе. «Копи Лювак» называется! Слышала?

К а т я: А!.. Это тот кофе, которым белочки какают?

М и ш а: Какие белочки? Куницы! С острова Суматра!

К а т я: Ну, не расстраивайся ты так. К тому же! У меня есть альтернатива. Прекрасный кофе с ароматом чёрной смородины, и никаких тебе куниц!

М и ш а: Я хочу пить свой сорт кофе, из своей чашки! И я хочу, чтобы моя зубная щётка, стояла на моём месте, там, где я её оставил. Одна.

К а т я: Я тебя поняла. Вечером меня уже здесь не будет! (диалог из х/ф «Плохая соседка»).

Анализируя линию поведения Кати, можно отметить, что своим речевым поведением она дает понять своему собеседнику о нежелании вступать в конфликт: стратегия кооперации реализуется с помощью тактик проявления заботы 'Я просто помыла тебе посуду! Ты, кстати, обратил внимание, как у тебя всё блестит теперь?', 'Я думала, что ты отравишься', поддержки 'Ну, не расстраивайся ты так', предложения 'У меня есть альтернатива', согласия 'Я тебя поняла', обещания 'Вечером меня уже здесь не будет!'.

2. В ситуации, представленной ниже, возникает конфликт из-за шалости детей: не подозревая ни о чем, мать берет намазанные клеем тарелки, и ее руки намертво к ним прилипают. Детям и мужу становится смешно, что вызывает у нее глубокое возмущение. Это стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Необходимо добавить, что главная героиня (Джоанна) не имеет ничего общего с этим семейством. На самом деле, это взбалмошная богатая женщина, которая когда-то плохо обошлась

с главным героем (Дином), оскорбив его и не заплатив за выполненную работу. Некоторое время спустя с ней произошел несчастный случай, в результате чего она оказалась в больнице с потерей памяти. По чистой случайности главный герой узнает о том, что произошло с этой женщиной, и решает воспользоваться удобным случаем. Он приводит ее в свой бедный дом с запущенным хозяйством и убеждает в том, что она его жена и у них есть трое сыновей. Все это время отец с детьми эксплуатируют и издеваются над потерявшей память женщиной:

Д ж о а н н а: Who did this?! ('Кто это сделал?!').

Д и н: Hey, honey, what happened? ('Дорогая, что случилось?').

Д ж о а н н а: Oooh! This happened. ('Ох, вот это случилось!').

Д и н: You guys are begging for it! ('Ребята, вы напрашиваетесь!') (обращается к детям).

Д ж о а н н а: Stop blustering! You won't punish them! ('Хватит пустых угроз! Ты все равно их не накажешь!').

Д и н: Ease up there, love chop! Just ease up ('Успокойся, пирожочек! Успокойся!').

Д ж о а н н а: Ease up? Ease up? Since I walked through that door, I have cooked, cleaned, scrubbed, chopped wood. I've waited on you, your dogs, your kids and your friends in the hopes that I would remember some shred of my life and now it is entirely clear to me why I've chosen to block it out! ('Успокойся? Успокойся? С того дня, как я перешагнула порог этого дома, я только и делала, что прислуживала тебе, твоим собакам, детям, друзьям с надеждой на то, что я вспомню хотя бы кусочек своей жизни, а теперь мне стало ясно, почему я решила заблокировать это в своей памяти').

Д и н: Now, none of this ever... ('Тебя это просто...').

Д ж о а н н а: Bothered me before. Well, it bothers me now ('Не беспокоило. Что ж, а сейчас беспокоит') (диалог из х/ф «Overboard» 'За бортом').

Так, анализируя данную конфликтную ситуацию, нетрудно заметить, что Дин пытается удержать ситуацию под контролем, и, следовательно, стремится к кооперации, используя тактики заинтересованности 'Hey, honey, what happened?', намек (по отношению к сыновьям) 'You guys are begging for it!', убеждения 'Now, none of this ever... [bothered you before]' и поддержки 'Ease up there, love chop! Just ease up'.

Помимо трех выделенных нами моделей поведения участников конфликтной ситуации (взаимной конфронтации, конфронтации-дистанцирования, конфронтации-кооперации), необходимо отметить случаи смешанного типа, т.е. смену стратегии одним из коммуникантов. Как известно, на разных этапах взаимодействия партнеры по коммуникации могут корректировать свои речевые действия в зависимости от количества целей и их приоритетности, ответных реакций собеседника и других факторов. Такое коммуникативное поведение оказалось более характерным для представителей англоязычной лингвокультуры – 14 % против 4 % в русскоязычной лингвокультуре. Так, например, один из коммуникантов придерживался коопера-

тивной стратегии, но под влиянием определенных факторов больше не пытался разрешить конфликт, а просто придерживался нейтралитета или, напротив, вступал во взаимную конфронтацию. Также в эту группу вошли случаи, где линия поведения одного из коммуникантов менялась от деструктивной к кооперативной.

1. Дочь собирается на свидание к парню. В прихожую заходит мать и неодобрительно смотрит на дочь.

Д о ч ь: Что опять не так? (конфронтация).

М а т ь: Эти серёжки тебе не идут (конфронтация).

Д о ч ь: Почему?

М а т ь: Они делают тебя вульгарной. Вот эти – да! Они сочетаются (конфронтация).

Д о ч ь: Но эти мне не нравятся (конфронтация).

М а т ь: Вы куда идёте с Михаилом?

Д о ч ь: Не знаю. Я к нему зайду...

М а т ь: Странно (конфронтация).

Д о ч ь: Mam, что странного в том, что я иду домой к парню, с которым встречаюсь уже полгода? (конфронтация).

М а т ь: Ничего. Просто я хочу уберечь тебя от роковой ошибки! (конфронтация).

Д о ч ь: Какой ошибки? Я уверена, что Миша вот-вот сделает мне предложение (конфронтация).

М а т ь: Ну, вот когда сделает предложение, тогда не будем говорить об ошибках (конфронтация).

Д о ч ь: Мама! Многие люди живут в гражданском браке и счастливы! (конфронтация).

М а т ь: Не факт! Не факт! Тебе мало моего примера?! Если бы я не была такой дурочкой, то я бы сначала пошла бы в ЗАГС... И моя бы жизнь сложилась бы совсем по-другому! (расплакалась) (конфронтация).

Д о ч ь: Mam... Не волнуйся. Я помню все твои наставления! (обнимает, успокаивает мать) (кооперация).

М а т ь: Те серёжечки тоже тебе очень шли (кооперация) (диалог из х/ф «Плохая соседка»).

2. Отец спускается вниз по лестнице и замечает, как ссорятся его дети, Конрад и Бак. Бак забрал свитер Конрада и отказывается возвращать.

К о н р а д: Give me back my sweater! Come on, it's my sweater! ('Отдай мне мой свитер! Отдай, это мой свитер!') (конфронтация).

Б а к: Possession is nine tenths... ('Черта-с два!') (конфронтация).

О т е ц: Hang on! ('Подождите! Что происходит?').

К о н р а д: Dad, what's possession? ('Пап, чья это вещь?').

К о н р а д: Give it to me! ('Отдай!') (конфронтация).

Б а к: I can't, it's already on me. ('Не могу, он уже на мне!') (конфронтация).

О т е ц: Wait, hang on! Whose sweater is it? ('Подождите, чей это свитер?').

К о н р а д: It's my sweater! ('Это мой свитер!').

Б а к: OK! Alright! I'll give it back to you... as long as you give me back my hockey sticks and my skis ('Ладно! Хорошо! Я отдам тебе свитер, при условии, если ты вернешь мне мою хоккейную клюшку и лыжи') (кооперация).

К о н р а д: All right ('Хорошо') (кооперация).

О т е ц: That's fair! ('Так будет справедливо') (из х/ф «Ordinary people» 'Обыкновенные люди').

Итак, в диалоге между братьями можно проследить изменения в коммуникативном поведении: сначала ни один из участников конфликта не намерен уступать, но, как мы можем предположить, приход отца вынуждает мальчиков перестать спорить, в результате чего стратегия конфронтации сменяется кооперацией и конфликтная ситуация разрешается.

Таким образом, проанализировав и сопоставив коммуникативные модели конфликтного поведения в кинодискурсе на английском и русском языках, мы обнаружили ряд сходств и особенностей в поведении англоязычных и русскоязычных коммуникантов. Нами были выделены такие модели поведения, как взаимная конфронтация, конфронтация-дистанцирование, конфронтация-кооперация, смешанный тип и дистанцирование как форма имплицитного конфликта. Наиболее распространенной моделью коммуникативного поведения в конфликтной ситуации, характерной как для русскоязычного дискурса, так и англоязычного, является взаимная конфронтация, которая выражается во взаимной неприязни, критике, возмущении, обмене упреками и обвинениями. Так, ситуации, в которых стороны не склонны уступать друг другу, составили 44 % в англоязычном дискурсе и 41 % в русскоязычном. Вторую по частотности модель представляет конфронтация-дистанцирование (23 % и 32 %), где один из коммуникантов пытается избежать участия в конфликте с помощью таких речевых тактик, как смена темы, ложное (вынужденное) согласие, уклонение от ответа, признание вины, уступка или молчание. Модель конфронтация-кооперация использовалась представителями двух лингвокультур реже других моделей (17 % и 22 %). Непродуктивность данной модели обусловлена спецификой бытового дискурса, которому характерен высокий уровень искренности между коммуникантами и нередкое пренебрежение принципами кооперации и вежливости, что может послужить причиной конфликта. Особенностью англоязычного кинодискурса является более частое использование модели смешанного типа, чем в русскоязычном (14 % против 4 %). Смешанный тип предполагает переход одного из коммуникантов с одной стратегии на другую, например, с конфронтации на дистанцирование или с кооперации на дистанцирование.

На наш взгляд, значительные сходства в коммуникативном поведении участников конфликта обусловлены скорее психоэмоциональными особенностями личностей коммуникантов и уровнем развития их морально-нравственных качеств, а не принадлежностью к той или иной языковой культуре. Также необходимо учесть бытовую среду, в которой находились

коммуниканты исследуемого кинодискурса: для нее характерен повышенный уровень искренности, вследствие чего участники общения не всегда придерживаются принципов кооперации и вежливости и используют плохо продуманные или, наоборот, умышленно «грубые» приемы достижения своей коммуникативной цели, что нередко приводит к конфликтным ситуациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман, Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.
2. *Цивьян, Ю. Г.* К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе / Ю. Г. Цивьян // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – № 17. – С. 109–121.
3. *Иванова, Е. Б.* Интертекстуальные связи в художественных фильмах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Б. Иванова. – Волгоград, 2001. – 16 с.
4. *Слышкин, Г. Г.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М. : Водолей Publ., 2004. – 153 с.
5. *Цыбина, Л. В.* Структура и параметрические характеристики кинематографического дискурса [Электронный ресурс] / Л. В. Цыбина. – 2006–2016. – Режим доступа : <http://www.gramota.net/materials/2/2011/1/36.html>. – Дата доступа : 20.10.2016.
6. *Игнатов, К. Ю.* От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / К. Ю. Игнатов. – М., 2007. – 26 с.
7. *Назмутдинова, С. С.* Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С. С. Назмутдинова. – Тверь, 2008. – 18 с.
8. *Лавриненко, И. Н.* Стратегии и тактики мены коммуникативных ролей в современном англоязычном кинодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. Н. Лавриненко. – Харьков, 2011. – 20 с.
9. *Мозолев, Е. Н.* Продакт плейсмент как явление интерференции рекламного и кинодискурса / Е. Н. Мозолев // Аспекты изучения иностранного языка и культуры : сб. науч. студ. работ (по материалам студ. конф. 11 апр. 2012 г., г. Белгород). – 2012. – № 4. – С. 16–18.
10. *Зарецкая, А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 180 л.
11. *Аудиовизуальность* [Электронный ресурс]. – Академик, 2000–2014. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/678/АУДИОВИЗУАЛЬНОЕ_ПРОИЗВЕДЕНИЕ/. – Дата доступа : 20.10.2016.
12. *Интертекстуальность* [Электронный ресурс] // Словарь литературоведческих терминов. – 2016. – Режим доступа : <http://slovar.lib.ru/dictionary/intertextualnost.htm>. – Дата доступа : 20.10.2016.
13. *Проспекция* [Электронный ресурс]. – Академик, 2000–2014. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/Проспекция>. – Дата доступа : 20.12.2015.

14. Ретроспекция [Электронный ресурс]. – Академик, 2000–2014. – Режим доступа : http://ped_recheved.academic.ru/188/Ретроспекция. – Дата доступа : 20.10.2016.

15. *Ворошилова, М. Б.* Креолизованный текст: кинотекст / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 2. – С. 106–110.

The article is devoted to the study of communicative behavior models in conflict situations typical of the representatives of English and Russian linguacultures. The research is based on the comparative analysis of the English and Russian cinematographic discourse.

Е. Й. Юрьев

МЕТАТЕКСТОВЫЕ СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ БЕЛАРУСИ, РОССИИ, ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДОВ

Статья посвящена анализу метатекстовых структурных компонентов в текстах международных договоров Республики Беларусь, Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Королевства Нидерландов. Раскрываются особенности письменной деловой речи в целом и международных договоров в частности, выявляется роль метатекстовых элементов в реализации черт делового стиля. Анализируются характер заголовков международных договоров, блоков, определяющих сферу действия документа, а также метатекстовых обрамлений, выявляются их частотность и наиболее типичные языковые средства их реализации. Раскрываются сходства и различия в функционировании метатекстовых структурных компонентов, определяются их взаимные количественные корреляции.

Международные отношения являются сложной многоуровневой системой, регулирующей контакты между различными субъектами международного права. Такое регулирование осуществляется посредством целого комплекса разнообразных мер, среди которых особая роль отводится международным договорам, регламентирующим те или иные аспекты межгосударственного сотрудничества. Данный жанр текстов относится к официально-деловому функциональному стилю речи и обладает всем набором типичных черт деловых текстов, таких как точность, лаконичность, безличность изложения, императивность, стандартные форма и иные. При этом неоднократно подчеркивалось, что именно «предельная точность, не допускающая инотолкований, является доминантой деловой стилистики» [1, с. 87].

Следует отметить, что международные договоры отличаются от других юридических документов масштабом последствий, которые могут наступить в результате неверной трактовки положений документа, что неизбежно приведет к существенным материальным и имиджевым потерям участников соглашения. Указанная особенность выдвигает особые требования к не допускающей инотолкований точности изложения, достигаемой, среди всего прочего, также и метатекстовыми средствами, выступающими в качестве авторских комментариев и пояснений, призванных упростить понимание текста реципиентом.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что понятие метатекста не имеет единого общепризнанного определения в лингвистике и его теория представляет собой фрагментарную картину с большим количеством лакун. Вследствие этого неоднократно отмечалось, что само применение данного термина «затруднено в силу его неоднозначности» [2, с. 23]. В современной лингвистике понятие метатекста принято связывать с именем А. Вежбицкой, которая впервые ввела в научный оборот понятие метатекстовых нитей. Данные нити «проясняют семантический узор основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [3, с. 421]. В современных исследованиях под понятие метатекста подпадают также местоимения, индексальные слова, обрамляющие тексты, авторский комментарий к отдельным словоупотреблениям, а также иные явления, которые могут быть как интегрированы в основной текст (например, катафорические или анафорические конструкции), так и конструктивно выделены в относительно автономные единицы (введения, послесловия и т.д.). Предметом научного исследования становился также метатекстовый потенциал дефиниций [4].

Для анализа было отобрано по 50 двусторонних международных договоров Беларуси, России, Германии и Нидерландов, составленных, соответственно, на русском, немецком и нидерландском языках. Проанализированные тексты не ограничиваются одной предметной сферой, а затрагивают самые разные области международного сотрудничества. Для исследования отбирались договоры, заключенные с третьими странами, чтобы исключить фактор взаимного влияния лингвокультур и более достоверно проследить типичные черты метатекстовой структуры упомянутых групп документов.

Различия между документами, принадлежащими к разным лингвокультурам, обнаруживаются уже при анализе заголовков. Возможность трактовки заголовков как элементов метатекста допускал, в частности, Ю. М. Лотман, отмечавший, что текст и заголовок «могут рассматриваться как два самостоятельных текста, расположенных на разных уровнях в иерархии “текст – метатекст”» [5, с. 132]. В исследованиях отмечается, что «заглавие входит в систему рамочных элементов, находится в отношениях взаимокорреляции, но его позиция (до текста и над текстом) объективно делает его метатекстом» [6, с. 50]. Анализ типичных заголовков международных договоров выявил ряд особенностей, характерных для той или иной лингвокультуры.

Для заголовков договоров Беларуси и России, составленных на русском языке, характерна общая стандартная форма, в которой сначала упоминаются договаривающиеся стороны, а затем с помощью предложно-субстантивной конструкции, состоящей из предлога *о* (*об*) и существительного в предложном падеже, вводится сам предмет соглашения. При этом официально опубликованные белорусские договоры регулярно сопровождаются комментарием, следующим непосредственно за заголовком и раскрывающим обстоятельства вступления в силу или функционирования документа. Ниже пример такого заголовка:

*Соглашение между Правительством Боливарианской Республики Венесуэла и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области энергетики и нефтехимии*¹.

Вступило в силу 19 января 2007 года.

В договорах Федеративной Республики Германия используются аналогичные языковые средства выражения заголовка. При этом русскому предлогу *о (об)* соответствует предлог *über* 'о'. Например:

Abkommen zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Regierung der Kaimaninseln über die Unterstützung in Steuer- und Steuerstrafsachen durch Informationsaustausch [ДФРГ] 'Соглашение между Правительством Федеративной Республики Германия и Правительством Каймановых островов об оказании помощи в вопросах налогов и налоговых преступлений путем обмена информации'.

Тем не менее графическое оформление заголовков в договорах Германии имеет важную отличительную особенность, заключающуюся в том, что заголовки размещаются на отдельном титульном листе и разбиваются на абзацы. При этом формулировка заголовков в международных договорах Нидерландов зачастую отличается от документов на русском и немецком языках. В них сначала раскрывается предмет договора, вводимый с помощью предлогов *inzake* 'в отношении', *tot* 'в отношении', *betreffende* 'касательно' и лишь затем упоминаются договаривающиеся стороны. Например:

Verdrag tot uitwisseling van inlichtingen met betrekking tot belastingen tussen het Koninkrijk der Nederlanden, ten behoeve van de Nederlandse Antillen, en het Koninkrijk Spanje [ДКН] 'Договор в отношении обмена информации, касающейся налогов, между Королевством Нидерландов, в интересах Нидерландских Антильских островов, и Королевством Испания'.

Во многих проанализированных договорах существует отдельный структурный блок, посвященный определению сферы действия документа и представленный, как правило, отдельным параграфом, пунктом или статьей и расположенный в начале договора. Например:

Artikel 1. Doelstelling en reikwijdte van het Verdrag

1. De bevoegde autoriteiten van de Verdragsluitende Partijen verlenen elkaar bijstand door middel van samenwerking bij de kennisgeving van administratieve beslissingen van de Verdragsluitende Partijen en de uitwisseling van inlichtingen die naar verwachting van belang zullen zijn voor de toepassing en handhaving van de nationale wetten van de Verdragsluitende Partijen die betrekking hebben op de belastingen waarop dit Verdrag van toepassing is [ДКН].

'Статья 1. Цели и сфера применения договора

1. Компетентные органы Договаривающихся Сторон оказывают друг другу поддержку путем уведомления об административных решениях

¹ Утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 октября 2006 г. № 1435 «Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о сотрудничестве в области энергетики и нефтехимии» [ДРБ].

Договаривающихся Сторон и обменом информацией, которая предположительно важна для применения и соблюдения национальных законов Договаривающихся Сторон, имеющих отношение к тем налогам, в отношении которых применяется данный Договор’.

Анализ распространенности блоков с определением сферы действия договора, а также среднее количество слов в преамбулах и договорах отражены в таблице.

Т а б л и ц а

Распространенность блоков, определяющих сферу действия договора и среднее количество слов в преамбулах и договорах на разных языках

Страна происхождения договора	Процент договоров, обладающих блоком, определяющим сферу действия документа	Среднее количество слов в преамбуле	Среднее количество слов в договоре
Беларусь	30	86	1317
Россия	40	96	1620
Германия	46	123	3022
Нидерланды	58	96	3725

Как видно из таблицы, блок, регулирующий сферу применения договора, более характерен для западноевропейских, нежели для русскоязычных текстов, при этом обращает на себя внимание корреляция между средним количеством слов в договорах, принадлежащих к одной лингвокультуре и распространенностью анализируемого метатекстового компонента в данной группе текстов.

Среди ключевых дискурсивных маркеров данного метатекстового блока в русскоязычных документах следует назвать использующиеся в подзаголовке слова *цель, предмет, сфера действия, сфера применения, область применения*. В ряде случаев используется нулевой маркер, когда данный компонент структуры текста никак не озаглавлен, но характер данного метатекстового блока очевиден из его содержания, например:

Статья 1

Настоящее Соглашение определяет порядок взаимного передвижения жителей приграничных территорий государств Сторон [ДРФ].

Главным дискурсивным маркером в немецкоязычных документах является заголовок, содержащий слова *Geltungsbereich* ‘Сфера действия’, реже также *Anwendungsbereich* ‘Сфера применения’, *Unter das Abkommen fallende* ‘на которые распространяется Соглашение’, *Zweck* ‘цель’, *Inhalt* ‘содержание’. Главными дискурсивными маркерами нидерландских договоров выступают такие слова в заголовке, как *Reikweidte* ‘Сфера действия’, *Toepassingsgebied* ‘область применения’, реже – *Werkingsssfeer* ‘сфера действия’.

Для всех проанализированных договоров без исключения характерно наличие полного метатекстового обрамления, представленного проспективной (начальной) частью, выраженной преамбулой (в которой сформулированы ценности и идеи, опираясь на которые стороны заключили то или иное соглашение), и ретроспективной (завершающей) частью, в которой оговорены порядок подписания и вступления в силу договора, срок его действия, а также условия его изменения.

Главными дискурсивными маркерами проспективного метатекста в текстах Германии следует назвать выражения *sind wie folgt übereingekommen* ‘договорились о нижеследующем’ либо *haben Folgendes vereinbart* ‘согласовали следующее’. Их аналогом в русскоязычных договорах выступает формула *согласились о нижеследующем*, а в документах на нидерландском языке – выражение *zijn het volgende overeengekomen* ‘договорились о нижеследующем’.

Поскольку проспективный метатекст представлен во всех договорах, причем его форма унифицирована и выражена преамбулой, следует обратить внимание на неодинаковый средний объем вводных метатекстовых компонентов. Как видно из таблицы, наибольший объем имеют проспективные метатекстовые компоненты в договорах Германии, в документах России и Нидерландов преамбулы существенно короче, и наименьший объем имеют проспективные метатекстовые блоки в договорах Беларуси. Таким образом, размер преамбул в международных договорах не зависит ни от государства, от имени которого договор подписывается, ни от языка документа.

Ниже приведен пример преамбулы в международном договоре Германии:

*Die Regierung der Bundesrepublik Deutschland und
die Regierung der Kaimaninseln –*

*in dem Wunsch, die Bedingungen des Informationsaustauschs in allen
Steuersachen zu erweitern und zu erleichtern,*

*in Anerkennung dessen, dass die Regierung der Kaimaninseln im Rahmen
ihrer Ermächtigung durch das Vereinigte Königreich das Recht hat, mit der
Regierung der Bundesrepublik Deutschland ein Abkommen über den
Informationsaustausch in Steuersachen auszuhandeln, zu schließen und
durchzuführen,*

*einig darüber, dass das folgende Abkommen nur die Vertragsparteien
verpflichtet –*

sind wie folgt übereingekommen [ДФРГ].

‘Правительство Федеративной Республики Германия и правительство Каймановых островов –

желая расширить облегчить условия обмена информацией во всех налоговых вопросах,

признавая тот факт, что правительство Каймановых островов в рамках своих полномочий, предоставленных Соединенным Королевством, имеет право составлять, заключать и выполнять соглашение с Федеративной Республикой Германия об обмене информацией в налоговых вопросах,

осознавая, что нижеследующее соглашение создает обязательства только для договаривающихся сторон,
договорились о нижеследующем’.

Данная преамбула является типичным представителем вводного мета-текста в международных договорах. Среди характерных языковых черт таких преамбул следует выделить оформление вводного блока в виде однородных распространенных предложно-субстантивных конструкций, переводимых на русский язык деепричастными оборотами (*in dem Wunsch* ‘желая’, *in Anerkennung* ‘признавая’). Обращает на себя внимание также использование юридической лексики и клишированных выражений, например *im Rahmen ihrer Ermächtigung* ‘в рамках своих полномочий’ или *das Abkommen schließen* ‘заключать договор’.

Русскоязычные преамбулы также выражаются однородными деепричастными оборотами, графически оформленными в виде абзацев, например:

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Польша, именуемые в дальнейшем Сторонами,

действуя согласно положениям Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве, подписанного в Москве 22 мая 1992 г.,

исходя из желания поддерживать и укреплять добрососедские отношения между двумя государствами, а также сотрудничество в экономической, торговой, технической, культурной и других областях,

желая содействовать развитию контактов между жителями приграничных территорий путем упрощения порядка их взаимных поездок,

принимая во внимание особенности географического положения Калининградской области Российской Федерации,

согласились о нижеследующем [ДРФ].

Среди языковых средств, используемых в вышеприведенном примере, обращают на себя внимание компактность изложения, употребление отглагольных существительных (*упрощение, сотрудничество*) и отыменных предлогов (*путем*), дипломатических (*добрососедские отношения*) и юридических (*порядок взаимных поездок*) сочетаний, прямой порядок слов и иные особенности письменной деловой речи.

Анализ преамбул договоров Нидерландов выявил следующую специфическую особенность: почти во всех текстах фигурирует дискурсивный маркер *geleid door de wens* ‘руководствуясь желанием’. Например:

Het Koninkrijk der Nederlanden, ten behoeve van de Nederlandse Antillen, en het Koninkrijk Spanje,

geleid door de wens de uitwisseling van inlichtingen met betrekking tot belastingen te vergemakkelijken,

zijn het volgende overeengekomen:

‘Королевство Нидерландов, в интересах Нидерландских Антильских островов, и Королевство Испания,

руководствуясь желанием упростить обмен информации, касающейся налогов,

договорились о нижеследующем’ [ДКН].

Ретроспективный метатекст выражен в проанализированных текстах завершающими статьями, в которых прописывается порядок изменения договора, его вступления в силу и утраты силы. Ниже пример ретроспективного метатекста в белорусском договоре, охватывающего последние статьи документа:

Статья 13

В настоящее Соглашение с согласия Сторон могут быть внесены изменения и дополнения, которые оформляются протоколами. Эти протоколы являются неотъемлемыми его частями и вступают в силу в порядке, предусмотренном статьей 14 настоящего Соглашения.

Статья 14

Настоящее Соглашение вступает в силу со дня получения последнего уведомления о выполнении обеими Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу данного Соглашения. Соглашение действует в течение трех лет и срок его действия автоматически продлевается на последующий трехлетний период, если одна из Сторон не уведомит в письменной форме по дипломатическим каналам другую Сторону о своем намерении прекратить его действие. Данное решение сообщается соответствующей Стороне не менее чем за три месяца до окончания первоначального срока действия настоящего Соглашения и не менее чем за шесть месяцев в случае продления Сторонами этого Соглашения.

Каждая из Сторон может прекратить действие настоящего Соглашения, направив письменное уведомление по дипломатическим каналам. В этом случае Соглашение прекращает действие через три месяца после получения другой Стороной такого уведомления.

Прекращение действия настоящего Соглашения не затрагивает проекты и программы, находящиеся в процессе реализации, если Стороны не договорятся об ином.

Совершено в городе Минске 24 июля 2006 года в двух экземплярах на русском и испанском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу [ДРБ].

Указанный пример в полной мере обладает такими стилевыми чертами письменной речи, как безличность изложения, отсутствие эмоциональной экспрессивности, наличие сочетаний глагола и существительного в функции сказуемого (*направить уведомление, прекратить действие*), употребление глаголов несовершенного вида в настоящем времени в функции долженствования (*Соглашение прекращает действие, Соглашение вступает в силу*) и т.п.

Размер, форма, количество статей и дискурсивные маркеры ретроспективного метатекстового блока индивидуальны в каждом документе и составление их обобщающей классификации представляется затруднительным. Следует, однако, выделить формулу *Совершено в...*, вводящую завершающее предложение документа, и ее аналоги в документах на других языках – *Geschehen zu...* в немецкоязычных и *GEDAAN te...* в нидерландоязычных текстах – обладающие тем же значением.

Ретроспективный метатекстовый блок в нидерландских договорах обладает одной специфической особенностью. Перед вышеуказанной формулой во всех документах Королевства Нидерландов используется следующее предложение:

TEN BLIJKE WAARVAN de ondergetekende vertegenwoordigers, daartoe naar behoren gemachtigd, dit Verdrag hebben ondertekend.

‘Удостоверяя вышесказанное, подписавшиеся представители, уполномоченные на то должным образом, подписали данный Договор’.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд ключевых выводов. Заголовки международных документов разных стран имеют неодинаковые средства языкового выражения. Для белорусских, российских и немецких договоров характерна формулировка заголовка, в которой сначала упоминаются договаривающиеся стороны, а затем предмет соглашения, в то время как в нидерландских заголовках порядок расположения информации обратный. При этом заголовки международных договоров Германии размещаются на отдельном титульном листе.

В ходе исследования была обнаружена прямая пропорциональность между средним объемом международного соглашения в определенной группе документов и распространенностью в этой группе метатекстового конструктивного блока, посвященного определению сферы применения договора, при этом данный компонент метатекстовой структуры более характерен для западноевропейских международных договоров, чем для документов, составленных на русском языке.

Во всех исследованных международных договорах представлено полное метатекстовое обрамление, вводная часть которого выражена преамбулами, а завершающая часть – заключительными статьями, регулирующими обстоятельства вступления в силу и прекращения действия документа, порядка его изменения и т.п. Преамбулы оформлены в рамках одного предложения в виде разбитых по абзацам однородных конструкций и имеют неодинаковый объем в разных лингвокультурах. Наибольший размер преамбул характерен для германских, наименьший – для белорусских договоров. Особенностью преамбул на нидерландском языке является наличие единого дискурсивного маркера, общего для большинства документов. Аналогичным образом для проанализированных нидерландских текстов характерен единый дискурсивный маркер ретроспективного метатекстового блока, в то время как в договорах других стран выделение таких маркеров представляется затруднительной задачей, за исключением формулы, раскрывающей дату и время подписания договора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдин, В. Е. Русский язык и культура речи / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротина, М. А. Ягубова. – М. : URSS (Красанд), 2008. – 216 с.
2. Шумарина, М. Р. Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы / М. Р. Шумарина. – М. : Флинта, 2011. – 460 с.

3. *Вежбицка, А.* Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике : сб. науч. тр. – М., 1978. – Вып. 8 : Лингвистика текста. – С. 402–423.
4. *Шилова, Е. В.* Метатекст терминологической дефиниции как способ репрезентации старого знания / Е. В. Шилова // Язык и культура : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вестн. УГТУ-УПИ. – Вып. 6 (36). – Екатеринбург, 2004. – С. 140–146.
5. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избр. ст. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 129–132.
6. *Беляева, Н. В.* Семиотика нарратива в романе Всеволода Иванова «У» / Н. В. Беляева // Русская литература. Исследования : сб. науч. тр. – Киев, 2013. – № 17. – С. 45–74.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

ДРБ – Соглашение между Правительством Боливарианской Республики Венесуэла и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области энергетики и нефтехимии. Соглашение Правительства Республики Беларусь от 24 июля 2006 г. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь – 2007. – № 57. – 3/1996.

ДРФ – Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о порядке местного приграничного передвижения [Электронный ресурс] // Правовой департамент МИД России. – Режим доступа : http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/spd_md.nsf/webngr/page-45/68D16292C89BA5CA43257EC200456A0E. – Дата доступа : 12.12.2014.

ДКН – Verdrag tot uitwisseling van inlichtingen met betrekking tot belastingen tussen het Koninkrijk der Nederlanden, ten behoeve van de Nederlandse Antillen, en het Koninkrijk Spanje [Электронный ресурс] // Overheid.nl. – 2014. – Режим доступа : http://wetten.overheid.nl/BWBV0003069/geldigheidsdatum_25-05-2014. – Дата доступа : 25.05.2014.

ДФРГ – Abkommen zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Regierung der Kaimaninseln über die Unterstützung in Steuer- und Steuerstrafsachen durch Informationsaustausch [Электронный ресурс] // Meyer-Köring. Rechtsanwälte und Steuerberater. – 2014. – Режим доступа : <http://www.meyer-koering.de/downloads/61-574-63/Abkommen%20Kaimaninseln.pdf>. – Дата доступа : 12.12.2014.

The article considers metatext structural components in the international agreements of Belarus, Russia, Germany and the Netherlands. The research is focused on the analysis of titles, metatext blocks revealing the scope of the agreement and metatext frameworks of the documents. Similarities and differences in the types and functions of the metatext components in international agreements are exposed, typical language features are identified.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

В. В. Козлова

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В КАЧЕСТВЕ МАРКЁРОВ МНЕНИЯ В МЕДИАТЕКСТАХ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются имена существительные в качестве маркёров мнения различных коммуникантов в медийных текстах на английском и белорусском языках. Языковые средства подразделяются на несколько групп в зависимости от их семантических характеристик. Обсуждаемые единицы могут быть включены в общую базу знаний для написания программ автоматического поиска мнений в медиадискурсе.

На современном этапе развития общества СМИ являются основным источником получения актуальных сведений об окружающей действительности, при этом медийные средства не ограничиваются информированием. Массмедиа становятся инструментом формирования массового сознания и управления мыслительной деятельности отдельной личности. Сегодня «средства массмедиа представляют собой код с богатыми семантическими возможностями, определенный функционально-семиотический тип материала с присущей ему спецификой» [1, с. 237]. Основной единицей медийного дискурса служит медиатекст, который включает такие многоуровневые понятия, как газетная статья, телевизионная передача, новости интернет-порталов и т.п. Текст, с одной стороны, имеет «материальную (объективную) форму», и с другой – «репрезентирует авторское сознание» [2, с. 88]. Как отмечает Т. ван Дейк, понять медиатекст можно лишь воспринимая его как «результат когнитивной и социальной деятельности журналистов, как результат интерпретации текстов читателями» [3, с. 123]. Журналист высказывает собственные взгляды или эксплицитно (с помощью слов), или имплицитно (посредством подтекста). Возрастающая диалогичность и интерпретативность современных СМИ приводит к тому, что актуальность приобретает не только исследование медиадискурса в целом, но и такого его аспекта, как представление мнений.

С одной стороны, мнения, в отличие от фактов, являются информацией субъективной, точкой зрения определенного человека или группы людей. Однако, с другой стороны, мнения, функционирующие в медиадискурсе, могут служить источником полезных сведений о настроениях в обществе, о взглядах людей на какую-либо проблему или даже источником предложений для решения этой проблемы. Соответственно, необходимо эффективно идентифицировать мнения в различных медиатекстах. Одним из подходов к решению данной проблемы является «словарный подход», т.е. составление словаря языковых маркёров, по которым можно классифицировать выска-

зывание в качестве мнения [4]. Если говорить о морфологическом уровне языковой системы, то маркёрами могут служить глаголы, существительные, прилагательные, наречия и т.п. [5].

Целью данной статьи является выявление существительных, которые выступают в качестве маркёров высказываний-мнений, в корпусе медиатекстов на английском и белорусском языке. При этом в фокусе данного исследования находятся печатные СМИ (например, «The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Independent», «Звязда», «Гомельская праўда» и т.д.).

Итак, рассматривая мнения в медийных текстах, мы обращаем внимание на языковые единицы, которые позволяют маркировать то или иное высказывание как мнение. Подобные единицы мы будем называть маркёрами. Так, нами были выявлены разноуровневые маркёры мнения: на морфологическом, лексическом и синтаксических уровнях языковой системы (табл. 1). Одна из наиболее употребительных групп маркёров морфологического уровня представлена именами существительными (11 % от всех маркёров в текстах на английском языке и 12 % – на белорусском).

Т а б л и ц а 1

Статистические данные по разноуровневым маркёрам мнения
на английском и белорусском языках, %

	Данные	
	для английского языка	для белорусского языка
Единицы морфологического уровня		
Глаголы ввода мнения в высказывания	26	15
Глаголы, входящие в структуру высказывания мнения	15	9
Существительные	11	12
Служебные маркёры	15	17
Формы будущего времени	4	6
Формы сослагательного наклонения	4	2
Единицы лексического уровня		
Единицы с модальным значением	12	17
Единицы синтаксического уровня		
Вопросительные предложения	7	8
Комментарии	4	12
Императив	2	2

Существительные-маркёры мнения в медийных текстах нами были разделены на несколько групп в зависимости от функциональной нагрузки, которую они выполняют в высказываниях-мнениях (табл. 2). Так, в первую

группу мы выделили существительные, которые указывают на источник, из которого журналист приводит мнение. В медиатекстах на английском языке обнаружена 21 языковая единица: *article, newspaper, ranking, report* и т.п. В текстах на белорусском – 9 единиц: *анкетаванне, апытанне, інтэрв’ю, размова* и т.п. Так, автор статьи говорит о том, что репертуар исполнителей исторических и фолк-мелодий не должен совпадать. Для подтверждения этого тезиса он приводит мнение коллег в следующей форме: *Дарэчы, у асабістых размовах многія музыканты пагаджаюцца з такім прынцыпам* («Культура»). Примечательно, что британским СМИ более характерно использовать современные технологии в качестве источников информации и поиска мнений, нежели их белорусским коллегам. Соответственно, среди существительных-маркёров на английском языке отмечаются такие единицы, как *Facebook, posting, Twitter (tweet)*. Например, *Feeling alone I decided to send a tweet, “Insomnia – friend of anxiety. Is anybody out there still awake?”* («The Independent»).

Т а б л и ц а 2

Количественные данные по различным типам
существительных-маркёров мнения в медийных текстах

Тип маркёра	Количество единиц		Частота употребления	
	англ. яз.	белорус. яз.	англ. яз.	белорус. яз.
Источник информации	20	9	20	5
Нейтральное обозначение мнения	16	14	16	23
Представление идеи	20	22	33	37
Обсуждение реакции	12	6	11	4
Обозначение логических операций	6	9	13	15
Прогнозирование	4	6	5	15
Обозначение значимости	3	2	2	1

К следующей группе относятся языковые единицы, которые позволяют маркировать мнение нейтральным образом, т.е. журналист обозначает факт представления мнения. К обсуждаемому типу относятся маркёры ввода высказывания-мнения (*answer, comment, на думку, на погляд, на словах, з пункту гледжання* и т.п.), собственно существительное *мнение* и его синонимы (*opinion, notion, view, меркаванне, пазіцыя*), ряд других существительных (*issue, message, thing, наведамленне, тэзіс, тэма* и т.д.). Например, *The notion that ‘pets are good for us’ is by no means a new one* («The Independent»). Как видим, журналист приводит существующее мнение в нейтральной форме и лишь затем дает ему интерпретацию (как в самом высказывании, так и в последующем тексте). Следует отметить, что ввод мнения в высказы-

вание с помощью имени существительного (а не только глаголов ввода мнения) более частотен в текстах на белорусском языке. Особенно, в таких сочетаниях, как *на думку/выказаць думку, на погляд каго-небудзь, на словах каго-небудзь, з пункту гледжання каго-небудзь*. Например, в тексте о жизни людей в домах престарелых автор приводит мнение директора одного из учреждений: *На думку Сяргея Мікалаевіча, старым не хапае «страў духоўных» («Гомельская праўда»)*. В текстах на английском языке подобные функции выполняют именно глаголы (в первую очередь, *to say, to tell*).

В исследуемых текстах также отмечена группа единиц, обозначающих эмоциональную реакцию аудитории на обсуждаемое событие или приведенную точку зрения. В текстах на английском языке к таким единицам относятся существительные *debate, discussion, doubt, outcry, vow*, в текстах на белорусском – *дыскусіі, пытанні, уражанне* и т.п. Так, в статье о реакции французов на террористический акт в отношении сатирического журнала «Charlie Hebdo» автор отмечает: *The outcry in France is of course huge («The Guardian»)*.

Часть выявленных маркёров участвует в построении высказываний, в которых представляются логические интерпретации. Языковые единицы на английском языке включают существительные *argument, conclusion, explanation, reason, result*, на белорусском – *выснова, падстава, прычына, тлумачэнне* и т.п. Например, автор текста о том, что феминизм зародился из идей Сократа, Конфуция и Будды, приводит несколько положений данных философов. И затем приходит к умозаключению, представленному в следующем виде: *<...> the central belief of these three philosophers <...> led to the logical conclusion that fifty percent of the human population could not simply be eradicated from the equation («The Daily Telegraph»)*. В текстах на белорусском языке частотны высказывания такие, как *гаворка ідзе пра... , рэч у... , справа ў... .* С помощью данных маркёров автор, с одной стороны, предлагает собственную сжатую трактовку сложившейся ситуации, а с другой, отмечает, что приведенное высказывание является его частной точкой зрения. Так, автор статьи о взаимоотношениях арендодателей и арендаторов объясняет факт того, что студентку выгнали в ночь на улицу таким образом: *Рэч у тым, што яна, на дамоўленасці з гаспадаром, жыла ў кватэры з сяброўкай. Суседка на святы з'ехала, а ў кватэры з'явіўся каханы («Звезда»)*.

Небольшая группа существительных служит маркёрами высказываний-мнений прогностического характера. Например, *tendency, trend, магчымасць, перспектыва, прагноз* и т.п. В статье о миграции кадров автор отмечает: *Чэхія зацікаўленая ў іміграцыі, бо ўжо зараз у краіне існуе недахоп высокакваліфікаваных спецыялістаў, а да 2030 года, паводле некаторых прагнозаў, ён перавысіць 420 тысяч чалавек («Вечерний Брест»)*. Необходимо отметить, что функционирование существительных в высказываниях-мнениях более присуще текстам на белорусском языке. В текстах же на английском ведущую роль в представлении прогнозов о развитии ситуации в дальнейшем играют формы будущего времени, сослагательного наклоне-

ния, некоторые модальные глаголы. Например, *Soon the only graduates carrying on their studies will be the sons and daughters of the very rich or those who can secure bursaries, scholarships and grants* («The Guardian»).

Маркёры следующей группы указывают на высказывания, в которых озвучиваются какие-либо идеи. Под идеей в данном случае понимается некоторое утверждение, в котором автор предлагает новое положение, в отличие от интерпретации или прогноза. В качестве маркёров могут выступать не только собственно существительные *idea, идея*, но и ряд других: существительные, представляющие некоторую систему взглядов (*concept, label, myth, гіпотэза*), обозначение трудностей (*problem, trouble, праблема*), выделение целей и задач (*goal, задача, мэта*), выражение пожеланий о наилучшем решении проблемы (*desire, proposal, жаданне, надзея, пажаданне, парада, прапанова, рэкамендацыя*) и т.п. Так, автор текста об одиночестве пожилых людей говорит о том, что в Японии, стране с наибольшим процентом пожилого населения, возрастает количество так называемых одиноких смертей. И далее автор опровергает популярное мнение о стране: *...which gives the lie to the myth that all old Japanese live in three-generational families* («The Independent»). Примечательно, что если наиболее частотный по употреблению маркёр данной группы в текстах на английском языке – это существительное *idea*, то в текстах на белорусском – *праблема*. Можно предположить, что для британского медиадискурса приемлемо представление четких путей решения спорного вопроса, представление необходимых шагов для разрешения ситуации; для белорусского медиадискурса более свойственно определение существующей проблемы и высказывание пожеланий относительно ее решения.

Два маркёра необходимо рассмотреть отдельно – *question, пытанне*, которые являются одними из самых частотных существительных-маркёров мнения в изучаемых текстах. Специфика данных маркёров в том, что в зависимости от контекста они могут выступать с разными функциями. Оба маркёра могут функционировать в высказываниях-идеях, отмечая наличие какой-либо проблемы: *Так, ужо не адзін год абмяркоўваем пытанне аб вяртанні ў кампетэнцыю Дэпартаменту фінансавых расследаванняў КДК артыкулаў аб карупцыйных злачынствах* («Звезда»). В текстах на английском языке существительное *question* может относиться к группе маркёров с нейтральным значением. Например, *A while back, I posted on my Facebook wall the question: "Where did the new orthodoxy arise that writers must only set stories within their own country of origin or nationality?"* («The Guardian»). А существительное *пытанне* отмечено в медиатекстах как маркёр, обозначающий реакцию аудитории, в данном случае негативную. Так, в тексте о предложении Министерства образования увеличить количество учеников в классе и при этом сократить преподавательский состав автор говорит следующее: *Гэта, натуральна, выклікае пытанні* («Звезда»).

Таким образом, имена существительные, функционирующие в высказываниях-мнениях, приводимых в медийных текстах, являются одними из наиболее частотных маркёров мнения на морфологическом уровне языковой

системы (11 % и 12 % в текстах на английском и белорусском языках соответственно). Данные языковые единицы не столько оказывают смысловую нагрузку на высказывание, сколько позволяют маркировать его как мнение и отнести его к той или иной семантической группе. Маркеры групп представления идей, логических операций и реакций аудитории являются наиболее важными с точки зрения извлечения полезной информации из высказывания-мнения. Выявленные единицы могут быть включены в общую базу знаний (словарь маркеров мнения) для дальнейшего составления алгоритма и написания программ автоматического поиска и распознавания мнений медийного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сескутова, И. К.* Современный медиадискурс как культурно-семиотический феномен / И. К. Сескутова // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – № 19. – 2012. – С. 237–245.
2. *Щирова, И. А.* О «Правах» автора, читателя и текста / И. А. Щирова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2–3. – С. 86–92.
3. *Дейк, ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. *Pradhan, V.* A Survey on Sentiment Analysis Algorithms for Opinion Mining [Electronic resource] / V. Pradhan, J. Vala // Intern. Journal of Computer Applications. – 2016. – Mode of access : <http://www.ijcaonline.org/research/volume133/number9/pradhan-2016-ijca-907977.pdf>. – Date of access : 18.10.2016.
5. *Xiaowen, D.* A Holistic Lexicon-Based Approach to Opinion Mining [Electronic resource] / L. Bing, D. Xiaowen // UIC Computer Science. – 2016. – Mode of access : <https://www.cs.uic.edu/~liub/FBS/opinion-mining-final-WSDM.pdf>. – Date of access : 20.10.2016.

The article runs about the nouns that serve as markers of opinion lexicon that allow to present different points of view in media texts in English and Belarusian. These means are divided into several groups according to their semantic characteristics.

В. И. Курацёва

МЕЛОДЫЯ БЕЛАРУСКАГА І АНГЛІЙСКАГА МАЎЛЕННЯ ВЫХАДЦАЎ З ПОЛАЦКАГА РЭГІЁНА Ў ПАРАЎНАЛЬНЫМ АСПЕКЦЕ

Статья посвящена сравнительному анализу мелодии речи выходцев из Полоцкого региона на родном (белорусском) и иностранном (английском) языках. Проведенное экспериментально-фонетическое исследование выявило наиболее характерные тональные контуры в просодическом оформлении высказываний у представителей территории севера Беларуси, а также раскрыло признаки их проявления в английском языке участников эксперимента. Анализ иноязычного произношения, маркированного региональными чертами, позволил установить три характерных типа проявления территориальной просодии в речи на изучаемом английском языке.

Павышэнне іншамоўнай кампетэнцыі беларускага грамадства і пашырэнне міжкультурнай камунікацыі, якое звязана з уключэннем Рэспублікі Беларусь у сферу міжнароднага супрацоўніцтва, робіць надзённай праблему кантрастыўнага даследавання беларускай і іншых, у першую чаргу еўрапейскіх, моў, паколькі стварае лінгвістычную базу для аптымізацыі працэсу навучання беларусаў замежным мовам. Фарміраванне неабходнага ўзроўню моўнай кампетэнцыі немагчыма без авалодання нарматыўным іншамоўным вымаўленнем, якое выступае ў якасці «візітнай карткі» спецыяліста і паказвае ўзровень культуры вуснага маўлення. Аднак нягледзячы на значныя дасягненні ў распрацоўцы тэарэтычных аспектаў праблемы беларуска-іншамоўнага білінгвізму ў кампаратыўна-прасодычных даследаваннях айчынных навукоўцаў, сярод якіх Г. А. Мятлюк, Т. В. Паплаўская, А. І. Далгарукава, Е. Ц. Петрушэнка, Л. Р. Шчарбакова, Н. С. Еўчык, Г. С. Селях, да апошняга часу лінгвістамі не надавалася належнай увагі характарыстыкам беларускай *рэгіянальнай* прасоды, спецыфіка якой можа разглядацца як феномен генетычнай моўнай памяці асобы і нацыі, захоўвацца праз пакаленні і *праяўляцца* ў маўленні на замежнай мове. Аб наяўнасці адметных супрасегментных асаблівасцей у розных рэгіёнах краіны і іх праяўленні ў маўленні беларусаў на адной з найбольш запатрабаваных у адукацыйных мэтах моў – англійскай – сведчыць праведзенае намі эксперыментальна-фанетычнае даследаванне [1]. Асобная яго частка, прысвечаная мелодыі беларускага і англійскага маўлення ў параўнальным аспекце, будзе асветлена ў дадзеным артыкуле на матэрыяле маўлення ў *Полацкім* рэгіёне.

Лінгвагеаграфічны рэгіён поўначы Беларусі звярнуў на сябе пільную ўвагу, паколькі, па папярэдніх назіраннях Л. Ц. Выгоннай, на ўзроўні фанетычнай падсістэмы яму ўласцівы не даследаваныя да гэтага часу асаблівасці, якія захоўваюць рэшткі політанічнасці гучання [2]. Праверка гіпотэзы аб наяўнасці своеасаблівых характарыстык вымаўлення на Полаччыне была праведзена пры дапамозе эксперымента, у якім прынялі ўдзел студэнты Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта – карэнныя жыхары Полацка, Наваполацка, Чашнікаў, Бешанковічаў, Лепеля, носбіты беларускай мовы, якія вывучаюць англійскую мову для прафесійнай дзейнасці. У якасці матэрыялу для запісу тэрытарыяльнага маўлення быў абраны звязаны тэкст¹, які падсыпытным патрабавалася агучыць выразна, у сярэднім тэмпе, набліжаючы чытанне ўслых да апавядання. Найлепшыя рэалізацыі склалі матэрыял для аўдытыўнага аналізу, да якога былі запрошаны спрактыкаваныя даследчыкі, носбіты беларускай мовы, якія выкладаюць фанетыку англійскай мовы. Ім было прапанавана выканаць наступныя заданні ў маналагічнай частцы тэкстаў: вызначыць межы сінтагматычнага члянэння, абазначыць лакалізацыю фразавых акцэнтаў, указаць іх тып (поўныя, частковыя, ядзерныя) і характар вышынна-меладыхных змяненняў.

¹ Тэкст быў прад'яўлены падсыпытным на двюх мовах: беларускай і англійскай. Англійскі варыянт тэксту – адаптаваны ўрывак з апавядання М. Твэна «Банкнота ў мільён фунтаў стэрлінгаў» – быў перакладзены на беларускую мову, яго аб'ём налічвае 590 слоў або 3 500 сімвалаў з прабеламі.

Засяродзім увагу на выніках супастаўляльнага аналізу *танальных контураў* у беларускім і англійскім маўленні прадстаўнікоў Полацкага рэгіёна. Менавіта танальны контур вылучаецца сярод іншых супрасегментных адзінак таму, што ён з'яўляецца структурным комплексам, у склад якога ўваходзяць усе функцыянальныя адзінкі прасоды: ядро, шкала, заядзерная частка, прадшкала – і, аб'ядноўваючы іх, выступае матэрыяльным носбітам сэнсавага зместу сінтагмы. Танальны контур відазмяняецца ў залежнасці ад прагматычнай накіраванасці выказвання і чалавечых пачуццяў, якія знаходзяць адлюстраванне ў яго канфігурацыях, абумоўленых таксама рэгіянальным паходжаннем моўцы.

Аналіз танальных контураў у матэрыяле рэгіянальнага маўлення грунтаваўся на асабіста распрацаванай намі ў ходзе даследавання класіфікацыі, якая, згодна са спецыфікай тэрытарыяльнай прасоды, змяшчае шэсць меладычных малюнкаў.

1. Сыходныя танальныя контуры сярэднянізкага дыяпазону, утвораныя сярэднім/нізкім сыходным ядзерным тонам і сярэдняй/нізкай роўнай шкалай/без шкалы.

2. Танальныя контуры з сярэднімі/нізкімі ўзыходнымі/узыходна-сыходнымі тонамі і роўнай шкалай/без шкалы.

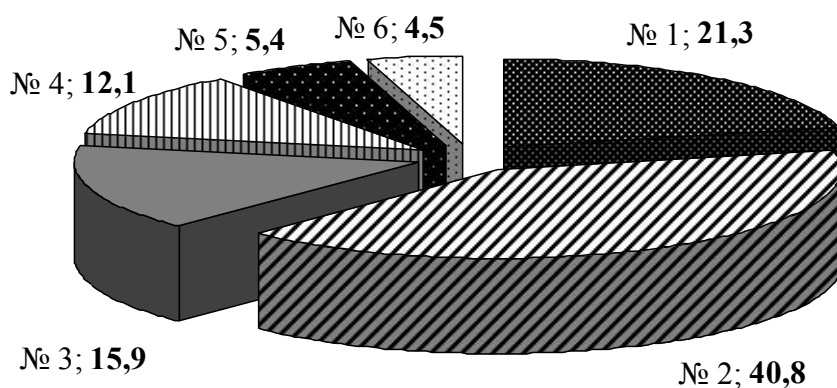
3. Контуры з хуткім змяненнем танальнага руху, якія рэалізуюцца ў трох канфігурацыях: контуры без шкалы з высокімі/звышвысокімі ўзыходнымі/узыходна-сыходнымі тонамі; нізкая шкала з наступнай рэалізацыяй ядзерных тонаў на найвышэйшым узроўні голасу; шкала з парушанай паступовасцю ў камбінацыі з высокімі/звышвысокімі ўзыходнымі/узыходна-сыходнымі тонамі.

4. Контуры з паступова сыходнымі хвалістымі шкаламі.

5. Контуры з высокімі шкаламі.

6. Узыходна-сыходныя контуры.

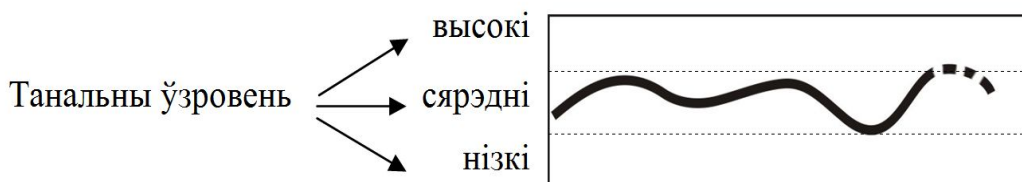
Вынікі параўнальнага аналізу танальных контураў у беларускім маўленні выхадцаў з Полацкага рэгіёна прадстаўлены на мал. 1.

Мал. 1. Дыстрыбуцыя выяўленых тыпаў танальных контураў у беларускім маўленні прадстаўнікоў Полацкага рэгіёна, %

Як відаць з мал. 1, найбольш тыповым у маўленні выхадцаў з Полацкага рэгіёна на беларускай мове з’яўляецца контур № 2, прадстаўлены сярэднімі/нізкімі ўзыходнымі/узыходна-сыходнымі тонамі з сярэднімі/нізкімі роўнымі шкаламі/без шкалы (40,8 %). Пры гэтым сярод адзначаных большую долю складаюць структуры з плаўнымі ўзыходнымі тонамі (мал. 2) – 27,4 %, чым з узыходна-сыходнымі – 12,1 %, напрыклад:

Дыктар 10: Ужсо .два /дні | я нічога не /еў..., Неўзалбаве | лакей адчыніў
дзверы } ...

Мал. 2. Схематычная выява танальных контураў № 2 у рэгіянальным маўленні беларусаў

Наступнымі па частотнасці ўжывання з’яўляюцца сыходныя танальныя контуры № 1 сярэднянізкага рэгістра (мал. 3) – 21,3 % з пераважнай лакалізацыяй у фінальных сінтагмах, напрыклад:

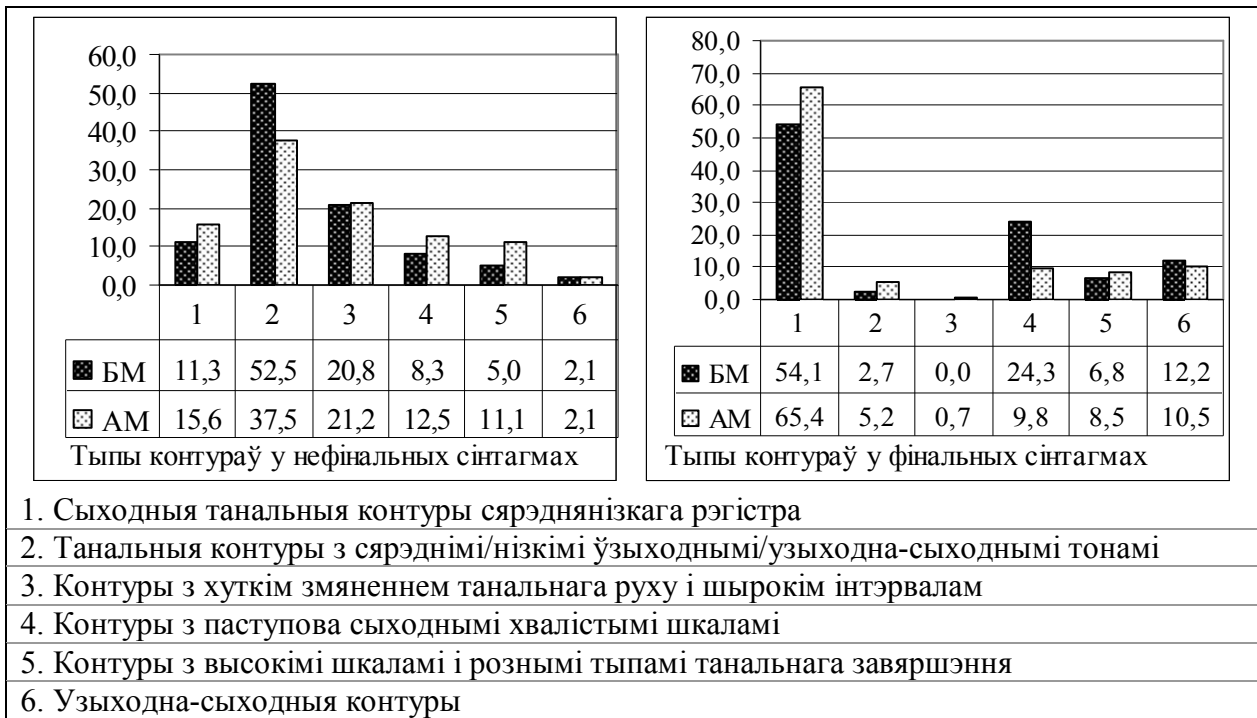
Дыктар 11: ... { дзе ся.дзелі |два пажылыя .джэнтль.мены. || •Я чакаў, што
мне скажуць, | ...

Мал. 3. Схематычныя выявы танальных контураў № 1 у рэгіянальным маўленні беларусаў

Аднолькава меншай доляй выкарыстання характарызуюцца структуры з хуткім змяненнем танальнага руху № 3 (15,9 %) і паступова сыходнымі хвалістымі шкаламі № 4 (12,1 %). Астатнія віды танальных узораў складаюць нязначную долю ў адносінах да апісаных вышэй (па 4–5 %).

Аўдытыўны аналіз характарыстык *англійскага* маўлення ў прадстаўнікоў Полаччыны дазволіў параўнаць асаблівасці дыстрыбуцыі розных тыпаў танальных контураў у беларускім і іншамоўным маўленні ўдзельнікаў эксперыменту (мал. 4).

Мал. 4. Частотнасць розных тыпаў танальных контураў у беларускім і англійскім маўленні выхадцаў з Полацкага рэгіёна, %

З мал. 4 відаць, што танальныя контуры № 2, прадстаўленыя сярэднімі/нізкімі ўзыходнымі/узыходна-сыходнымі тонамі з сярэднімі/нізкімі роўнымі шкаламі/без шкалы, пераважаюць як у беларускіх (52,5 %), так і ў англійскіх (37,5 %) нефінальных сінтагмах палачан. Пры гэтым, нягледзячы на дамінаванне названых меладычных малюнкаў, на замежнай мове ў параўнанні з беларускай іх колькасць некалькі зніжаецца (на 15,0 %), як і змяншаецца доля выкарыстання ўзыходна-сыходных тонаў (на 5,9 %).

Пры супастаўленні разгледжанага тыпу танальных контураў № 2 у маўленні беларусаў і дыктараў-англічан варта адзначыць іх нетыповасць для англійскага аўтэнтычнага вымаўлення. А менавіта, нехарактэрнымі для рэалізацыі носьбітаў замежнай мовы з'яўляюцца плаўная рэалізацыя ўсіх элементаў контуру, выкарыстанне ўзыходна-сыходных тонаў сярэдняй узроўневай разнавіднасці, лакалізацыя шырокіх узыходных тонаў у сярэдневысокім рэгістры, вымаўленне шкалы, пры яе наяўнасці, – у сярэднім/сярэднянізкім рэгістры, напрыклад

Дыктар 13: ... **Λ** *Роўна* (№ 2) | *як і не бы* *ло сяб* *роў* (№ 2) | ...

Дыктар 13: *I* *also* *had* *no* *friends* (№ 2) } ...

Носьбіт англійскай мовы 1: *I* *also* *had* *no* *friends* (№ 5) } ...

Дамінуючым выкарыстаннем у фінальных сінтагмах як роднай, так і замежнай моў выхадцаў з Полацкага рэгіёна характарызуюцца сыходныя танальныя контуры № 1 сярэднянізкага рэгістра з павелічэннем долі іх ужывання ў англійскім эксперыментальным матэрыяле на 11,3 % (беларуская мова: 54,1 %; англійская мова: 65,4 %). У нефінальных інтанацыйных групах

колькасць дадзеных меладычных малюнкаў таксама некалькі павялічваецца: беларуская мова – 1,3 %; англійская мова – 15,6 %. Аднак дадзеныя змяненні не набліжаюць іншамоўныя рэалізацыі да аўтэнтчных, паколькі вымаўленню дыктараў-англічан больш уласцівы высокі ўзровень шкалы і ядра, крутасць характару рэалізацыі тэрмінальнага тону, як у контурах № 5, напрыклад:

Дыктар 12: Ужо два /дні (№ 2) | я нічога не еў (№ 1)...

Дыктар 12: I had eaten nothing (№ 1) | for two days (№ 1).

Носьбіт англійскай мовы 3: I'd eaten nothing (№ 5) | for two days (№ 5).

Такім чынам, даследаванне аўдытыўных рыс мелодыі беларускага і англійскага маўлення прадстаўнікоў Полаччыны ў параўнальным аспекце дазволіла зрабіць наступныя вывады:

1) найбольш частотнымі танальнымі контурамі маўлення ў Полацкім рэгіёне выступаюць плаўныя меладычныя малюнкі сярэдняга/нізкага рэгістра з узыходнымі тонамі ў нефінальных сінтагмах і сыходныя контуры сярэдня-нізкага рэгістра ў фінальных сінтагмах;

2) рэгіянальныя характарыстыкі полацкай прасодыі знаходзяць праяўленне ў англійскім вымаўленні ўдзельнікаў эксперымента і рэалізуюцца ў выглядзе трох тыпаў рыс:

а) пры параўнанні беларускага рэгіянальнага і англійскага іншамоўнага вымаўлення:

- *тып I*: рэгіянальныя рысы, якія праяўляюцца як падобныя ў маўленні падыспытных на дзвюх мовах:

плаўны характар рэалізацыі і нешырокі інтэрвал разгортвання танальных контураў,

дамінуючае выкарыстанне контураў сярэдняга дыяпазону з узыходнымі/узыходна-сыходнымі ядзернымі тонамі ў нефінальных сінтагмах;

частотнае ўжыванне сыходных меладычных малюнкаў сярэднянізкага рэгістра і вузкага дыяпазону ў фінальных сінтагмах;

- *тып II*: рэгіянальныя характарыстыкі, якія праяўляюцца як змененыя ў англійскім іншамоўным вымаўленні беларусаў і таму выступаюць адрознымі ў роднай і замежнай мовах:

зніжэнне частотнасці выкарыстання контураў сярэдняга дыяпазону з узыходнымі/узыходна-сыходнымі ядзернымі тонамі ў нефінальных сінтагмах;

павелічэнне колькасці сыходных контураў сярэднянізкага рэгістра;

памяншэнне долі ўжывання ўзыходна-сыходных тонаў;

б) пры параўнанні прасодыі англійскага іншамоўнага і аўтэнтчнага маўлення:

- *тып III*: рэгіянальна спецыфічныя беларускія рысы, якія адсутнічаюць у англійскім аўтэнтчным вымаўленні:

плаўнасць разгортвання мелодыі з нязначнымі тонавым кантрастамі;

недастаткова шырокі дыяпазон маўлення за кошт ніжэйшага ўзроўню шкалы і вузейшага інтэрвалу сыходных ядзерных тонаў.

Такім чынам, вызначаныя рысы тэрытарыяльнай прасодыі і параўнальны аналіз асаблівасцей іх праяўлення ў англійскім маўленні прадстаў-

нікоў Полацкага рэгіёна развіваюць і паглыбляюць навуковыя звесткі аб заканамернасцях функцыянавання супрасегментных рыс у вымаўленні беларусаў на роднай і замежнай мовах. У тэарэтычным плане атрыманыя вывады адкрываюць новую старонку ведаў у галіне кантрастыўнай лінгвістыкі і параўнальнай тыпалогіі беларускай і англійскай моў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Курацёва, В. І.* Рэгіянальныя характарыстыкі беларускай прасодыі і іх праяўленне ў англійскім вымаўленні беларусаў : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / В. І. Курацёва ; МДЛУ. – Мінск, 2016. – 26 с.
2. *Выгонная, Л. Ц.* Інтанацыя. Націск. Арфаэпія / Л. Ц. Выгонная. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 215 с

The article deals with the specific melodic features of speech in Polotsk region and their manifestation in the English pronunciation of the students, who study the language for professional purposes. The results of the conducted experiment show that the regional speech is marked by its typical pitch contours that impact the prosody of the foreign language speech. The regional characteristics are manifested in the English speech of Polotsk region representatives through the three types, disclosed in the article.

Е. Г. Полонникова

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Рассматривается понятие внутренней формы слова с лингвокультурологической точки зрения. Показывается, что это явление можно трактовать в качестве метафоры, передающей культурную информацию. Внутренняя форма слова, с одной стороны, представляет собой понятие лингвистической семантики, а с другой – является лингвокогнитивным феноменом. Данное понятие способствует созданию лингвистической картины мира, передает ментальность народа, а также когнитивные процессы индивидуумов независимо от национальной и этнической принадлежности. Указанные характеристики внутренней формы слова раскрываются на примерах номинаций деревьев на русском и английском языках.

Связь языка и мышления народа давно является объектом пристального изучения лингвистов и психологов. «Мысль не воплощается, а совершается в слове», – писал в своей книге «Мышление и язык» психолог Л. С. Выготский [1]. На самом деле в слове «совершается» процесс познания. *Внутренняя форма (ВФ) слова* является представлением, которое формирует понятие об объекте окружающей действительности в нашем сознании, осуществляя связь между языком и мышлением.

Язык – это важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Слово фиксирует результаты познавательной деятельности

людей. Совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме, представляет собой «языковой промежуточный мир», «языковую репрезентацию мира», «языковую модель мира», «языковую картину мира». Но каждый язык по-своему членит мир, имеет особую картину мира, в соответствии с которой языковая личность обязана организовывать содержание своего высказывания [2]. Однако термин *языковая картина мира* – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [3]. Язык – это факт культуры, именно в нем отражается особая картина мира народа. А поскольку «явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа», «языковая картина мира» – это система образов [4].

«Образ как продукт восприятия и понимания мира – категория сознания. Будучи включенным в речемыслительный процесс, он превращается в языковой образ – категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений», – утверждает Н. Ф. Алефиренко [5]. ВФ слова есть не что иное, как признак, лежащий в основе наименования и формирующий этот образ. Можно сказать, что образность является качественным свойством плана содержания языковых явлений, объективирующим его когнитивную составляющую. ВФ выступает как связующий мостик, по которому осуществляется перевод когнитивной структуры в языковую.

Термин *ВФ слова* был введен в лингвистический обиход в середине XIX века А. А. Потебней и восходит к русскому переводу термина В. фон Гумбольдта *innere Sprachform* («ВФ языка») [6]. Существует множество определений ВФ слова. Часть языковедов под ВФ слова понимает идеальную, смысловую категорию. Они определяют *ВФ слова* следующим образом: «значение слов, в той мере, в какой оно представляет предмет языкознания, может быть названо внутреннейю их формой в отличие от внешней звуковой, иначе – способом представления внеязыкового содержания» (А. А. Потебня) [7]; «внутренняя форма – это образ, легший в основу наименования» (В. Г. Гак); «это признак, по которому назван предмет» (А. И. Федоров); «семантическая структура знака» (Л. Р. Зиндер); «признак представления референта» (Н. И. Мигирова). И многие из таких трактовок указывают на ВФ слова как на материализованный в слове признак номинации [8; 9].

«В наиболее простом виде *ВФ слова* формирует признак, положенный в основу наименования и отражающий первоначальное понимание (восприятие, видение) обозначаемого предмета. Признак, эксплицируемый словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными, поскольку воспроизводится в сознании постоянно при употреблении данной единицы, остальные же признаки возникают в сознании лишь изредка» [5]. Этот ведущий признак и становится образом, составляющим основу *ВФ*. При этом выбор такого признака не обязательно должен определяться его существенностью: это может быть лишь бросающийся в глаза признак. Видимо, поэтому в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе выделения разных признаков, примет. Однако наряду со специфическими чертами в номинации предметов и явлений в разных языках может наблюдаться и общее в способах выражения понятий, что связано с общностью принципов человеческого восприятия.

По словам В. В. Виноградова, «*ВФ слова*, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, могут уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [10]. Поскольку образ связан в большей степени с объектами действительности, чем с категориями смысла, он становится экспликатором лингвокультурной информации, той мнемонической связью, которая помогает соотнести слово и объект внеязыковой действительности.

Сознание человека развивается через его познавательную деятельность. Объектами такого познания становятся предметы и явления окружающего мира, все то, с чем мы сталкиваемся каждый день. Названия деревьев относятся к самым древним наименованиям, сохранившимся в современных языках. Они отражают фрагмент языковой картины мира древнего человека. Растительный мир, окружающий людей, представлен в их сознании в виде определенных понятий об этом мире, находящих реализацию в языке в ряде номинантов (обозначений), актуализирующих наиболее характерные признаки этих номинантов (обозначаемых).

Образ дерева является культурно значимым и представляет собой своеобразный национально-культурный маркер. Согласно словарю В. И. Даля, дерево – «самое крупное и рослое растение» [11]. С ним связано много поверий, загадок, песен, обрядов. Необычный размер, красота, уникальные физические свойства или просто мощь духа дерева могли предоставить ему центральное место в фольклоре и мифологии культуры. Истории, которые посвящены конкретному дереву или лесу, часто отражают мощь знаний древних верований. Реализуя универсальный «древесный» код, образы отдельных деревьев несут особую культурную нагрузку у разных народов [8]. Так, кельты – племена, населявшие значительную территорию Западной и Центральной Европы, предки современных ирландцев, валлийцев, шотландцев, бретонцев и корнцев – высоко ценили деревья, наделяли их магическими способностями. Так же, как и славяне, они были язычниками

и одушевляли растительный мир вокруг себя. Большим влиянием у кельтов пользовались друиды – жрецы, в руках которых сосредоточивались осуществление религиозного культа, высшая судебная власть и образование. Они жили в лесах, а поэтому придавали большое значение лесу, деревьям, среди которых им приходилось жить. Они утверждали, что характер человека соответствует одному из деревьев; деревья, как и люди, бывают одинокие и принадлежащие к группе, деликатные и настойчивые, мощные и слабые. На этом основан гороскоп друидов. Благодаря ВФ слова можно выявить национально-культурные особенности восприятия славянами и кельтами деревьев, произрастающих на территории расселения племен.

Значимым для всех славян и кельтов издревле является **образ дуба**: это символ мощи, силы, здоровья (*здоров как дуб, крепок как дуб, рослый как дуб, стоит как дуб; sturdy as an oak tree* ‘крепкий как дуб’, *heart of oak* ‘отважный человек, удалец’). Однако для славян это еще и символ глупости, тупости (*дуб дубом, как дуб* – о крепком, но упрямом и тупоголовом человеке). В английском языке такое значение передает образ другого дерева – **лимона** (*a lemon* ‘простофиля, неудачник’, *hand smb. a lemon* ‘надуть, обмануть кого-л.’, *the answer is a lemon* ‘неудовлетворительный ответ’) [12; 13].

Для славянской культуры особое значение имеет **образ рябины** с ее тонким, гибким стволом, что нашло отражение в словах популярной в народе песни: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина, головой склоняясь до самого тына». Этот образ стал символом сгибающейся под тяжестью жизненных испытаний женщины, ее грусти, печали и одиночества (*гнутьяся/шататься как рябина (на ветру), одинокая как рябина*) [8; 12].

Также символом одиночества выступает **сосна** у славян (*одинокая как сосна, как сосна в поле*). В англоязычной культуре это дерево имеет другое значение и ассоциируется с невоспитанным человеком, нетактичным (*straight as a pine tree* ‘прямолинейный как сосна’) [12; 14]. Это легко объясняется тем фактом, что в культуре англичан не принято прямо выражать свои мысли, это считается чем-то неприличным, нарушающим светский этикет.

Традиционно символом печали, траура, женского несчастья является **образ ивы** как в славянской, так и в кельтской культурах (*как плакучая ива, to wear the willow* ‘носить траур; горевать по любимому’) [8; 14].

Большую культурную нагрузку традиционно несет **образ березы**. Множество стихов и песен посвящено именно этому дереву. Это и символ родины, и символ чистоты, и эталон стройности, вербализованный в устойчивом сравнении *стройная как березка* (поскольку в русской культурной традиции ценными мужскими качествами всегда считались сила, мощь, но не стройность, которая является достоинством женщин, то это нашло отражение в сравнении в русском языке с таким «экзотическим» для русских деревом, как **кипарис**: *стройный как кипарис*). В англоязычной же среде береза ассоциируется лишь с ритуальным битьем, с поркой розгами (*дать березовой кашу, the birch* ‘розга, орудие телесного наказания’) [12; 14].

Символами девичьей привлекательности, скромности являются **персиковое дерево** (*a real peach* ‘красивый, прекрасный, просто загляденье’) в кельтской культуре и **вишня** (*смуглая как вишенка, девушка как спелая вишня*), **калина** (*красивая как калина*) в славянской культуре [12; 15].

Еще одним символом красоты, помпезности, вычурности является **ель** (*spruce* ‘нарядный, элегантный, изящный, щеголеватый’, *нарядная как елка*) в славянской и кельтской культурах [14]. Это связано с традицией встречи Рождества и Нового года в обеих культурах.

В английском языке значимым является **образ вишни** как символа удачи, благосостояния (*a bowl of cherries* ‘беззаботное существование’, *the cherry on the cake* ‘лакомый кусочек; изюминка; главное достоинство’, *a bite at the cherry* ‘шанс, возможность’, *cherry-pick* ‘отбирать только самое лучшее, захватывать лакомые куски, снимать сливки’) [13].

Также благосостояние, принадлежность к высшему обществу, высокий социальный статус символизирует **образ сливы** в кельтской культуре (*plum* ‘лакомый кусочек, нечто самое лучшее, сливки’, *plum job* ‘теплое местечко, доходное’, *to wait for the plums to fall into one's mouth* ‘ждать, что сливы сами в рот посыплются, ждать, что поднесут все на блюдечке’, *to speak with a plum in one's mouth* ‘иметь характерное для высших слоев общества произношение’) [15].

Символом здоровья, плодородия, чего-то очень важного для человека в кельтской и славянской языковых традициях является образ **яблони**: (*the apple of one's eye* ‘зеница ока’, *to be a “bad apple” or a “rotten apple”* ‘быть плохим человеком’, *щеки как наливные антоновские яблоки, красные как яблоки, свежий как яблоко*). В английском языке даже есть пословица, отражающая значимость этого дерева и его плодов в культуре народа: *an apple a day keeps the doctor away* ‘кто яблоко в день съедает, у того доктор не бывает’ [12; 13].

Указывая на образное представление объекта действительности, ВФ становится экспликатором лингвокультурной информации. ВФ слова представляет нашему сознанию связь между языковым знаком и обозначаемым объектом и тем самым нередко определяет этноязыковую специфику сознания. Она является, с одной стороны, категорией языковой семантики, а с другой – категорией когнитивной, связанной с кодированием и декодированием информации. Таким образом, ВФ слова – лингвокогнитивная категория, лингвокультурологический феномен. И как лингвокультурологический феномен она представляет собой часть языковой культуры народа, участвует в формировании особой языковой картины мира, отражает менталитет определенного народа, а также процессы мышления любого человека вне зависимости от его национальной и этнической принадлежности, т.е. является общечеловеческой категорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский, Л. С.* Собр. соч. : в 6 т. // Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.
2. *Лосев, А. Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию / А. Ф. Лосев – М. : Моск. гос. ун-т, 1982. – 481 с.
3. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
4. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 191 с.
5. *Алефиренко, Н. Ф.* Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
6. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
7. *Потебня, А. А.* Полное собр. тр. : Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 270 с.
8. *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
9. *Зализняк, А.* Внутренняя форма слова [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа : <http://www.krugosvet.ru>. – Дата доступа : 29.04.2014.
10. *Виноградов, В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
11. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – Т. 1–4.
12. *Мокиенко, В. М.* Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
13. Idioms about trees, fruits and vegetables [Electronic resource] – Mode of access : <http://www.dailywritingtips.com>. – Date of access : 10.12.2014.
14. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource] – Mode of access : <http://dictionary.cambridge.org>. – Date of access : 14.09.2013.
15. English idioms and idiomatic expressions [Electronic resource] – Mode of access : <http://www.learn-english-today.com>. – Date of access : 10.12.2014.

This article deals with the phenomenon of the inner form of the word from its linguoculturological aspect. It shows that the inner form of the word indicates the image, the metaphor which conveys cultural information. The inner form of the word represents both the notion of language semantics and the linguo-cognitive notion. It helps to create the linguistic image of the world, reflects the mentality of a particular nation and the cognitive process of any person irrespective of their nationality and ethnic group. The importance of the study is proven by various examples based on Russian and English tree naming, by famous citations of scholars working in this field of knowledge.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРАКТИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(на материале белорусских и американских периодических изданий)

В статье рассматриваются тенденции развития современного медиадискурса, повлекшие за собой модификацию традиционных медиажанров и появление новых, гибридных текстовых форм. Одним из таких изменений является сдвиг в сторону интерактивности, повлиявший на характер взаимодействия адресанта и адресата сообщения. На материале американских и белорусских периодических изданий исследуются два жанра – письмо-отклик и дискуссия. Устанавливается, что в результате возросшей роли интерактивности первый тип текста, являющийся достаточно традиционным, изменил ряд «канонических» параметров, тогда как второй тип текста можно считать новым, гибридным медиажанром. Для текстов обоих типов характерен акцент не только на авторской точке зрения по поводу обсуждаемой проблемы, но и апелляция к чужому мнению или опыту, столкновение точек зрения. Однако также были выявлены некоторые межкультурные различия, связанные с более конкретным характером цитирования чужого мнения и точным указанием источника информации в американских изданиях.

Медиадискурс находит свое конкретное воплощение во множестве медиатекстов, под которыми понимаются конкретные результаты медиапроизводства – сообщения, изложенные в любом жанре медиа (газетная статья, телепередача, рекламное сообщение и т.д.) и адресованные массовой аудитории [1, с. 27]. «Фундаментальным свойством медиатекста является его диалогичность, т.е. выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения» [Там же, с. 28]. Однако исследователи отмечают, что в современной медиасреде изменился характер обратной связи, сместившись в сторону интерактивности: «однонаправленное» воздействие уступило место взаимодействию адресанта и адресата медиасообщения. Такая активизация обратной связи «поставила редакции перед необходимостью оперативно реагировать на изменение требований аудитории и общественного мнения» [2, с. 27–28], проявившись, в частности, в существовании нескольких альтернативных способов, позволяющих читателю связаться в редакцией или конкретным журналистом: традиционное письмо, электронное письмо, комментарий под публикацией на сайте или постом в блоге, сообщение на форуме или в чате, телефонный звонок в редакцию.

Помимо изменения характера взаимодействия адресанта и адресата, современный медиадискурс отличается усилением процессов диффузии жанров и их конвергенции [3], что неизменно приводит к активному возникновению новых форм текста. Видоизменение жанровых характеристик различных медиатекстов происходит в СМИ постоянно, однако на данном этапе особенно заметен процесс размывания границ традиционных жанров и появления гибридных типов текста, вызванный увеличением объема информационных потоков и их усложнением. Например, появление общих для

разных каналов содержательных продуктов ведет к рождению новых интегрированных жанров – инфотейнмента, эдютейнмента и т.п. [2, с. 27]. При этом возрастающая роль интерактивности также может, на наш взгляд, рассматриваться в качестве одной из предпосылок модификации традиционных медийных жанров, таких как письмо-отклик в редакцию, или появления ряда гибридных жанров, таких как дискуссия (спор). В рамках настоящей публикации рассмотрим репрезентацию категории интерактивности в медиатекстах двух указанных жанров – письмах в редакцию и дискуссии. Материалом исследования послужили русскоязычные белорусские издания «Знамя юности», «Минский курьер», «Советская Белоруссия», «Народная газета» и американские издания «The Oregonian», «Yakima Herald Republic», «The Washington Times», «The Washington Post» за 2014–2016 гг. (с учетом печатных версий газет и публикаций на веб-сайтах).

Как и многие другие медиатексты, письма-отклики и статьи жанра «дискуссия» строятся вокруг обсуждения некоторой социально значимой проблемы. Исследователи отмечают, что предметом публицистики вообще «являются социальные проблемы (конкретные ситуации в обществе, связанные с резким увеличением разрыва между ожиданиями аудитории и реальным развитием событий и требующие немедленного либо скорейшего разрешения)» [4, с. 153]. Таким образом, если медиатексты «отражают актуальные вопросы современной жизни» [5, с. 23], то деятельность журналиста связана с «анализом, прогнозированием, оценкой актуальных социальных проблем современности и поиском общественно приемлемых путей их разрешения» [4, с. 153]. Сказанное справедливо и в тех случаях, когда медиатекст создается не профессиональным журналистом, а, например, рядовым читателем данного периодического издания, поскольку концепт «проблема» является ключевым в том числе и для текстов жанра «письмо-отклик» [6; 7].

Письма в редакцию традиционно представлены двумя вариантами: отклик на публикацию и отклик на событие. Сообщения, которые являются реакцией читателей на размещенную ранее статью, содержат семантический компонент *ссылка на публикацию* и следующие дискурсивные маркеры: *статья, заметка, публикация, газета, опубликовать, читать; article, paper, print, read*. Указанные маркеры сопровождаются датой выхода газеты, именем автора или названием публикации: *I am writing in response to **the Oct. 2 article** on the Sierra Club and Initiative 732; Your recent excellent **article** on physician efforts to balance the treatment of patients... ; **On Sept. 16, 2016, was printed** the account of Mathew Harvey, a Canadian... ; Хочу выразить благодарность журналисту **Станиславу Галковскому** за его **публикацию** по темам бездомных животных; В «НГ» № 7 за 19 февраля этого года меня заинтересовала полемика специалистов («Трудный возраст»), посвященная... . Однако большая часть писем представляет собой реакцию читателей на общественную проблему или некоторое значимое событие: *There is so much concern about what to do with downtown Yakima; People are starting to**

*realize the damage Bill Gates is doing to American education; На остановках общественного транспорта многие продолжают курить, несмотря на запрет; Службы ЖКХ и «Зеленстрой» по-прежнему создают видимость бурной деятельности; Все эти годы жители близлежащих домов пытаются решить одну проблему... . Об актуальности обсуждаемого вопроса свидетельствуют языковые маркеры, указывающие на новизну информации (сегодня, недавно; *recently, lately*) или повторяющийся характер проблемной ситуации (обычно, ежегодно; *constantly*): **Часто** слышу и читаю в прессе... ; **Постоянно** замечаю, как родители вместе с детьми перебегают дорогу не по зебре... ; *Educators are constantly expected to meet higher standards... ; Steve Driscoll is running for Yakima County clerk this year...* . Вторым способом акцентирования значимости проблемы, которой посвящено письмо в редакцию, является использование местоимения *наш/our*. Подобным образом автор подчеркивает тот факт, что сказанное в письме актуально именно для места/района его проживания (*наш микрорайон, наш дом; our state, our county*).*

Следует признать, что упомянутые выше изменения, происходящие в современном медиадискурсе, затронули и такой достаточно консервативный жанр, как письмо в редакцию, в первую очередь отразившись на его коммуникативно-прагматических параметрах (характеристиках и целях участников общения), а также способах их репрезентации в тексте. В частности, изменился характер взаимодействия отправителя и получателя сообщения. Тексты жанра письмо-отклик всегда отличались сложным характером адресата: во-первых, письмо может быть обращено к одному человеку (главному редактору, журналисту, конкретному политику или общественному деятелю) или группе лиц (продавцам, коммунальщикам, водителям, жильцам дома и т.д.), однако конечным получателем письма в редакцию всегда выступает массовая аудитория – т.е. все читатели данной газеты. Возможности современных СМИ расширили диапазон этого взаимодействия, что фактически позволяет говорить о возможности диалога одного читателя с другими подписчиками издания. Например, в письме-отклике может приводиться ссылка не на статью в газете, а ранее опубликованное письмо другого читателя: *On Oct. 3, you published a thoughtful, well-written letter titled, “Sad debate display”; I agree with Wallace Donaldson (Letters, Oct. 7, “Global Cooling coming”)*... ; *Прочитав мнение пинчан в номере «СБ» за 9 февраля, решил и я поучаствовать в пенсионных дискуссиях.* Межкультурная специфика манифестации такого «диалога» выражается в том, что для американских изданий характерно указание конкретного номера газеты, даты публикации письма, имени человека, тогда как авторы писем в редакцию белорусской прессы чаще избегают деталей и просто обозначают тему, присоединяясь таким образом к общему обсуждению: *Необычную новость увидел в интернете; Недавно прочитал, что...* . Подобный «обмен» происходит в рамках рубрик *Дискуссия, Мнение*, где письма читателей группируются по тематическому принципу, выражая при этом диаметрально противоположные либо альтернативные точки зрения.

Еще одной формой манифестации категории интерактивности в письме-отклике, на наш взгляд, является резкое противопоставление социальной общности, к которой относит себя автор письма (*мы*), некоторой другой группе, к которой он не относится (*вы*). Указанная группа (политики, коммунальщики, милиция и т.д.), по мнению автора, виновата в создании проблемной ситуации и/или несет ответственность за ее решение: *Что вам, господа хорошие, мешает узаконить все эти добровольно-принудительные поборы, но при этом отчитываться за каждый потраченный рубль? Что мешает комитетам по образованию гор- и райисполкомов вывешивать в открытом доступе на сайте, сколько средств из бюджета перечислено на конкретную школу? Это избавило бы всех нас от многих недоразумений.* Используя местоимение второго лица, автор письма также может указывать на читателей газеты, которые не разделяют его мнения: *Of course, if you are someone who has a strong negative reaction to change or talk of more taxes, there's nothing here for you. But I am in principle supportive of infrastructure that provides a quicker, more environmentally friendly commute for those who would otherwise drive, and more family time and access to affordable housing for those who can't. For all of us in Tigard who see the change happening now – residential and business growth, but also increased traffic congestion and crowded rush-hour buses – we want to hear TriMet's best offer.* Приведенные примеры также свидетельствуют о том, что в современных условиях массмедиа традиционная цепочка *конкретный читатель → газета (редакция) → читательская аудитория газеты (массовая аудитория)* претерпела изменения и значительно усложнилась, перестав быть однонаправленной. Помимо того, что редакция современных изданий предоставляет подписчикам больше путей и возможностей высказать свое мнение (в форме письма, комментария на сайте, телефонного звонка, смс-сообщения на номер редакции и т.д.), читатели могут спорить друг с другом, а также с журналистом, написавшим статью или пост в блоге на сайте издания. При этом журналист принимает участие в дискуссии и отвечает на наиболее интересные комментарии, например: *Н. Борисовец, «Руки на капот! На капот, я сказала!»* (публикация в блоге на сайте «СБ» от 02.06.2016): – *С другой стороны девушка сама виновата – кто в автошколу в юбке ходит? Краситесь. Прихоращиваетесь. А потом думаете: может зачет мне за красивые глаза поставит* (мнение Пользователя 1). – *Спасибо за отзыв! Могу сказать за себя – на протяжении всего обучения в автошколе ни разу не пришла на занятия в юбке, на каблуках и т.д. С другой стороны – даже если девушка пришла в юбке, неужели это дает право распускать руки и оправдывает такое поведение инструктора?* (ответ автора Пользователю 1). – *В целом любопытный блог. Но девушка меня позабавила тем, что считает – раз ты женат, а тем более детей завел, и думать не моги о других женщинах и девушках* (мнение Пользователя 2). – *Спасибо, что не оставили без внимания мой блог. Думать о других женщинах никто не запрещает* (ответ автора Пользователю 2).

В свою очередь, для американских изданий характерен способ обмена мнениями, при котором гости сайта комментируют письмо в редакцию, присланное другим читателем: *I'm no fan of Christopher Columbus, but I think we ought to be able to use language correctly. Indigenous means "existing in a place naturally, rather than arriving from another place". The migrants who crossed the Bering Strait and populated the Americas were probably the first humans here, but they were not indigenous. Perhaps we should consider changing Columbus Day to Migrant Peoples' Day* (мнение отправителя письма-отклика). – *Some things simply need to go and Columbus Day is one of them. Give the Italians or Spaniards some form of reparations if necessary. But dump Columbus* (Пользователь 1). – *Perhaps the best compromise is Civilization Day. Everyone may read into that what one wishes* (Пользователь 2).

Еще одним вариантом обеспечения обратной связи является проведение опросов. Например, на сайте газеты «СБ» читателям был предложен опрос на тему *Как вы провели лето?: В начале июня был опубликован наш опрос под девизом «Готовь сани летом». Мы тогда спрашивали у читателей: «Как вы проведете лето?» и пообещали в начале осени поинтересоваться, все ли получилось?* В нем приняли участие призер Олимпийских игр, пастор лютеранской общины, директор швейного предприятия и т.п. Однако, если для белорусских изданий характерны открытые опросы, то в американских изданиях предпочтения отдаются анонимным опросам с возможностью выбора ответа из предложенных альтернатив: *Did Monday night's presidential debate between Hillary Clinton and Donald Trump sway your vote?* – Варианты ответа: *The debate reaffirmed my vote for Donald Trump; The debate reaffirmed my vote for Hillary Clinton; I was on the fence, but now I'm leaning toward Trump; I was on the fence, but now I'm leaning toward Clinton; I was on the fence, but now I'm leaning toward a third party; I never was going to vote for either Trump or Clinton; I watched sports instead of the debate on Monday night.*

Следует подчеркнуть, что отправитель письма не просто желает высказать свою точку зрения по наболевшей проблеме, но ожидает реакции от журналиста, редакции или группы лиц, которым адресована просьба: *Надеюсь, что ответственные службы наведут порядок до того, как кто-то заберут на машине скорой помощи после падения; Уважаемые руководители ЦУМа! Добавьте продавцов-консультантов... ; Find a way to buy up some property nearby and get another multistory parking garage built soon. You will find that it brings the missing riders, including me; I know a YES vote on Measure 97 is the right thing to do for Oregon's students, families and social services. Your affirmative vote will finally bring stability back to our students' education.* Об эффективности подобных обращений свидетельствуют ответы журналистов на письма и комментарии читателей, в том числе появление соответствующих газетных рубрик *Отвечаем на письма читателей, Обратная связь*, а также проведение мини-опросов с целью выяснения мнения читателей: *Should Washington state raise the age for cigarette smoking from 18 to 21?* (Варианты ответа: *Yes, No, Not sure*). Сказанное свидетельствует о том,

что редакция издания поддерживает стремление читателей делиться своим мнением по поводу актуальной проблемы и даже предлагать собственные варианты ее решения, предоставляя им возможность участвовать в разных формах обсуждений.

Рассмотрев категорию интерактивности в жанре «письмо-отклик», обратимся к статьям, опубликованным в рамках газетной рубрики *Спор*. На наш взгляд, подобные медиатексты могут быть отнесены к гибриднему жанру «дискуссия». Традиционно родовым (стрежневым) жанром публицистики является статья, автор которой ставит и/или разрешает какую-либо социальную проблему [4, с. 156], однако мнение журналиста по поводу обсуждаемой проблемы может воплотиться и в иных текстовых формах, а именно в виде комментария, колонки, обозрения, обзора, рецензии, дебатов, эссе и т.п. Одним из таких новых жанров, появившихся в современной периодике относительно недавно, является дискуссия (спор). Тот факт, что исследуемые тексты относятся к сфере публицистики, не вызывает сомнений, поскольку они освещают наиболее острые вопросы, требующие немедленного либо скорейшего решения. Следовательно, в них ожидаемо присутствие таких компонентов, как анализ актуальных социальных проблем и поиск конкретных путей их решения, поэтому в фокусе исследуемых текстов находится два момента: во-первых, авторское субъективное мнение по поводу обсуждаемого вопроса, а во-вторых, предложение собственного пути его разрешения. Отличает их от обычной аналитической статьи то, что тексты данного жанра предполагают своего рода диалог, обмен точками зрения.

Виртуальный диалог может осуществляться в разных формах. Так, тексты жанра «дискуссия» из белорусского издания «СБ» представляют собой обмен экспертным мнением двух человек, которые профессионально связаны с определенной сферой деятельности (образование, экономика, театр, музыка, ресторанное дело и т.д.). Каждый участник виртуального спора высказывает собственную точку зрения по поводу предложенной темы, далее обе публикации размещаются на одной газетной странице под общим заголовком (например, *На какие формулы успеха должна опираться в своем развитии белорусская эстрада?*), однако каждая статья при этом имеет собственное название (*Беречь свой голос* – мнение композитора; *Формулы успеха давно найдены* – мнение продюсера). В свою очередь, на сайте американского издания «The Washington Post» в рубрике *Opinion* предлагается опция *Read more on this topic*. Перейдя по ссылке, читатель получает возможность узнать мнения других экспертов по обсуждаемой проблеме, например: *Yes, we should protect transgender people but we're going about it in a dangerous way* – статья журналиста; *One bathroom for all: Install gender-free, single-user restrooms* – мнение студента, признающего себя трансгендером; *Five myths on being transgende* – мнение врача-психиатра. Таким образом, специфика жанра состоит не в обмене мнениями между редакцией и читателями газеты по тому или иному вопросу, а в обмене мнениями между

экспертами в данной области. При этом роль читателя заключается в том, чтобы во время прочтения статей следить за «ходом дискуссии» подобно телезрителю в студии и в итоге выбрать победителя виртуального спора. Однако в большинстве случаев эксперты не решают поставленную задачу до конца, и вопрос остается открытым, поэтому окончательные выводы читатель делает самостоятельно.

Поскольку акцент в каждой статье делается на субъективной точке зрения ее автора, для исследуемых текстов характерны определенные маркеры мнения. Наиболее очевидным маркером выступает местоимение первого лица в сочетании с глаголами речемыслительной деятельности (*я считаю, я не понимаю; мне кажется, мне видится; I think; I suppose*): *Я понимаю этот выбор, однако считаю, что... ; I think I can make common cause with social conservatives...*. При этом в русскоязычных текстах соответствующий глагол в форме первого или третьего лица единственного числа настоящего времени может рассматриваться в качестве эксплицитного маркера мнения и в отсутствие местоимения: *Вижу, что время суперзвезд уходит...* (=я вижу); *Не знаю, верит ли она в то, о чем поет ...* (=я не знаю). Также позволяют вербализовать мнение автора вводные слова и средства текстовой связи, указывающие на степень уверенности/неуверенности, чувства, источник сообщения: *безусловно, конечно, возможно, очевидно, может быть, судя по всему, к сожалению, по-моему; to be sure, oddly enough, fortunately*. Спецификой англоязычных текстов является использование вводных слов и коннекторов, служащих для противопоставления фактов, мнений (*however, though, on the contrary*): *I'm not saying the current debate is unimportant. To the contrary, it is a discussion the country needs to have; Another lesson, however, is that...*. Сказанное свидетельствует о том, что авторы статей в американских изданиях акцентируют внимание не только на своей точке зрения, но и апеллируют к чужому мнению, «сталкивают» идеи или факты.

Как и для писем-откликов, для текстов жанра «дискуссия» характерно использование местоимения первого лица, не только акцентирующего мнение автора, но и указывающего на его принадлежность к той или иной социальной группе: *Конечно, мы все переживаем времена экономических подъемов и спадов; Так что и в этом нам тоже надо ориентироваться на китайскую модель; Мелодия и гармония – наш музыкальный фундамент; But we do no favors to rising generations... ; I take it as a basic principle that, if possible, we should make people comfortable (maybe then they'll leave us alone); Small and large businesses are starting and thriving in every corner of our city*. В подобных случаях адресант отождествляет себя с некоей ценностно значимой для него группой лиц, объединяемой чаще всего по культурно маркированному признаку» [8, с. 76]. Посредством местоимения подчеркивается тот факт, что мнение автора разделяют все члены указанной группы, а также то, что обсуждаемая проблема является актуальной для региона, в котором проживает отправитель сообщения.

Помимо собственной точки зрения приглашенные для участия в дискуссии эксперты предлагают свое решение проблемы. Высказываемое предложение обозначается такими вербальными маркерами, как слова с модальным значением необходимости (*нужно, следует, должен, важно; should, need, must*): *В то же время необходимо во всем этом многообразии сохранять свое «я»*; *Прежде чем идти на этот жесткий рынок, надо тысячу раз подумать...* ; *By all means, schools should be required to provide access...* ; *Yes, we should find ways to protect transgender people – but we must do so without endangering everyone else.* Собственный вариант решения проблемы может также маркироваться сослагательным наклонением (*Хотелось бы заметить...* ; *Yet \$15 per hour would represent a quantum leap in the U.S. minimum wage...*), фразеологическими оборотами (*Все формулы успеха уже давным-давно найдены, и не надо изобретать велосипед*; *И за этим надо следовать. Не пытаться искать вчерашний день*; *We should take the proven high road and move toward a more equitable model of shared prosperity and a brighter outlook for all*) или императивами (*Голосуйте за белорусское...* ; *But no matter who wins, remember that we have something in common: both a problem and a solution. Remember as well to add a provision*).

Исследуемые тексты представляют собой дискуссию, спор, поэтому для их авторов закономерна не только апелляция к собственному мнению, но и к чужой точке зрения. Однако подобные отсылки к чужому мнению или опыту могут приводиться по двум причинам. Прежде всего, чужое мнение цитируется отправителем сообщения с целью доказательства состоятельности собственной точки зрения. Это делается в тех случаях, когда оно совпадает с авторским или позволяет лучше его проиллюстрировать: *И никто не считает, что это ненормально*; *Но абсолютно уверен и знаю, что меня поддержат все творческие люди...* ; *John P. Morrissey, current chief judge of District Court, called the matter “an area of legitimate concern”... He said he would forward the report to all judges and bailiffs and promised to conduct a statewide review of practices associated with domestic violence petitions. We are glad the chief judge is acting.* При этом автор письма зачастую избегает указания на конкретного человека или источник информации, а приводит обобщенные сведения: *Исследования показали...* ; *Studies have shown this is a time when abusers who are angry about the proceedings may well turn to violence...* ; *Some evidence, for instance, suggests that...* . По-видимому, подобным образом адресант апеллирует к распространенности, популярности высказываемой точки зрения. Однако выявленные межкультурные различия состоят в том, что для американской периодики точное указание источника информации более характерно: *In one famous paper, economists Alan Krueger and David Card compared fast-food employment...* ; *According to data from the Economic Policy Institute...* ; *“Grammar is credibility,” says Amanda Sturgill, an associate professor of communications.*

Второй причиной обращения к чужому мнению и, соответственно, чужому варианту решения обсуждаемой проблемы является желание автора

статьи показать их несостоятельность. В данном случае подчеркивается, что мнение некоторой группы не совпадает с собственным мнением автора: *It's an interesting point, but...*. При этом автор эксплицирует коллективного субъекта мнения: *Увы, многие артисты о музыкальной составляющей думают в последнюю очередь; The Justice and Education departments declared that... ; Not so for younger generations, who've had the dubious benefit all their lives of spelling and grammar checkers...*. В то же время, для белорусских изданий характерны и более абстрактные формулировки (*Некоторые специалисты считают... ; Некоторые эксперты предлагают... ; Часто говорят... ; Считается...*), тогда как в американской периодике приводится более конкретная информация о расстановке «противоборствующих сил»: *Unfortunately, we are hearing a doomsday scenario from the opposition about boarded-up storefronts, high unemployment and loss of potential business coming here. But we hear these predictions every time any progressive legislation is proposed. The doomsayers care about hanging on to the status quo and cultural norms that are built on a shaky foundation of disparity and lack of progress.* Объединяет приводимые примеры тот факт, что в них акцент делается на противопоставлении двух точек зрения – «состоятельной» и «несостоятельной».

Таким образом, настоящее исследование, проведенное на материале американской и белорусской периодики, демонстрирует специфику репрезентации категории интерактивности в двух медиажанрах – письмо-отклик и дискуссия (спор). В результате процессов, происходящих в современной медиасреде, письма в редакцию, будучи достаточно «консервативным» жанром, тем не менее претерпели изменения и получили свое воплощение в многообразии форм – от короткого смс-сообщения до развернутого комментария на сайте периодического издания. При этом для обеих исследуемых лингвокультур характерно активное участие читателей газеты в обсуждении актуальных проблем современности, экспликация собственной точки зрения, обмен мнениями, однако американские читатели предпочитают спорить с конкретным человеком (автором публикации), тогда как для белорусских читателей важен сам факт участия в общем обсуждении. В свою очередь, гибридный жанр «дискуссия», ставший альтернативой традиционной аналитической статье, представлен в двух лингвокультурах в форме нескольких самостоятельных публикаций, объединенных общим заголовком и темой обсуждения. Высказывая мнения, авторы статей выступают в роли экспертов в той или иной предметной области и участвуют в своего рода виртуальном споре. Помимо апелляции к собственному мнению жанр «дискуссия» подразумевает обращение к чужой точке зрения с целью поддержки авторской позиции или, напротив, с целью противопоставления разных точек зрения, приведения контраргументов. Как и в письмах-откликах, в статьях из американской периодики чаще конкретизируется источник информации и указывается субъект мнения, тогда как для публикаций из белорусских периодических изданий характерны обобщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельник, Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – 2012. – Вып. 1. – С. 27–29.
2. Волкова, А. А. Медиатекст в условиях конвергенции / А. А. Волкова // Журналистский ежегодник. – 2013. – Вып. 2–2. – С. 26–28.
3. Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
4. Дмитровский, А. Л. Жанры журналистики / А. Л. Дмитровский // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманит. и социальные науки. – 2014. – Вып. 4. – С. 149–158.
5. Карпилович, Т. П. Жанры медиадискурса в контрастивном освещении / Т. П. Карпилович // Контрастивные исследования языков и культур : материалы Междунар. круглого стола, Минск, 29–30 окт. 2012 г. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 23–31.
6. Сысоева, Т. А. Ключевые концепты как параметр сопоставления текстовых жанров (на материале американской и белорусской периодики) / Т. А. Сысоева // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 2. – С. 112–119.
7. Сысоева, Т. А. Семантическая структура и концептуальные доминанты писем-откликов в редакцию газеты / Т. А. Сысоева // Медиатекст и культура : под ред. Т. П. Карпилович. – Минск, 2015. – С. 35–41.
8. Гранева, И. Ю. Местоимение «мы» в языковой картине мира / И. Ю. Гранева // Проблемы языковой картины мира на современном этапе : сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых, 14–15 марта 2007 г. / редкол.: Е. А. Гутина (отв. ред.) [и др.]. – Н. Новгород, 2007. – Вып. 6. – С. 75–80.

The paper considers verbal markers of interactivity in letters to the editor and opinion articles from American and Belarusian printed editions. While there are some common principles of author – reader interaction, such as active participation in problem discussion and opinion exchange, the two genres demonstrate certain linguistic-cultural peculiarities.

И. В. Дмитриева

ВИДЫ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Статья представляет диахронический анализ, в результате которого были выявлены изменения в способах вербализации содержательно-фактуальной информации и проявления других видов информации, ранее не отмеченных в текстах учебных изданий по грамматике английского языка. Описываются основные тенденции в реализации структурных, синтаксических, семантических и коммуникативных характеристик предложения и текста. Показаны проявления содержательно-концептуальных и содержательно-подтекстовых видов информации в учебных текстах.

В большинстве имеющихся классификаций тексты учебных изданий рассматриваются как некая периферийная область научных текстов, «научно-учебные тексты», как например, в монографии Т. В. Дроздовой [1]. При этом они сами составляют весьма неоднородное множество и образуют систему типов, обладающих общими и дистинктивными характеристиками. В представляемом исследовании объектом анализа стали тексты отечественных и аутентичных учебных изданий по грамматике английского языка, опубликованные в период с 1964 по 2012 гг.

Изучение текстов различных типов может вестись по разным основаниям, но наиболее объективные результаты дает анализ того, как проявляются в них основные текстовые категории, поскольку последние «отражают его наиболее общие и существенные признаки и представляют собой ступени в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков» [2, с. 80].

Одной из универсальных категорий текста является информация, или информативность, которая связана с тем, что текст обладает способностью нести в себе знания о внеязыковой и языковой, реальной или мыслимой действительности, передавать некое сообщение. Понятие текстовой информации очень широко, и это приводит к выделению разнообразных видов информации. В качестве исходных можно рассматривать три вида текстовой информации, которые были выделены И. Р. Гальпериным в результате анализа видов информации в официально-деловых, газетных, художественных и других текстах [3]. Содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информации различаются по своему прагматическому назначению и способам вербализации, точнее, по способам соотнесения плана содержания и плана выражения конкретного вида текстовой информации. В определении автора содержательно-фактуальная информация всегда выражена вербально, она составляет предметно-логический компонент текста, который отражает фрагмент действительного или возможного мира. Содержательно-концептуальная информация не имеет жестко закрепленных языковых средств выражения, она извлекается из всего текста и представляет собой результат мыслительной деятельности адресата, который творчески переосмысливает содержательно-фактуальную информацию. Содержательно-подтекстовая информация – это скрытая факультативная информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложения, включенного в состав сверхфразового единства и текста, приращивать смыслы [3, с. 27–28]. Таким образом, языковой вербализованной данностью является содержательно-фактуальная информация, компоненты которой служат для выявления содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации.

Проявления этих видов информации в текстах учебных изданий связаны, прежде всего, с прагматическим назначением и сферой функционирования научно-учебных текстов. Функциональное предназначение научно-

учебного текста состоит в том, что он выступает как средство хранения, передачи и развития научных знаний в специфической коммуникативной ситуации трансфера знаний. Коммуникативная ситуация трансфера знаний является частным случаем ситуации информирования, ее своеобразие заключается в характеристиках участников ситуации (адресант и адресат), носителях информации и самой информации. Информационная насыщенность научно-учебного текста, его содержание, соотносящееся с какой-либо определенной областью знания (для обсуждаемых текстов – с грамматикой английского языка), способы представления объектов и данных этой науки и т.п. – все это определяет специфику реализации в нем такой категории, как информативность. Первоочередная задача текстов учебных изданий – это передача знаний в доступной и адекватной условиям академической коммуникации форме. Доступность, предметно-логичная однозначность, эксплицитность – это обязательные характеристики текстов учебных изданий и в этом смысле доминанта эксплицитной содержательно-фактуальной информации в научно-учебных текстах является вполне ожидаемой.

Содержательно-фактуальная информация несет сведения о каких-либо научных фактах и явлениях, подтверждающих их, о возможных способах решения проблемных вопросов, гипотезах и т.п. Учебные издания, составившие объект исследования, предназначены для изучения практической языковой дисциплины, и большая их часть опирается на классические дескриптивные и прескриптивные грамматики, что отражается в нормативном подходе к обучению грамматике английского языка. Они предполагают представление информации как научно-доказанного факта, что в языковом плане соотносится с дефиниционными монологическими текстами. Например: *The present perfect is formed analytically by means of the auxiliary **to have** in the present indefinite and participle II of the notional verb* [4, с. 34]. Объективная модальность достаточно часто дополняется конкретизаторами, которые смягчают категоричность утверждения и указывают на возможный или вариативный характер грамматического правила. Например: *We do not usually put adverbs between a verb and its object* [5, с. 48] или *For most countable nouns the plural form has -s at the end, which distinguishes it from the singular form* [6, р. 37]. При этом авторы аутентичных учебных изданий могут позволить себе не объяснять причину того или иного грамматического употребления, поскольку они являются носителями языка, и, как следствие, их знания эталонны для изучающих английский язык неносителей языка. В советских учебных изданиях авторы могут прибегать к аргументации грамматического правила, например: *As the English language has very few suffixes forming relative adjectives, it freely uses adjectivized nouns to indicate that the object denoted by the noun is characterized through its relation to another object* [7, с. 44]. Как видно, авторы поясняют причины некоторых грамматических явлений, что отличает их способ представления содержательно-фактуальной информации от принятого авторами-носителями языка. Кроме того, такой тип изложения, вероятно, связан и с иными лингводидакти-

ческими подходами – изучающий иностранную грамматику на профессионально-педагогическом уровне должен не только знать, но и понимать языковые основания, лингвистическую суть обсуждаемого грамматического явления.

Диахронический обзор советских и постсоветских учебных изданий показал существенные изменения в способах вербализации содержательно-фактуальной информации. Наиболее ярко это проявляется в структурно-синтаксической организации текста в целом и входящих в него предложений. Проанализированные современные научно-учебные тексты характеризуются меньшей длиной предложения, тенденцией замещать полипропозитивные полипредикативные структуры монопредикативными. Сравним, *The basic pattern of a simple sentence in English is one subject-predicate unit, that is, it has two main (principal) positions: those of the subject and of the predicate* (1999 г.) [4, с. 297] и *The clause is the core unit of grammar. It consists of two parts: a subject and a predicate* (2012 г.) [8, с. 9]. Полипредикативные структуры объединяются подчинительной или сочинительной синтаксической связью. Как показала симптоматическая выборка, первая из них становится более частотной с преобладанием причинно-следственной логической связи. Грамматическое «правило» поддерживается аргументацией, объяснением лингвистических причин его существования и, хотя и не частотно, но системно – апелляцией к авторитету и статусу аутентичных грамматик и носителей языка в целом: *native speakers, English grammars, English grammar books, Longman Grammar* и т.п. Последнее также маркирует определенные изменения в репрезентации участников ситуации трансфера знания и источников информации. Если в более ранних изданиях адресант (= автор текста) практически отождествлялся с источником информации (не считая «Списка использованной литературы» в конце учебного издания), то в современных научно-учебных текстах адресант и источник информации все более часто предстают как разные участники процесса трансфера знаний, что, в свою очередь, повышает степень авторизации знания в научно-учебных текстах. В качестве еще одного отличия выступает использование пространственно-структурной организации текста для маркирования элементов коммуникативной тема-рематической структуры предложения. Информативно-коммуникативные части предложения последовательно разносятся по разным строкам, формируя списки из рематических составляющих предложения.

В учебных текстах интересно преломляется утверждение И. Р. Гальперина о том, что информативность текста «может проявляться в разных формах – от нулевой, когда содержание текста не дает ничего нового, а лишь повторяет уже известное, до концептуальной, когда для ее выявления необходимо подвергнуть текст скрупулезному анализу» [3, с. 29].

Содержательно-фактуальная информация текста учебного издания имеет существенно отличающиеся свойства по отношению к участникам коммуникативной ситуации передачи знания. С одной стороны, учебный текст является презентацией знания, уже имеющегося в рамках той или иной

профессионально-деятельностной сферы, и для адресанта его информативность может быть оценена как стремящаяся к нулевой. С другой стороны, для адресата содержательно-фактуальная информация учебного издания предстает неразрывно связанной с содержательно-концептуальной информацией. Учебный текст вербализирует результаты познания в определенной профессионально-деятельностной сфере, знания, которые могут быть получены на базе восприятия и понимания этого текста в некотором коммуникативном фрагменте образовательного процесса. От адресата потребуется не только восприятие и понимание, но и интерпретация предъявляемой текстовой информации. Процессуально можно говорить о формировании так называемого разделенного знания, которое представляет некую «общую область интересов или область референции для коммуникантов» и возникает у них «по мере развития дискурса» [1, с. 76]; здесь – у адресата по мере усвоения им содержательного компонента изучаемой учебной дисциплины.

При этом можно отметить связь проявления лингвистических характеристик категории информации с дидактическими задачами учебного издания, что придает определенную специфику тексту, включенному в сферу академического дискурса. Такой текст может быть предназначен не только для предъявления и передачи имеющегося знания, но и для формирования собственного знания, когда студент создает так называемую выводную информацию.

Способ, которым происходит передача информации, определяется, с одной стороны, имеющимися в арсенале знаковыми и коммуникационными системами, с другой стороны – целеустановкой автора, характеристиками участников коммуникативной ситуации, условиями коммуникации. В этом плане интерес представляют изменения в структурировании текстов неаутентичных учебных изданий. Небольшой диахронический обзор, от издания 60-х годов XX века до издания 2012 года, показывает изменения в «величине шага», т.е. протяженности структурных разделов: они становятся существенно более краткими. Такое структурирование характерно и для аутентичных изданий. Также обращает на себя внимание возрастающее нарушение линейности текста, когда в основную линию повествования встраиваются другие микротексты, которые можно определить как малоформатные модульные тексты. Последние часто имеют характеристики кадрированных текстов, так как визуально отделены от основного текста рамкой или каким-либо иным выделением.

Анализ встроенных малоформатных текстов в издании 2012 года [4] показал еще одно отличие, связанное именно с типами информации в текстах учебных изданий. Их содержание позволяет говорить о появлении в данном типе текстов содержательно-подтекстовой информации, что, строго говоря, в текстах учебных изданий не предполагается, поскольку их целевая установка – прямое и прозрачное изложение информации. Последнее характерно для текстов учебных изданий по практической грамматике, которые представляют нормативный, системно-категориальный, парадигматический

подход к обучению грамматике. Но издание 2012 года является учебным пособием по функциональной грамматике и пытается не только своим прямым содержанием (содержательно-фактуальная информация), но и различными приемами показать реализацию принципов функциональности. Следовательно, в данном случае можно говорить о присутствии в нем содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. Текст учебного издания содержит стихотворения, высказывания выдающихся людей, пословицы и поговорки, которые не встраиваются в основную линию коммуникативного развертывания текста, но являются кадрированными микротекстами сами по себе, например: *Happiness is a how, not a what. A talent, not an object* (Н. Hesse) [8, с. 68]. Такие вставки служат не просто иллюстрацией грамматического правила, примерами использования обсуждаемых грамматических структур; их включение в соответствующие разделы закладывает элементы содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. Грамматика предстает не как определенный свод правил, а как механизм, с помощью которого можно передавать разные смыслы.

Взаимодействие плана содержания и плана выражения текста реализуется в рамках ориентации «на выполнение какой-то заранее намеченной цели сообщения» [3, с. 16], т.е. имеет функциональную направленность. Встроенные малоформатные тексты явно имеют свою отдельную функцию. Не представляя эксплицитно и научно информацию о грамматическом строе английского языка, путем активизации ассоциативных связей они способствуют созданию новых информационных пластов содержательно-концептуальной и содержательно подтекстовой информации. В лингводидактическом плане это способствует формированию личностного отношения и осознанного восприятия принципов функционирования грамматических явлений в английском языке. Показательным в этом смысле является стихотворение об английском языке, встроенное в раздел о категории числа английского существительного.

We'll begin with *box* and the plural is *boxes*,
But the plural of *ox* should be *oxen*, not *oxes*.
The one fowl is a *goose*, but two are called *geese*,
Yet the plural of *moose* should never be *meese*. <...>
If the plural of *man* is always called *men*,
Why shouldn't the plural of *pan* be called *pen*? <...>
So English, I think you all will agree,
Is the greatest language you ever did see [8, с. 56].

Таким образом, проведенное исследование позволяет отметить изменения в способах вербализации содержательно-фактуальной информации, которые затрагивают структурные, синтаксические, семантические и коммуникативные характеристики предложения и текста в целом, а также проявления новых видов информации в научно-учебных текстах по грамматике английского языка. Полученные данные, с одной стороны, расши-

ряют наши представления о характеристиках научно-учебных текстов, а с другой, могут быть использованы при разработке учебных изданий нового поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздова, Т. В. Проблемы понимания научного текста / Т. В. Дроздова. – Астрахань : Изд-во Астрахан. гос. техн. ун-та, 2003 – 224 с.
2. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
4. Кобрин, Н. А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов и ун-тов по специальности № 2103 «Иностр. яз.» / Н. А. Кобрин [и др.]. – СПб. : СОЮЗ, 1999. – 496 с.
5. Суон, М. Английский язык в современном употреблении : учеб. пособие / М. Суон. – М. : Высш. шк., 1984. – 552 с.
6. Collins Cobuild : English Grammar [Electronic resource]. – 3rd ed. – HarperCollins Publ., 2011. – Mode of access : <http://www.collinslanguage.com>. – Date of access : 30.05.2016.
7. Ганишина, М. А. Практическая грамматика английского языка / М. А. Ганишина, Н. М. Василевская. – 9-е изд. – М. : Высш. шк., 1964. – 547 с.
8. Петрашкевич, Н. П. Функциональная грамматика английского языка : учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Современные иностр. яз.» / Н. П. Петрашкевич, Л. А. Шелег, И. В. Дмитриева. – Минск : Лексис, 2012. – 264 с.

Diachronical analysis of textbooks on English Grammar (1964–2012) served to reveal some alterations in verbal representation of factual information as well as some new types of information. It is argued that text information is enriched by conceptual and implicit types.

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

О. А. Артёмова

ДЕЙКТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются ядерные английские и белорусские дейктические глаголы перемещения как средства выражения пространственного дейксиса – одной из основополагающих категорий языковой коммуникации, анализируются особенности их семантики и функционирования как дейктических маркеров, обеспечивающих пространственную локализацию участников коммуникативного акта.

Дейктичность как фундаментальная категория обнаруживает непосредственную глубинную связь с человеком, его психологическими характеристиками, речевой компетенцией, фоновыми знаниями. Дейксисом принято называть функцию, соотносящую высказывание с пространственно-временными координатами коммуникативного акта и выражающуюся лексическими единицами, интерпретация значения которых осуществляется относительно основных координат речевого акта, его участников (персональный дейксис), временных (темпоральный дейксис) и пространственных (пространственный дейксис) параметров ситуации общения.

Пространственный дейксис – указание на локацию объекта или ситуации относительно дейктического центра речевого акта. Локация может пониматься как отдельно взятая точка – место, или как ее передвижение – перемещение. Ситуация перемещения предполагает, что субъект изменяет свое местоположение. В научных трудах перемещение трактуется как многоаспектный феномен с одновременным сосуществованием множества функционально значимых характеристик и отношений (скорость, расстояние до объекта и т.п.). Например, Р. Лангакер, интерпретируя понятие перемещения, апеллирует к двум компонентам: движущийся субъект – «траектор» (Trajector – Tr) и точка отсчета «траектора» – ориентир (Landmark – Lm) [1]. Когнитологи Р. Дирвен и М. Верспур рассматривают движение как трехкомпонентную процессуальную схему с указанием места начала процесса (источник – source), место, где он протекает (путь – path) и куда он направлен (цель – goal) [2, p. 98]. Д. И. Слобин трактует движение как событийную рамку (motion – event), которая состоит из четырех компонентов: субъект перемещения (figure), перемещение (motion), способ (manner), траектория (path), цель или конечный пункт перемещения (goal): *John ran into the room* ‘Джон вбежал к комнату’, где *Джон* – это фигура, *вбежал* – движение + способ, *в* – трасса, *комнату* – цель [3]. Другие критерии использует Л. Талми. Исследователь рассматривает движение в терминах фигуры (Figure) и фона (Ground). Фигура – это первичный объект, который характе-

ризуется значительной мобильностью, меньшим размером, простой формой и выделенностью (*saliency*). Фон – это вторичный объект, который характеризуется постоянным местонахождением, большим размером, сложной геометрической формой. Фигура имеет динамическую природу, а фон статическую [4, p. 184]. Сам процесс движения включает до восьми компонентов: 1) фигура (*Figure*), 2) фон или ориентир (*Ground*), 3) путь движения (*Path*), 4) движение (*Motion*), 5) способ перемещения (*Manner*), 6) причина движения (*Cause*), 7) среда (*Circumstance*), 8) конечное состояние (*Resulting State*). Согласно Л. Талми, эти параметры описывают любую ситуацию движения, но с разной степенью актуализируются и по-разному выражаются в конкретных глагольных лексемах различных языков.

Одним из основных компонентов перемещения является его направление. При анализе языкового материала исследователи Ф. Бурден [5], Й. Икегами [6], Ч. Филлмор [7] обратили внимание на асимметрию направления движения. В их работах она получила название *goal-bias* ‘уклон в сторону конечного пункта’ или *goal-over-source principle* ‘принцип преимущества цели над источником движения’. Данная неравнозначность может быть обусловлена двумя причинами. Во-первых, конечный пункт движения оказывается коммуникативно более важным, чем исходный [8]. Говорящему всегда важнее сообщить о том, куда перемещается субъект, поскольку начальный пункт перемещения известен или легко восстанавливается из контекста методом логического вывода [9, p. 122]. Во-вторых, подобная асимметрия обусловлена природой человека, чьи органы зрительной перцепции направлены вперед: человек движется туда, куда смотрит, и не может контролировать то, что находится у него за спиной. Именно поэтому Д. Лайонз предполагает, что конечный пункт движения как цель воспринимается говорящим положительно, а начальный пункт – отрицательно [Там же, p. 695].

В зависимости от ориентированности семантики на начальную или конечную точку движения выделяют два типа глаголов: *source-oriented* ‘ориентированные на начальную точку движения’ – «глаголы прибытия» и *goal-oriented* ‘ориентированные на конечную точку движения’ – «глаголы удаления» [7]. Эти две семантические валентности являются важнейшими для ядерных дейктических глаголов перемещения англ. *go*, *come* и белорус. *ісці*, *прыйсці*, о чем свидетельствуют их словарные дефиниции:

1) *go*: *to move or proceed, to or from a point or in a certain direction* [10] ‘двигаться или перемещаться к или из некоторой точки или в некотором направлении’;

2) *come*: *to move or travel towards the speaker or with the speaker, to move or travel in the direction of the person being spoken to* ‘перемещаться по направлению к говорящему или с говорящим, перемещаться по направлению к адресату’ [Там же];

3) *ісці*: а) передвигаться, ступая ногами; б) перемещаться, двигаться [11];

4) *прыйсці* – достичь чего-нибудь, появиться где-нибудь [Там же].

Как следует из словарных дефиниций, особенностью данных глаголов является обобщенное обозначение движения с указанием на направление к говорящему (*come, прыйсці*) и от говорящего (*go, ісці*). По мнению Е. Л. Ерзинкян, английские глаголы *come* и *go* создают дейктическую оппозицию, где маркированным членом выступает лексема *come* с выделенным семантическим компонентом 'приближение к говорящему', которая может быть интерпретирована через немаркированный член оппозиции *go*: *come = go + direction towards the speaker* [12].

Глаголы *go* в английском языке и *ісці* в белорусском языке являются центральными глагольными лексемами для обозначения перемещения в пространстве, поскольку имеют в своем семантическом толковании начальную и конечную точку перемещения, что обуславливает их употребление в ситуациях, где направление нерелевантно, как в следующих контекстах: *Bosch just looked at her, giving no indication of approval or disapproval of her plan. "Can we go now?"* (М. Connelly. «City Of Bones») [НКРЯ] 'Босх бесстрастно взглянул на нее: – Теперь мы можем **идти**?'; *Час ісці, – нарэшыце выдыхнуў тэўтон, пераклаў нож з правай рукі ў левую і шырока перахрысціўся* (Л. Дайнека. «Меч князя Вячкі») [НКРЯ]. По мнению К. Танц, эта особенность семантики глагола *go* позволяет объяснить те случаи, в которых данная лексема может включать движение к говорящему/слушающему и от говорящего/слушающего одновременно: *The people were going in and out*, в то время как **The people were coming in and out* недопустимо [13, p. 123].

Широкая семантика глаголов *go* и *ісці* также обуславливает их высокую частотность по сравнению с маркированными *come* и *прыйсці*, что, согласно исследователям И. Кларк и О. Гарник, связано с условиями употребления этих глагольных лексем: *come* – положительный член оппозиции, когда «говорящий или слушающий находится в конечном пункте (*at the goal*) в момент речи или в момент времени, описанный в высказывании, в отличие от *go* – отрицательного члена оппозиции, когда говорящий не находится там в это время» [14, p. 560].

По мнению Ч. Филлмора, глагол *go* помещает наблюдателя в начальную точку траектории движения [7], а сам глагол, как полагает исследователь К. Годдар, больше сосредоточен на движении удаления от наблюдателя, чем приближения к нему [15, p. 152]. В отличие от английского глагола *go* белорусская лексема *ісці* не фиксирует в своей семантике положения наблюдателя и при отсутствии показателя исходной или конечной точки траектории движения совместима с любой из них. Поскольку позиция наблюдателя у глагола *ісці* не закреплена в его семантической структуре, она может быть представлена следующими вариантами [16, с. 128].

1. Если при глаголе *ісці* отсутствуют фиксирующие крайние точки предложные группы, то наблюдатель может находиться в любой из этих крайних точек или в середине: *«Ох і задам жа я ёй потым», – падумаў дзед Іван, а ўголос сказаў: – Ну, дык ідзі хутчэй. І Таня пабегла* (В. Зуб. «Таямнічы

надпіс») [НКРЯ] (наблюдатель в исходной точке); *Ай! нехта ідзе. Ён, ён, напэўна ён!* (Я. Купала. «Паўлінка») (наблюдатель в конечной точке траектории).

2. Если у *ісці* заполнена валентность конечной точки, то наблюдатель может находиться в исходной точке: – *Ідзіце адсюль, людзі, ідзіце да мяне ў шалаш, у Задзвінне* (У. Караткевіч. «Званы Віцебска») (наблюдатель в начальной точке).

3. Если заполнена валентность исходной точки, то наблюдатель может находиться в конечной точке: *Ладны дом, спакой у хаце, ад пячы ідзе цяпло, ціхі сон твайго дзіцяці, мужа моцнае плячо* [17] (наблюдатель в конечной точке).

4. Если заполнены обе валентности, наблюдатель склонен расположиться посредине траектории: *«Дзе я іх бачыў? Ага, ля Бяздоннага возера пад Слонімам і яшчэ... і яшчэ ля сцежкі, якой ішоў з Замшан у Цёмны Бор* (У. Караткевіч. «Чорны замак Альшанскі») [НКРЯ].

Широкая семантика глагола *ісці*, представленная в лексикографических источниках, позволяет использовать его с объектами, обозначающими виды транспорта: *Па суботах аўтобус ідзе з Докшыц праз Дзядкі на Макаравічы, а з Сітцаў ідзе на Гарадзішча і толькі тады вяртаецца ў Докшыцы* [18]. По мнению Е. В. Рахилиной, такое употребление становится возможным при восприятии наблюдаемого перемещения как произвольного (non-arbitrary) и ориентированного на конечную точку (goal-oriented) [19, p. 7]. При этом маршрут перемещения обычно считается фиксированным, и конечная точка данного перемещения выражается в контексте или формальными показателями, например, предложной группой [Там же, p. 7]: *Цягнік ідзе ў Віцебск*. Напротив, для обозначения неконтролируемого перемещения с видами транспорта, маршрут которого не фиксирован, употребляется глагол *ехаць* [20; 19, p. 7–8]: – *Дзевушка, а праўда гэты аўтобус едзе ў Чыжоўку? – стомлена і вырачана, як да апошняга паратунку на ўжо вызначаным шляху, вяртаецца да мяне дзядзечка, плюгаваценькі і ў сцельку п'яны* [21]; *Схема адна: пратакол допыту, ордэр на вобыск, які праводзіць лейтэнант. Яго старэйшы калега ў гэты час у машыне праз тэлефонную трубку наводзіць патрэбныя спраўкі аб іншай машыне (марка, прыватная, колеру суніцаў з малаком, едзе па вуліцы імя Пілата, вадзіцель такі і гэтакі)* (У. Караткевіч. «Чорны замак Альшанскі») [НКРЯ].

Использование глагола *ісці* с неодушевленными объектами обуславливается функциональной значимостью объекта и степенью определенности его траектории движения: идут те объекты, чьи маршрут и цель определены, конечная точка стремится быть заполненной для маркирования приближения: *Вялікая хмара ідзе на Мінск з паўночнага захаду* [22]. Объекты, которые движутся сами по себе, без заранее известной траектории подразумевают использование специфических глаголов перемещения: *Метэоры, каметы ляцяць! Сутыкаюцца і паміраюць!* [23].

Глаголы *come* и *прыйсці*, содержащие указание на локацию говорящего, фиксируют положение наблюдателя в конечном пункте траектории движения. Но, несмотря на кажущуюся полную эквивалентность, между *come* и *прыйсці* обнаруживается целый ряд различий. Для *come* прямое указание места означает присутствие в нем наблюдателя-говорящего, который должен находиться в конечной точке: “*See, they carry green branches. They are coming to surrender most likely*” – Смотрите, они машут зелеными ветвями. Похоже, они **пришли** сдаваться’ (C. S. Lewis. «The Chronicles of Narnia. Prince Caspian») [НКРЯ] (наблюдатель-говорящий присутствует на этом месте). В семантике глагола *прыйсці*, обозначающем запланированное перемещение, актуализируется не столько перемещение, сколько конечное состояние: – *Да вас прыйшоў я, Пярун і Дажджабог* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [НКРЯ]. Фокус на конечном состоянии делает невозможным употребление глагола *прыйсці* для действия, происходящего в момент речи: **Глядзі, ён прыходзіць дадому*. В то же время широкая семантика *ісці* делает возможными высказывания типа *Глядзі, ён ідзе* (=собирается) *дадому*. По мнению Е. В. Падучевой, это связано с тем, что «в семантику глагола *прыіти* входит наблюдатель. Он фигурирует в стативном компоненте, поэтому происходит смещение семантического акцента на состояние, динамический компонент оказывается не в фокусе и поэтому не может составить действие для оператора имперфектации» [16, с. 136].

Таким образом, действительные глаголы *come*, *go* и *ісці*, *прыйсці* участвуют в пространственной организации высказывания и регулируют взаимодействие между участниками в процессе коммуникации. При сходстве их значений данные глагольные дейктики имеют свои особенности семантики и функционирования. Так, глагол *go* обозначает движение удаления от наблюдателя-говорящего, в то время как *ісці* не фиксирует в своей семантике положения наблюдателя и при отсутствии показателя исходной или конечной точки траектории движения совместим с любой из них. Глаголы *прыйсці* и *come* фиксируют положение наблюдателя-говорящего в конечном пункте траектории движения. Однако глагол *come* характеризуется обязательным наличием в его семантике встроенного наблюдателя-говорящего, находящегося в конечной точке, в отличие от белорусского *прыйсці*, где эта особенность факультативна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Langacker, R. W. Mouvement abstrait / R. W. Langacker // Lang. Fr. – 1987. – Vol. 76. – P. 59–76.*
2. *Dirven, R. Cognitive Exploration of Language and Linguistics / R. Dirven, M. Verspoor. – Philadelphia : J. Benjamins Co, 1998. – 277 p.*
3. *Slobin, D. I. Linguistic Representations of Motion Events : What is Signifier and What is Signified / D. Slobin // Outside-in, Inside-out : Iconicity in Language and Literature 4 / C. Maedor [et al.]. – Amsterdam, 2005. – P. 307–322.*

4. *Talmy, L.* Toward a Cognitive Semantics : in 2 vol. / L. Talmy. – Cambridge : MIT Press, 2000. – Vol 2 : Toward a Cognitive Semantics : Typology and Process in Concept Structuring. – 482 p.
5. *Bourdin, Ph.* On Goal-Bias Across Languages: Modal, Configurational and Orientational Parameters / Ph. Bourdin // LP'96 : Typology–Prototypes, Item Orderings and Universals : proc. of the conf., Prague, 20–22 Aug., 1996 / Charles Univ. Press ; ed. B. Palek. – Prague, 1997. – P. 185–218.
6. *Ikegami, Y.* «Source» vs «Goal» : a Case of Linguistic Dissymmetry / Y. Ikegami // Concepts of Case / ed.: R. Dirven, G. Radden. – Tübingen, 1987. – P. 122–146.
7. *Fillmore, Ch. J.* Deictic Categories in the Semantics of «Come» / Ch. J. Fillmore // Intern. J. of Language a. Philosophy. – 1966. – Vol. 2, № 3. – P. 219–227.
8. *Майсак, Т. А.* Семантика и статика : глагол идти на фоне других глаголов движения // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна» ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна, 1999. – С. 53–66.
9. *Lyons, J.* Semantics : in 2 vol. / J. Lyons. – London : Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.
10. Cambridge English Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access : dictionary.cambridge.org/dictionary/english. – Date of access : 10.03.2016.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://rv-blr.com/dictionary/explanatory?letter=2>. – Дата доступу : 15.04.2016.
12. *Ерзинкян, Е. Л.* Фактор адресата в дейктическом обозначении [Электронный ресурс] / Е. Л. Ерзинкян. – Режим доступа : http://publications.yasu.am/wp-content/uploads/2015/02/Erzinkyan_Y..pdf. – Дата доступа : 10.10.2015.
13. *Tanz, Ch.* Studies in the acquisition of deictic terms / Ch. Tanz. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980. – 184 p.
14. *Clark, E. V.* Is He Coming or Going? On the Acquisition of Deictic Verbs [Electronic resource] / E. V. Clark, O. K. Garnica // J. of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1974. – № 13. – P. 559–572. – Date of access : 10.05.2016.
15. *Goddard, C.* The semantics of coming and going / C. Goddard // Pragmatics 7.2. – 1997. – P. 147–162.
16. *Падучева, Е. В.* Дейктические компоненты в семантике глаголов движения / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Семантика начала и конца : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2002. – С. 121–136.
17. *Клышка, А.* Роднае [Электронны рэсурс] / А. Клышка. – Рэжым доступу : <http://pdf.kamunikat.org/15477-1.pdf>. – Дата доступу : 24.09.2015.
18. Рушыцца ўсё, прападае край. Нататкі Кастуся Шыталя з кароткай дарогі [Электронны рэсурс] // Весткі.інфо. – Рэжым доступу : <http://westki.info/artykuly/20188/rushycca-usyo-prapadae-kрай-natatki-kastusya-shyalya-z-karotkay-darogi>. – Дата доступу : 3.04.2016.

19. Rakhilina, E. V. There and back: the case of Russian 'go' [Electronic resource] / E. V. Rakhilina. – Mode of access : /<https://slaviccenters.duke.edu/.../5rakhilina.origin>. – Date of access : 23.04.2016.
20. Рахилина, Е. В. Мы едем, едем, едем [Электронный ресурс] / Е. В. Рахилина. – Режим доступа : www.rakhilina.ru/files/exat.pdf. – Дата доступа : 20.04.2016.
21. Куды ідзе 59-ы аўтобус? [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://wroblewska.livejournal.com/7070.html>? – Дата доступу: 10.03.2016.
22. Надвор'е [Электронны рэсурс] // Наша ніва. – Рэжым доступу : <http://nn.by/?c=ar&i=131814>. – Дата доступу : 01.04.2016.
23. Факторан, А. Сьвет / А. Факторан. – Рэжым доступу : <https://www.stihi.ru/2009/09/19/7136>. – Дата доступу : 23.02.2016.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/search-para-be.html>. – Дата доступа : 12.12.2015.

The article deals with the English and Belarusian deictic verbs of motion as a means of expressing spatial deixis – one of the fundamental categories of language communication. The distinctive features of their semantics and functioning as the deictic markers which provide spatial localization of the participants of the communicative act have been analysed.

О. О. Графутко

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается понятие авторской позиции и один из лексических способов ее выражения в художественном дискурсе – оценочная глагольная лексика. Проведенное исследование показывает, что данная часть речи не является ведущей в передаче авторского отношения, однако обладает определенным прагматическим потенциалом. Выявлены три группы оценочных глаголов, различающихся характером выражения действия. Установлено, что оценочные глаголы в художественном дискурсе характеризуются константностью или переменностью аксиологического знака, что определяется на основе анализа контекста.

Дискурс попал под пристальное внимание лингвистов в конце XX – начале XXI века, что привело к настоящему «дискурсивному перевороту» [1, с. 15] в языкознании. Сегодня проводится огромное количество исследований, в центре внимания которых стоит этот сложный и многоплановый феномен.

В самых общих терминах дискурс можно считать процессом речепроизводства, восприятия и интерпретации информации с учетом ситуации общения [2, с. 19]. По мнению ряда ученых [2; 3; 4; 5], дискурс тесно связан с текстом, который является итогом, продуктом дискурсивной коммуникативной деятельности; он представляет собой завершенное, конечное, зафиксированное произведение, доступное получателю [3, с. 516; 5, р. 194]. Более того, по замечанию В. Е. Чернявской, дискурс реально существует только в текстах [4, с. 142], в их открытом множестве [Там же, с. 146]. Таким образом, в данной работе под дискурсом будут пониматься «текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую... упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [Там же, с. 147].

В зависимости от критерия, взятого за основу, возможно построение различных классификаций типов дискурса. Например, В. И. Карасик разграничивает персональный (лично ориентированный) и институциональный типы: в первый входят бытовой и бытийный (включающий художественные произведения), во второй – политический, религиозный, медицинский, научный и др. [6]. Р. Барт в своих работах ссылается на дискурс поэзии, прозы [7], научный [8] и исторический дискурс [9]. Н. Д. Арутюнова упоминает научный, практический (включающий деловую речь и обыденную) и поэтический дискурс [10].

Правомерность выделения художественного дискурса в отдельный тип состоит в следующем: во-первых, художественные произведения реализуют, помимо коммуникативной и воздействующей, также важнейшую эстетическую функцию [11] и, во-вторых, могут инкорпорировать элементы прочих стилей [12; 13, с. 77; 14].

Вслед за А. С. Гафаровой мы понимаем под художественным дискурсом «социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, энциклопедические знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств» [15].

По справедливому замечанию А. Ф. Ашимовой главным отличительным признаком художественного дискурса является присутствие индивидуального, авторского, субъективного начала [16], т.е. художественный текст является отражением авторской картины мира [17, с. 116; 18; 19; 20, с. 16]. Художественное произведение представляет собой индивидуально-авторский вариант концептуализации мира в силу того, что все аспекты текста – это результат авторского выбора (селекции) и сознательной комбинации выбранных элементов [20, с. 43].

В настоящей работе текстовое воплощение автора рассматривается через понятие *авторская позиция*. Учеными отмечается его нестрогая терминологическая

гичность, что и приводит к параллельному использованию большого числа синонимичных понятий, однако данный термин является наиболее объемным по содержанию и отвечает интересам широкого осмысления «коммуникативно-прагматической роли автора» в художественном произведении [2, с. 246–247; 21, л. 5].

В наиболее общих терминах авторская позиция может быть определена как «объективированное в тексте индивидуально-авторское понимание действительности» [21, л. 27], которое выражается «всей субъектной и внесубъектной организацией произведения» [22, с. 62]. Кроме того, позиция автора представляет собой «социально-оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям», выражающееся на лингвистическом уровне «в подчинении всех языковых средств основной коммуникативной установке, в их... целенаправленном использовании для усиления воздействия текста на читателя» [23, с. 3].

В структуре авторской позиции можно выделить ряд взаимосвязанных компонентов: авторская интенция, авторская оценка, авторская точка зрения [21, л. 28–29]. В настоящей работе внимание будет сосредоточено на рассмотрении авторской оценки, ведь система оценок является одной из форм проявления авторской индивидуальности [24, с. 54], а содержание текста представляет собой опосредованно соотнесенный с действительностью и преобразованный в соответствии с авторскими интенциями фрагмент авторской картины мира, выраженный в языковой форме и окрашенный индивидуально-авторской оценочностью и эмоциональностью [24, с. 343; 25, с. 11].

По определению Н. Д. Арутюновой, оценка представляет собой «особый когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [цит. по: 26, с. 25]. Будучи сложным явлением, оценка имеет особую структуру. В логике составляющими оценочного суждения считаются *субъект* оценки (кто оценивает), ее *предмет* (что оценивается), *характер* оценки (абсолютная или сравнительная) и ее *основание* (чувства или стандарты) [27, с. 21–31]. Е. М. Вольф использует для обозначения структуры оценки термин *модальная рамка*, в которую включены субъект оценки (эксплицитный или имплицитный), объект оценки и оценочное отношение (также называемое оценочным предикатом) [28, с. 12]. Помимо упомянутых компонентов, модальная рамка включает два имплицитных компонента – шкалу оценок и стереотипы [29].

Категория оценки может быть выражена на различных уровнях языковой системы. Положительное или отрицательное отношение может содержаться в отдельных оценочных аффиксах, отдельных лексемах, целых высказываниях или вытекать из последующего контекста [28, с. 6–7].

Наиболее очевидно категория оценки проявляется на лексическом уровне. Самыми эффективными средствами передачи оценки являются прилагательные и наречия [28, с. 6; 30; 31, с. 80], однако другие части речи

также могут выполнять эту функцию. Потому целью данного исследования является установление прагматического потенциала глагольной лексики в художественном дискурсе на английском и русском языках.

Методом сплошной выборки из романов «Bone Gap» Л. Руби [32] и «Охота на василиска» А. Жвалевского и Е. Пастернак [33] было отобрано 329 и 352 оценочных единицы соответственно, содержащихся в авторской речи и всесторонне описывающих героев, их поведение и поступки.

Оценочность и знак оценки устанавливались путем обращения к словарной дефиниции. Отобранная единица признавалась оценочной, если включала собственно оценочный компонент *good/хороший, bad/плохой (disgusting ‘very bad or shocking’ (MD); дрянь ‘что-л. плохое, скверное, очень низкого качества’ (TCE))* или дескриптивно-оценочный компонент (*predicament ‘a difficult, unpleasant, or embarrassing situation’ (OD); красивый ‘доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный’ (TCO))*). При необходимости проводилось семантическое развертывание членов толкования. Кроме того, для выявления знака оценки использовалась система словарных помет: *бубнить – (разг. неод.) ‘говорить быстро и монотонно, неразборчиво’ (TCO)*.

В англоязычной выборке оценочные глаголы составили 22,8 %, являясь вторым по частотности лексическим средством передачи оценочного отношения, а в русскоязычной – 23,3 %, расположившись на третьем месте. Как показывают данные, степень употребительности глагольной лексики для выражения авторской оценки сопоставима в произведениях на обоих исследуемых языках.

Каждая из отобранных лексических единиц может быть расположена на оценочной шкале под знаком «плюс» или «минус». Определение знака оценки выполнялось с опорой на словарную дефиницию, а также с учетом контекста, социокультурных стереотипов и норм.

Среди глаголов на английском языке 88 % имели отрицательный знак, а 12 % – положительный. Русские глаголы показали куда большую разницу – 96 % передавали негативное отношение, и только 4 % – положительное. Причиной абсолютного преобладания лексем отрицательной оценки может быть тематика обоих романов, так как в них рассматривается ряд сложных вопросов, оцениваемых обществом как отрицательные: в англоязычном романе поднимаются проблемы похищения людей, физической и психологической инаковости, недоверия, брошенных детей; в русскоязычном произведении рассматриваются темы наркотиков, смерти, предательства, двуличности. Очевидно, что при описании ситуаций, связанных с данными проблемами, и антагонистов авторами дается их отрицательная оценка.

По мнению Г. Н. Кенжебалиной, оценочные глаголы можно классифицировать по ряду разнообразных критериев. Например, по *семантике* данная часть речи может быть разделена на следующие группы [34, с. 36–37], приведенные в таблице и проиллюстрированные примерами, отобранными из анализируемых произведений англоязычного и русскоязычного художественного дискурса.

Типы оценочных глаголов

Тип оценочного глагола	Пример	Определение
а) обозначает речевые действия	<i>бубнить</i> ⁻	(разг. неод.). <i>Говорить</i> быстро и монотонно (→об однообразном, скучном , не отличающемся переменами или разнообразием протекания чего-либо), неразборчиво (ТСО)
	<i>вещать</i> ⁻	(разг. ирон.) <i>Говорить</i> , не допуская возражений, но бездоказательно (ТСЕ)
	<i>разоряться</i> ⁻	(разг.-сниж.) <i>Говорить</i> с излишней горячностью, запальчиво ; браниться (ТСЕ)
	<i>to brag</i> ⁻ 'бахвалиться'	<i>to talk about your achievements or possessions in a proud way that annoys other people</i> (MD)
	<i>to murmur</i> ⁺ 'шептать'	<i>to say something in a soft (→in a pleasant subdued manner) quiet voice that is difficult to hear clearly</i> (LDCE)
	<i>to yammer</i> ⁻ 'болтать без умолку'	<i>to talk continuously in a way that is annoying</i> (LDCE)
б) обозначает поведение или поступки субъекта	<i>копошиться</i> ⁻	(разг.) Возиться (→ излишне медленно и кропотливо делать что-л.) с чем-л., хлопотать , заниматься чем-л. (ТСЕ)
	<i>to lurk</i> ⁻ 'таиться'	<i>to wait somewhere quietly and secretly, usually because you are going to do something wrong</i> (LDCE)
	<i>оккупировать</i> ⁻	(разг.) Занимать , захватывать , не имея законных прав (место, помещение и т.п.) (ТСЕ)
	<i>smuggle</i> ⁻ 'пронести тайком'	<i>to take someone or something into or out of a place against the rules</i> (MD)
в) описывает состояние субъекта	<i>издергаться</i> ⁻	(разг.) Прийти в болезненно раздраженное, нервное состояние (ТСО)
	<i>томиться</i> ⁻	Испытывать длительные, изнуряющие физические или нравственные мучения, страдания (ТСО)
	<i>worship</i> ⁺ 'боготворить'	<i>to feel great admiration or devotion for</i> (OD)
	<i>endure</i> ⁻ 'выносить'	<i>to suffer something difficult or unpleasant in a patient way over a long period</i> (MD)

Другим небезынтересным свойством глагола, по наблюдениям Г. Н. Кенжебалиной, является *константность/переменность аксиологического знака* [34, с. 37]. Так, например, глаголы *огрызаться* 'грубо, резко возражать, отвечать; делать резкие замечания по поводу чего-либо' (ТСЕ) и *threaten* 'угрожать' – 'to state one's intention to take hostile action against

(someone) in retribution for something done or not done' (OD) в большинстве контекстов выражают отрицательную оценку, т.е. отрицательность в их значении является константной.

С другой стороны, существуют глаголы, которые потенциально могут иметь как положительный, так и отрицательный знак в зависимости от контекста, в котором они реализуются. Так, например, глагол *любоваться* определяется следующим образом: 'испытывать удовлетворение, восхищение при взгляде на кого-нибудь или что-нибудь' (ТСУ), где *восхищение* означает 'чувство радости и обожания, которое вы испытываете, когда что-либо или кто-либо производит на вас очень сильное впечатление своей красотой, совершенством, умом, талантом и т.п.' (ТСД). Таким образом, по своему значению глагол предполагает объект, который достоин положительной оценки. Тем не менее потенциально он может употребляться и для выражения отрицательной оценки, например, *Ксюше захотелось... выплакать из себя... длинную Ларису, которая любуется общей растерянностью* [33, с. 97]. В приведенном примере героиня получает удовольствие от беспомощности своих собеседников, причем с точки зрения социальных норм такое поведение заслуживает порицания.

Схожую тенденцию можно проследить и у английских глаголов: *Roza took in the icy-eyed man's expression of frozen, stony horror and reveled in it, delighted in it. It was delicious, his horror* 'Роза впитала выражение застывшего, неумолимого ужаса в ледяных глазах мужчины, наслаждаясь им, упиваясь им. На вкус его ужас был прекрасен' [32, p. 197]. Лексема *to revel* 'наслаждаться' означает 'to gain great pleasure from (a situation)' (OD), а *to delight* 'наслаждаться, любоваться' имеет значение 'to get a lot of pleasure or enjoyment from something' (MD). Однако, когда источником наслаждения является нечто отрицательное (в данном случае – ужас), оценка такого поведения стремится к отрицательному пределу аксиологической шкалы: в представлении социума получать удовольствие от чужого несчастья – плохо.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что глагольная лексика обладает определенным прагматическим потенциалом и способна служить эффективным лексическим средством выражения авторской позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
2. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация : учеб. пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб. : Книжный Дом, 2007. – 472 с.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.

4. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
5. *Dijk, T. A. van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach / Т. А. van Dijk. – London : SAGE Publ., 1998. – 384 p.
6. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. *Барт, Р.* Нулевая степень письма / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М., 2000. – С. 50–96.
8. *Барт, Р.* От науки к литературе : пер. с фр. / Р. Барт // Избр. работы: Семиотика : Поэтика / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М., 1989. – С. 375–383.
9. *Барт, Р.* Дискурс истории / Р. Барт // Системы моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М., 2003. – С. 427–441.
10. *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm>. – Дата доступа : 28.10.2015.
11. *Каунова, Е. В.* Особенности реализации цитаты как фигуры интертекста в художественном дискурсе [Электронный ресурс] / Е. В. Каунова. – Режим доступа : <http://www.colloquium-publishing.ru/library/index.php/UCH21VEK/article/viewFile/168/164>. – Дата доступа : 16.11.2015.
12. *Рожнова, Е. А.* Художественный стиль и его особенности [Электронный ресурс] / Е. А. Рожнова. – Режим доступа : – <http://www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/73.html>. – Дата доступа : 12.10.2015.
13. *Романова, Н. Н.* Стилистика и стили : учеб. пособие, словарь / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012. – 416 с.
14. *Солганик, Г. Я.* Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – 5-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 253 с.
15. *Гафарова, А. С.* Художественный текст vs художественный дискурс [Электронный ресурс] / А. С. Гафарова. – Режим доступа : <http://rgf.tversu.ru/node/486>. – Дата доступа : 29.11.2015.
16. *Ашимова, А. Ф.* Лингвистические особенности индивидуально-авторского стиля Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / А. Ф. Ашимова. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/lingvisticheskie-osobennosti-individualno-avtorskogo-stilya-b-l-pasternaka-v-romane-doktor-zhivago>. – Дата доступа : 20.11.2015.
17. *Адмони, В. Г.* Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони. – СПб. : Наука, 1994. – 153 с.
18. *Нормуродова, Н. З.* Художественный дискурс и языковая личность в свете актуальных лингвистических направлений: парадигмы знания, основные принципы и тенденции развития / Н. З. Нормуродова. – Режим доступа : <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2015/02/2015-02-02.pdf>. – Дата доступа : 03.10.2015.

19. *Розова, І. В.* Мовні засоби вираження авторської модальності (на матеріалі англійської сатиричної літератури ХХ сторіччя) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / І. В. Розова. – Донецьк, 2008. – 20 с.
20. *Щирова, І. А.* Текст сквозь призму сложного / І. А. Щирова. – СПб. : Политехника-сервис, 2013. – 216 с.
21. *Цыкина, Е. А.* Способы выражения авторской позиции в англоязычной психологической прозе ХХ века : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Е. А. Цыкина. – СПб., 2008. – 180 л.
22. *Корман, Б. О.* Итоги и перспективы изучения проблемы автора / Б. О. Корман // Избр. тр. по теории и истории лит. / предисл. и сост. В. И. Чулкова. – Ижевск, 1992. – С. 59–67.
23. *Кайда, Л. Г.* Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров) : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.01.10 / Л. Г. Кайда. – М., 1991. – 44 с.
24. *Болотнова, Н. С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
25. *Николина, Н. А.* Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
26. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов / отв. ред. Л. Г. Викулова. – М. : Тезаурус, 2011. – 352 с.
27. *Ивин, А. А.* Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.
28. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
29. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://stylistics.academic.ru>. – Дата доступа : 03.10.2015.
30. *Белова, Н. Н.* Семантика оценки в именах прилагательных : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Белова. – М., 2011. – 27 с.
31. *Маркелова, Т. В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т. В. Маркелова. – М. : МПУ, 1993. – 125 с.
32. *Ruby, L.* Bone Gap / L. Ruby. – N. Y. : Balzer + Bray, 2015. – 223 p.
33. *Жвалевский, А. В.* Охота на василиска : повесть / А. В. Жвалевский, Е. Б. Пастернак. – 2-е изд. – М. : Время, 2015. – 192 с.
34. *Кенжебалина, Г. Н.* Оценочные глаголы в коммуникативной деятельности носителей русского языка : курс лекций / Г. Н. Кенжебалина. – Павлодар : Изд-во «Кереку» ПГУ им. С. Торайгырова, 2010. – 99 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- MD – Macmillan English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.macmillandictionary.com>. – Date of access : 13.03.2016.
- TSE – *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Electronic resource] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа : <http://www.efremova.info>. – Дата доступа : 07.02.2016.
- OD – Oxford English Living Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Date of access : 13.03.2016.

ТСО – Толковый словарь русского языка [Electronic resource] / под ред. С. И. Ожегова. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru>. – Дата доступа : 07.02.2016.

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ldoceonline.com>. – Date of access : 15.03.2016.

ТСУ – Толковый словарь русского языка [Electronic resource] / под ред. Д. Н. Ушакова. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru>. – Дата доступа : 09.02.2016.

ТСД – Толковый словарь русского языка [Electronic resource] / под ред. Д. В. Дмитриева. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/>. – Дата доступа : 08.02.2016.

The article studies pragmatic potential of verbs as means of expressing authorial stance in fictional discourse. Verbs can be used effectively for authorial appraisal. It is shown that, based on their meaning, evaluative verbs can belong to one of three classes and have a potential of changing their axiological vector.

В. А. Пуйша

АПАЗІЦЫЯ ЭМОЦЫЙ *ШЧАСЦЕ/НЯШЧАСЦЕ* Ў БЕЛАРУСКІХ І АНГЛІЙСКІХ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ АДЗІНКАХ

Прааналізаваны агульныя і спецыфічныя характарыстыкі ўжывання беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з семантыкай *шчасце/няшчасце*. Даказана, што падабенства рэалізацыі гэтых эмоцый абумоўлена наяўнасцю тоесных маральна-этычных прадстаўленняў беларусаў і англічан пра дабро і зло. Адрозненні спосабаў эксплікацыі гэтых станаў абумоўлены шматлікімі экстралінгвістычнымі ўласцівасцямі.

Фразеалагічныя адзінкі выяўляюць нацыянальную прыналежнасць, абумоўленую рэаліямі духоўнай і матэрыяльнай культуры народаў, іх гістарычным вопытам. У фразеалагізмах адлюстраваны маральныя, этычныя, эстэтычныя якасці чалавека, выражаныя іх суаднесенасцю з эталонамі і стэрэатыпамі [1]. Зварот да кампаратыўнага даследавання фразеалагізмаў дазволіць устанавіць, як выражаюцца эмоцыі *шчасце/няшчасце* ў беларускіх і англійскіх фразеалагічных адзінках, а таксама выявіць адрозненні і падабенствы ў іх значэннях, структуры, канатацыі.

Пры аналізе фразеалагічных адзінак (ФА) мы адштурхоўваліся ад дэфініцый лексем *шчасце/няшчасце* ў тлумачальных слоўніках беларускай і англійскай моў. Потым па фразеалагічных слоўніках дзвюх моў вылучаліся тэматычныя групы з падобнай семантыкай, вызначаліся міжмоўныя адпаведнікі, праводзіўся кампанентны аналіз ФА, згодна з гэтымі дадзенымі былі выяўлены іх агульныя і нацыянальна-спецыфічныя рысы.

Шчасця, як правіла, адлюстроўваецца праз пачуцці задавальнення і радасці, а няшчасця – праз бяду, гора і няўдачу [2].

Наяўнасць шчасця як эмацыянальнага стану можа перадавацца ў беларусаў наступнымі фразеалагічнымі адзінкамі: (*быць, адчуваць сябе*) *на сёмым/дзясятым небе* ‘быць бязмерна шчаслівым, вельмі задаволеным’; *нарадзіцца/радзіцца пад шчаслівай зоркай* ‘быць шчаслівым, удачлівым, мець

поспех у сваіх справах'; *нарадзіцца/радзіцца ў сарочцы/кашулі* 'быць шчаслівым, удачлівым, вязучым'; *людзьмі звацца* 'быць свабоднымі, шчаслівымі, займаць у жыцці належнае чалавеку месца'. У сваю чаргу, можна вылучыць фразеалагізм-найменне чалавека: *лёгкая рука* 'хто-небудзь прыносіць шчасце, поспех, удачу ў чым-небудзь' [3].

Станоўчая адзнака суправаджае і тыя фразеалагічныя адзінкі, дзе беларус адлюстроўвае сваё ўяўленне пра шчасце праз метафарычныя вобразы з'яўлення святла, узыходу сонца, якія выступаюць сімваламі шчасця: *свет адчыняецца/адкрываецца, свет адчыніўся/адкрыўся* 'каму-небудзь усё станавіцца радасным, шчаслівым', *сонца ўзыходзіць* 'для каго-небудзь наступае шчасце, што-небудзь новае, вельмі значнае ў жыцці' [Там жа].

Да фразеалагічных адзінак з дадатковай канатацыяй далучаюцца выклікавыя *вечер у спіну!* 'пажаданне шчаслівай дарогі', з *Богам* 'шчасліва ісці, ехаць', *слава Алаху і слава Богу* 'на шчасце' для вызнання радасці, задавальнення, супакою з якой-небудзь прычыны', што выкарыстоўваюцца ў ролі пабочных кампанентаў сказа [Там жа].

Пра тое, што шчасце нельга запланаваць і яно не з'яўляецца вынікам думак і дзеянняў, накіраваных на яго дасягненне, сведчаць некалькі фразеалагічных адзінак, якія можна лічыць запазычанымі з рускай мовы: *на авось* 'з разлікам на шчаслівую выпадковасць, наўдачу рабіць што-небудзь' і *на ўра* 'з разлікам на ўдачу, на выпадковы поспех рабіць што-небудзь'. Сімвалам шчасця для беларусаў выступае *сіняя птушка*.

Адмоўнымі па сваім значэнні з'яўляюцца тыя фразеалагічныя адзінкі, у якіх перадаецца адсутнасць шчасця праз узгаданыя вобразы зоркі, але з адрозненнем яе існавання – яна закацілася, патухла (*зорка закацілася/патухла* 'скончылася чыё-небудзь шчасце, поспехі, кар'ера'), сонца, якое не свеціць (*сонца зайшло* 'скончылася чыё-небудзь шчасце, поспехі'), ці адметнага месца нараджэння (*нарадзіцца ў дзіравым корабле* 'быць нешчаслівым, няўдачлівым, не мець поспех у сваіх справах') [Там жа].

Паводле беларускай фразеалогіі, чалавек з'яўляецца няшчасным, калі ў яго *разбітае сэрца*. Часцей гэтая фразеалагічная адзінка ўжываецца, калі мы гаворым пра няўдалае каханне [Там жа].

Пра нешчаслівага чалавека беларусы гавораць, што ён *Богам пакрыўджаны* (-ая, -ае, -ыя) 'няўдачлівы, нешчаслівы; абмежаваны, невялікага розуму' [Там жа].

З усмешкай і іроніяй на Беларусі скажуць пра шчасце як рэдкі выпадак ці вельмі малую яго колькасць з дапамогай фразеалагізмаў *чарвяку на вяку* (трапілася, давялося, прыйшлося) 'аднойчы і нечакана' пра рэдкі, шчаслівы выпадак і з *жабіны прыгарычы* 'вельмі мала (шчасця, радасці, здароўя)' [Там жа].

У англійскай мове семантыка *шчасця* выражаецца ў наступных фразеалагічных адзінках: *walk on air* 'не адчуваць пад сабой ног, губляць галаву з прычыны якой-небудзь радасці', *in seventh heaven/on cloud nine* 'на сёмым небе ад шчасця', *on top of the world* літаральна 'на вяршыні свету', *over the moon* літаральна 'за межамі месяца'. Шчаслівага чалавека англічане заўсёды называюць *happy camper* літаральна 'шчаслівы турыст', *happy as Larry* літаральна 'шчаслівы, як Лары', *happy-go-lucky* 'бесклапотны, вясёлы', *as pleased as Punch* 'шчаслівы як Панч' [4].

Для апісання шчаслівага, радаснага стану ў англійскай мове ўжываюцца наступныя выразы: *in raptures* ‘у захапленні’, *to be tickled pink* літаральна ‘быць ружовым ад радасці’, ‘быць вельмі задаволеным чымсьці’, *with stars in your eyes* літаральна ‘з зоркамі ў вачах’, ‘вельмі шчаслівы’ [1].

Калі англічане вельмі задаволены чым-небудзь, яны выражаюць гэта праз шматлікія рухі, жэсты і міміку: *jump for joy* ‘скакаць ад радасці’, *grin from ear to ear* ‘усміхацца ва ўвесь рот’, *to be in stitches* ‘шмат смяцца’, ‘зайсціся ад смеху’, *thrilled to bits* ‘у поўным захапленні’ [Там жа].

Як аснова для параўнання ў шматлікіх англійскіх ФА ўжываюцца вобразы жывёл: *like a dog with two tails* ‘шчаслівы як сабака з двума хвастамі’, *to grin like a Cheshire cat* ‘скаліць зубы як чэшырскі кот’, *happy as a flea in a doghouse* ‘шчаслівы як блыха ў сабачай будцы’. Таксама для абазначэння шчаслівага стану ўжываюцца выразы *fool’s paradise* ‘рай дурняў’, *full of the joys of spring* літаральна ‘поўны вясновых радасцяў’, *life is just a bowl of cherries* ‘жыццё як поўная чаша вішняў’ [Там жа].

Калі чалавек не зусім згодны з выбарам або прапановай другога чалавека, але усё роўна ён/яна выконвае гэтую прапанову, каб задаволіць яго, то англічане гавораць *whatever floats your boat* літаральна ‘як бы лодка ні плыла’, ‘як пажадаеце’, ‘як ваша ласка’, ‘як хочаце’ [Там жа].

У англійскай мове прысутнічаюць фразеалагічныя адзінкі з антанімічным значэннем, што ўжываюцца, для перадачы стану няшчасця. Многія падобныя ФА звязаны з вобразам слёз: *cry one’s eyes out* ‘праплакаць вочы’, *reduce to tears* ‘даводзіць да слёз’ [4].

Некаторыя ФА звязаны са стыхійай вады: *down in the dumps/down in the mouth* ‘як у ваду апушчаны, прыгнечаны’, *face like a wet week-end* літаральна ‘твар як мокрая выхадныя’, ‘сумны твар’ [1].

У пэўных выпадках прыгнечаны настрой асацыіруецца з блакітным колерам: *feeling blue/to have the blues* літаральна ‘быць у блакітным настроі’, ‘быць прыгнечаным’, ‘быць у дрэнным настроі’, ‘тужыць’, ‘сумаваць’ [5].

Для абазначэння прыгнечанага, дэпрэсіўнага, сумнага стану ў англійскай фразеалогіі прысутнічае шмат фразеалагізмаў, якія перадаюцца праз вобраз сэрца: *your heart sinks* літаральна ‘сэрца тоне, апускаецца’, ‘згубіць усялякую надзею’, ‘адчуць расчараванне’, *downhearted* ‘маркотны, прыгнечаны’, *heart broken* літаральна ‘з разбітым сэрцам’, ‘прыгнечаны горам’ [1].

Фразеалагізацыя эмацыянальнага канцэпту *шчасце/happiness* у беларускай і англійскай лінгвакультурах адбываецца на аснове метафарычных і сімвалічных вобразаў. Фразеалагічныя адзінкі са станоўчай канатацыяй ужываюцца для апісання станаў шчасця, асалоды, весялосці, экстазу і радасці, а з адмоўнай – для абазначэння станаў няшчасця, гора, тугі.

У ходзе даследавання беларускіх і англійскіх фразеалагічных адзінак была выяўлена адна пара поўных лексічных эквівалентаў, дзе мае месца супадзенне фармальных і семантычных прымет: *to be in seventh heaven* ‘быць на сёмым небе ад шчасця’. Варта адзначыць, што шмат беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў звязаны з вобразамі неба, сонца і зорак: беларускія ФА *нарадзіўся пад шчаслівай зоркай*, *сонца ўзыходзіць*, *свет адчыняецца* і англійскія *stars in your eyes* ‘з зоркамі ў вачах’, *over the moon* ‘за межамі месяца’.

Агульным для дзвюх фразеасістэм з'яўляецца пазначэнне стану шчасця/няшчасця праз алюзію да жывёл: беларускія *сіняя птушка*, *чарвяку на вяку*, *жабіны прыгаршчы* і англійскія *like a dog with two tails* 'шчаслівы як сабака з двума хвастамі', *to grin like a Cheshire cat* 'скаліць зубы як чэшырскі кот', *happy as a flea in a doghouse* 'шчаслівы як блыха ў сабачай будцы'.

У англійскай і беларускай фразеалогіі для выражэння стану гора, няшчасця ўжываюцца вобразы «разбітага сэрца».

Несупадзенне вобразаў і семантыкі ФА назіраецца ў наступным: у беларускай лінгвакультуры сіні колер выступае прыметай шчасця (*сіняя птушка* – сімвал шчасця; тое, што ўвасабляе для каго-небудзь найвышэйшае шчасце). У англійскай лінгвакультуры ФА *feeling blue/to have the blues* пазначае стан прыгнечасці, няшчасця.

Шчасце ў беларускай фразеалогіі асацыіруецца з прысутнасцю Бога ў жыцці чалавека: з *Богам*, *слава Богу*, *Богам накрыўджаны*. У англійскай фразеасістэме гэта канатацыя не выражана.

Беларусы часта суадносяць шчасце са шчаслівым выпадкам (*на авось*, *на ўра*) – у англічан такі вобраз адсутнічае. У англійскай фразеалогіі, стан шчасця суправаджаецца шматлікімі жэстамі і адпаведнай мімікай, якія выражаюць задавальненне. У сваю чаргу, перажыванне гэтай эмоцыі ў беларускай лінгвакультуры носіць больш глыбокі, унутраны характар і не адлюстроўваецца ў саматычных рухах.

Падабенства рэалізацыі эмоцый *шчасце/няшчасце* ў дзвюх неблізкароднасных фразеасістэмах тлумачыцца наяўнасцю тоесных маральна-этычных прадстаўленняў беларусаў і англічан пра дабро і зло. Адрозненні спосабаў эксплікацыі гэтых станаў у беларускіх і англійскіх ФА тлумачацца непадобнасцю навакольнага асяроддзя, прыродных ландшафтаў, нацыянальна-культурнай спецыфікай іх успрымання двума народамі.

ЛІТАРАТУРА

1. Large English-Russian phrasebook [Electronic resource]. – Mode of access : http://large_phrasebook_en_ru.academic.ru. – Date of access : 02.03.2016.
2. *Ляшчынская, В. А.* Фразеалагічны канцэпт «шчасце-няшчасце» / *В. А. Ляшчынская* // Фразеалагічная эмацыянальная канцэптасфера беларусаў. – Мінск, 2012. – С. 179–188.
3. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / *І. Я. Лепешаў*. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 2. – 968 с.
4. *Шитова, Л. Ф.* English Idioms and Phrasal Verbs. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов / *Л. Ф. Шитова, Т. Л. Брускина*. – 3-е изд. – М., 2005. – 256 с.
5. Ahmed Abouleel [Electronic resource] // English Idioms. – 1st ed. – 2014. – Mode of access : <https://www.amazon.com/English-Idioms-Ahmed-Abouleel-ebook>. – Date of access : 05.04.2016.

Common and specific features of the use of Belarusian and English idioms with the semantics of happiness/unhappiness were analysed. It was proved that common features of the realization of these emotions were determined by the existence of hidden moral and ethical representation of good and evil by Englishmen and Belarusians. Distinctions of means of the explication of these states are determined by numerous extralinguistic features.

А. М. Бут-Гусаим

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

На примере дисциплины «Практикум по культуре речевого общения» отмечается необходимость адаптации учебного материала при обучении иностранных студентов второму иностранному языку. Отмечается, что для успешного овладения английским языком преподаватель должен произвести словообразовательный анализ слов. Использование различных методов и приемов раскрытия значений новых слов, уточнения или расширения уже известных значений создает ситуацию успеха и мотивирует студентов.

Такой фактор, как низкий уровень знаний (часто студенты не знают порядка слов в предложении, форм глагола *to be*, личных местоимений и базовых языковых единиц) обуславливает количественное ограничение отбираемого учебного материала. Практика показывает, что у большинства студентов не развита языковая догадка и довольно узкий кругозор, что не позволяет преподавателю опираться на фоновые знания. Указанные недостатки создают много трудностей в процессе обучения, и как результат из-за большого количества ошибок снижается мотивация. Таким образом, успешное овладение речевым материалом и умениями извлечения информации с разной степенью глубины и полноты понимания требует большой подготовительной работы со стороны преподавателя.

Рассмотрим вопрос о преподавании дисциплины по культуре речевого общения иностранным студентам на примере русских групп на 4 курсе, где английский является вторым иностранным языком. Основные цели предмета – восприятие и понимание речи на слух, изложение своих мыслей в подготовленном и неподготовленном высказывании, овладение лексическим минимумом по темам.

Содержанием учебного материала данной дисциплины являются такие темы, как «Успешное изучение иностранных языков», «Система образования в Великобритании», «Пресса в Великобритании», «Радио и телевидение в Великобритании», «Цензура», «Реклама», «Семья в Великобритании» и т.п.

Следует обратить внимание на ознакомление с лексическим материалом у иностранных студентов, поскольку у большинства из них не сформированы навыки работы ни с двуязычным, ни с толковым словарем. Во многих случаях используется третий язык-посредник, их родной, что значительно увеличивает первичный этап.

Чтобы снять такие трудности, рекомендуется исключить из лексического минимума малоупотребительные слова и идиоматические выражения, а начинать тему с интернациональной лексики, например: *an art director, a journalist, a reporter, a correspondent, a horoscope, stress management, a crossword, second-hand, a chat show, exclusive, a subsidy, subsidized,*

to discriminate, liberal, rating, to gravitate, to supervise, visual memory, to publish и др. Ее узнавание будет способствовать созданию ситуации успеха и развитию языковой догадки, что очень важно для мало мотивированных студентов. В данном случае первоочередной задачей будет постановка правильного произношения. Хотя следует отметить специфику преподавания для иностранных студентов, когда подобная лексика отсутствует в их родном языке и скорее всего преподаватель не владеет их родным языком, такой прием облегчит усвоение и обогащает словарный запас одновременно двух языков – русского и английского.

Безусловно, возможность учитывать особенности родного языка студентов при отборе языкового материала и моделей речевой коммуникации, а также при разработке упражнений реализуется только при накоплении опыта работы с теми или иными студентами. Только тогда преподаватель может уделять особое внимание адаптации, объяснению, толкованию явлений, которые отсутствуют в родном языке студентов, либо существенно отличаются от соответствующих явлений в иностранном языке.

Практика показывает, что следует обращать внимание на словообразование и значение аффиксов. Например, *-ity* встречается в таких терминах активного лексического минимума, как *flexibility, objectivity, responsibility, impartiality, accountability* [1, с. 116, 134]. В подобных случаях необходимо дополнительное пояснение значения абстрактности. Такие цепочки не только тренируют память, но и помогают в создании однокоренных слов. Рекомендуется особо выделить суффиксы в словах *an examiner/an examinee* [Там же, с. 39], *a cohabiter/a cohabitee* [2, с. 5] (как в ранее изученных единицах *an employer/an employee*). Суффикс *-ism* в слове *sexism* становится нагляднее, если преподаватель напомним уже знакомые слова из других дисциплин *socialism* и *communism*. Суффикс *-ist* в примере *a purist* по аналогии с другими профессиями (*cartoonist, columnist, linguist, scientist, journalist, specialist* и т.д.) более обоснованный.

Значение приставки *bi-* ('двойственность') раскрывает смысл слов *bilingual* и *bisexual*. Частотная приставка *re-*, а именно в таких словах, как *a review, to re-examine, to retake*, должна быть выделена и переведена отдельно как обозначающая повторение. Перевод приставки *co-* ('вместе') будет очевиден на примере *co-education, cohabitation* [1, с. 27; 2, с. 5]. Перевод приставки *sub-* в составе слов *subtitles, to subscribe, subliminal* и *under-* как составного элемента *to underestimate, underachievement* раскрывает смысл исходных слов [1, с. 39, 134]. Антонимичной приставкой является *over-*, в частности в слове *to overestimate*. Разнонаправленность приставок в словах *internal – external* очевидна при аналогиях *import – export, implicit – explicit*.

Корень *scribe-* в примерах активного слова *to subscribe* и ранее изученных *to describe, to transcribe* раскрывает мотивированность слов. Корни слов *fume* (от *perfume*), *tube* (от *youtube*) прочно запоминаются в такой комбинации. Вот еще несколько подобных примеров: *artificial* (от *art*), *natural* (от *nature*), *circulation* (от *circle*), *a proprietor* (от *property*), *a purist*

(от *pure*). Употребительные корни (*a storyboard, a billboard, an examining board, a board of trustees; spotlight, to highlight, a traffic light; a deadline, to be sidelined, a borderline candidate*) [1, с. 154, 117, 39, 27] помогают увеличить словарный запас. Здесь также следует обратить внимание на гибкость английского языка, что проявляется в омонимии слов разных частей речи: *a presenter – to present, a broadcast – to broadcast*.

Словообразовательные формулы желательны для *edutainment, infotainment, docudrama, sitcom, genderquake, a breadwinner* [1, с. 5; с. 116; 2, с. 5] и т.п. Например, *education + entertainment = edutainment; information + entertainment = infotainment; documentary + drama = docudrama; situation + comedy = sitcom*.

Цепочки слов (*to exercise control/censorship, to give a false impression/promise, to provide second-hand experience/safeguards, to play truant/couch potato*) [1, с. 134, 116, 154] обеспечивают преемственность в подаче материала. Когда учебник построен таким образом, чтобы последующие тексты и упражнения опирались на предыдущие, ранее изученный материал частично повторяется и дополняется с целью успешного развития, закрепления и совершенствования речевых умений и навыков.

Необходимо обращать на многозначность слов. *Anchor* на 3 курсе переводилось 'якорь' по теме «Путешествие на корабле», на 4 курсе – перевод 'ведущий'. *Compulsory* в теме «Радио и телевидение» и «Образование» переводилось как 'обязательный'. Однокоренное *compulsive liar* легче запомнить, если перефразировать *compulsory to lie*. *Major* встречается в темах «Образование» и «Английский – мировой язык», *bias* в значении 'уклон, направленность' в теме «Эсперанто», *несправедливость* в контексте «Радио и телевидение». Ошибочны ассоциации перевода слова *newsreader*, что требует больше тренировки на этапе первичного закрепления и при развитии умений и навыков использования лексики в различных видах речевой деятельности.

Вербальные приемы для расширения лексического запаса речи применимы для следующих лексических единиц из активного вокабуляра. Приведем один из возможных вариантов рассуждения для *sandwich course* [1, с. 6].

Преподаватель: How to cook a sandwich?

Студенты: Take a bun, add meat, cheese, pickles and other layers, then a bun again.

Преподаватель: Right. But what can a university course be made of? By the way, that's what you have on your 4th year...

Студенты редко находят правильный перевод выражения *hatch, match and dispatch column*, поэтому предлагается обратить особое внимание на раскрытие его значения. Вот наглядная иллюстрация.

Преподаватель: A chicken is hatched out. (С помощью наводящих вопросов помочь студентам правильно перевести 'цыпленок вылупился'.) When 2 people match, they get married. Dispatch means leave or die. So what is this column about?

Студенты: About birth, marriage and death.

В итоге преподаватель помогает правильно сформулировать русский вариант перевода – ‘колонка личных/частых объявлений’.

Такой вид семантизации также применим для термина *notional watershed*. Во-первых, акцентируется внимание на отличии слова *notional* от *national* [1, с. 137]. Во-вторых, преподаватель продолжает объяснение.

Преподаватель: What can rivers separate?

Студенты: 2 countries...

Преподаватель: So watershed means a boundary/barrier/frontier... A boundary between what and what in terms of TV? (Обсуждение продолжается, пока студенты не поймут значение исходной единицы.)

В вышеописанных примерах опора была на контекст, т.е. незнакомое слово помещается во фразу, предложение, которые позволяют студентам самим догадаться о значении слова. Аналогия выражению *to pass an exam with flying colours* на русском языке ‘получить красный диплом’ влияет на быстроту запоминания.

Подбор определений с помощью других активных слов по темам при работе с лексическим материалом уместен для такого словосочетания, как *running commentary – subtitles in a news bulletin*. Объяснение активных единиц *morning paper round, latch key kids u talking head* [1, с. 92, 117; 2, с. 4] с помощью простых пантомим несомненно создаст ситуацию успеха и позволит избежать перевода на родной язык студентов.

Примеры современных реалий рекомендуем для некоторых лексических единиц по дисциплине «Практикум по культуре речевого общения» на 4 курсе: вместо *keeping up with the Joneses* [1, с. 163] – *keeping up with the Kardashians* (популярное американское реалити-шоу с участием фотомодели и актрисы). Многим знакома популярная песня *Paparazzi Lady Gaga, Youtube (tube)*. Наглядные приемы для расширения лексического запаса речи применимы для слова *live* в уголке экрана во время прямых трансляций, *feat/ft* в клипах от *featuring* (с использованием имен кумиров студентов: *Beyonce ft Shakira, Beiber ft Micki Minaj*), что значительно повышает интерес к предмету. Лексическая единица *account* известна студентам благодаря социальным сетям.

Таким образом, интеграция материалов по культуре речевого общения для иностранных студентов должна быть организована с учетом потребностей обучаемых. Это имеет решающее значение именно на этапе обучения, когда у обучаемых еще не сформированы прочные навыки, а лексический материал зачастую вызывает сложности для понимания как на русском, так и английском языках. В таких случаях студенты могут обращаться к третьему языку, родному, что затрудняет автоматизацию лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улучшаем свой английский = The way to Better English through Discussion : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / авт.-сост. И. В. Баценко [и др.]. – Ч. 1. – Минск : МГЛУ, 2005. – 180 с.

2. Давайте обсудим. Роль семьи в современном обществе = Let's Discuss it. The role of Family in Modern Society : учеб.-метод. пособие / Е. А. Елецкая, И. Л. Русецкая. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : МГЛУ, 2012. – 208 с.

The paper gives suggestions on teaching English to international students in their 4th year in the university to enhance efficiency by applying a variety of techniques to simplify the acquisition of specific elements related to the curriculum.

П. П. Глазко, И. В. Павлоцкая

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Рассматриваются проблемы обучения аудированию иноязычной речи в рамках комплексной профессиональной подготовки студентов языковых учреждений высшего образования, в частности студентов переводческих специальностей. В статье представлено методическое описание пособия, целью которого является формирование у студентов аудитивной компетенции: описана его структура, тематическое содержание, особенности системы упражнений; эксплицирована связь данной дисциплины с другими аспектами изучения языка; показаны возможные способы приведения этого учебного курса в соответствие с определенным профессиональным контекстом; раскрыты положенные в его основу принципы.

Несмотря на то, что изучение вопросов обучения аудированию иноязычной речи на разных этапах учебного процесса ведется как в теоретическом, так и в практическом плане со второй половины XX века (З. А. Кочкина, М. Л. Вайсбурд, И. А. Зимняя, М. В. Ляховицкий, Н. В. Елухина, Л. Ю. Кулиш, И. И. Халеева, Я. М. Колкер и Е. С. Устинова и др.), сегодня вряд ли можно считать до конца решенной проблему методики обучения аудированию в языковом учреждении высшего образования. Будучи одной из ключевых компетенций, способность восприятия звучащей речи на слух и ее адекватного понимания зачастую не получает должного внимания с точки зрения особенностей методики ее формирования с учетом будущего профессионального контекста. В этой связи следует также отметить практически полное отсутствие пособий, целью которых было бы формирование и совершенствование навыков восприятия и понимания звучащей речи.

В настоящей статье предлагается модель обучения аудированию, реализованная в виде пособия, предназначенного для студентов первого курса МГЛУ, обучающихся по специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» и изучающих английский язык в качестве основного.

Пособие «Improving Listening Skills» направлено на формирование у студентов иноязычной аудитивной компетенции в целом и совершенствование навыков аудирования (восприятия) звучащей английской речи в частности.

Пособие состоит из 7 тематических разделов, непосредственно связанных с содержанием программы по дисциплине «Практика устной и письменной речи 1 иностранного языка (английский)». Данные разделы посвящены

описанию внешности и характера людей, состава семьи и семейного положения, отношений в семье; презентации распорядка дня, вопросам планирования свободного и рабочего времени; описанию дома, факторов, влияющих на выбор жилья; рассмотрению особенностей высшего образования в Республике Беларусь и в англоговорящих странах; различным вопросам питания и совершения покупок. Все темы конкретны и предметны и составляют неотъемлемую часть повседневной жизни студентов, что, безусловно, способствует повышению их мотивации к изучению данной дисциплины.

Следует отметить, что отдельный раздел пособия предназначен для самостоятельной работы студентов с видеоматериалами. В этом разделе представлены задания к отрывкам из современных британских и американских художественных и документальных фильмов, связанных с тематикой курса. Раздел для самостоятельной работы не только позволяет студентом применить навыки аудирования на практике, т.е. при просмотре аутентичных фильмов, но также более тесно знакомит их с культурой стран изучаемого языка.

Пособие основано на принципах сознательности, последовательности и системности. Принцип сознательности реализуется через четкие инструкции к каждому из аудиотекстов. Зачастую к одному и тому же отрывку предлагается несколько заданий с целью привлечения внимания студентов к разным стратегиям прослушивания в зависимости от типа текста и от того, какую цель они преследуют в каждом конкретном случае. Например, при прослушивании интервью задания призывают студентов обратить внимание на задаваемые вопросы, их суть и структуру, так как они во многом помогут понять, о чем будет в своем ответе говорить респондент: будет он соглашаться или не соглашаться с содержанием вопроса (в случае общего или разделительного вопроса), ориентироваться на предложенные варианты ответа (альтернативный вопрос) или детализировать содержание вопроса (специальный вопрос). При прослушивании монологических высказываний (выступление по радио, отрывок из лекции и т.д.) инструкции в заданиях призывают студентов в первую очередь сконцентрироваться на концептуальном понимании прослушенного, т.е. его основополагающей идеи, и отметить из предложенных вариантов то, о чем шла речь в выступлении. Таким образом, у студентов формируется четкое представление об алгоритме действий при работе с аудиотекстами разных типов.

Принцип последовательности находит свое отражение в ориентации пособия на студентов с различным уровнем языковой подготовки, в частности с различной степенью сформированности аудитивных навыков. Первые разделы основаны на более простых аудиотекстах, что дает обучаемым возможность привыкнуть к принятым в данном издании типам и системам упражнений, а также больше внимания уделять тому, с какими сложностями они сталкиваются при прослушивании, а также какие пути их преодоления будут наиболее оптимальными. Материалы первых разделов носят более конкретный характер, характеризуются небольшой длительностью звучания и

средним темпом речи говорящих. В последующих разделах эти параметры изменяются в сторону увеличения длительности записей, темпа представленной на них речи, а также усложнением с точки зрения лексического и грамматического наполнения. При этом в пособии имеются специально отмеченные звездочкой задания к аудиотекстам повышенной сложности.

Принцип системности раскрывается в интеграции аудирования с другими языковыми аспектами, а именно, практикой устной и письменной речи, грамматикой, фонетикой. В первую очередь следует сказать о том, как в пособии реализуется связь аудирования с практикой устной и письменной речи. Данную связь можно проследить в нескольких направлениях. Тематическое содержание этих дисциплин полностью совпадает. Иными словами, на занятиях по аудированию студенты имеют возможность применить знания, полученные на занятиях по устной практике, поскольку тексты для прослушивания подобраны с учетом базового лексического материала этого курса, что позволяет еще раз потренировать изученную лексику с точки зрения рецепции. Это также способствует мотивации студентов к изучению новой лексики, поскольку без этого сложно говорить об адекватном понимании предлагаемых им аудиоматериалов. Помимо этого, заданиями послетекстового этапа предусмотрено использование активной лексики как в устной, так и в письменной форме.

Не остаются без внимания грамматические явления и структуры. Задания послетекстового этапа предусматривают использование активной грамматики в трансформационных упражнениях, упражнениях на перевод, при составлении собственных текстов. Упражнения на перевод представляются особенно важными для обучения студентов переводческого факультета, поскольку они выступают в качестве подготовительной стадии обучения переводу, предусматривая использование базовых структур и трансформаций, лексико-стилистических корреляций в английском и русском языках, а также основных методов перевода.

Связь с практической фонетикой можно проследить не только на предтекстовом этапе, что традиционно делается с целью снятия языковой сложности и избежания неправильного или неполного понимания из-за незнания нормативного произношения слов, но и на текстовом и послетекстовом этапах. В частности, в пособии имеются задания, для корректного выполнения которых необходимы знания о таком явлении, как омонимия, которая, без сомнений, является одной из самых больших проблем на пути к правильному пониманию звучащей речи. Для английской устной речи это явление особенно важное, поскольку омонимия прослеживается не только на уровне слова, но и на уровне словосочетания. Помимо этого, студенты имеют возможность оценить важность знаний о различных фонетических явлениях, которые могут влиять на понимание аудиотекста (различные ассимилятивные явления, элизия, коартикуляция и т.д.). Отдельную группу заданий составляют диктанты, целью которых является актуализация знаний о звуко-буквенных соответствиях.

Несмотря на то, что преимущественное большинство текстов представлено в британском варианте английского языка, в пособии имеются записи, демонстрирующие и американский вариант, что особенно важно в условиях стремительного развития межкультурной коммуникации. В этой связи особое внимание акцентируются на соответствующих вариантах произношения одних и тех же слов, а также на национально специфических словах с одинаковым лексическим значением с целью ориентации студентов на лексическое и фонетическое единообразие в использовании языковых единиц.

Пособие «Improving Listening Skills» содержит цветные иллюстрации, что, с одной стороны, помогает привлечь к ним внимание студентов, вовлекая их, таким образом, в рабочий процесс; с другой стороны, цветные изображения способствуют более лаконичной формулировке заданий к аудиотекстам, а также делают коммуникативную ситуацию более правдоподобной (особенно в ситуациях описания физической внешности или одежды).

Таким образом, представленная модель обучения аудированию студентов переводческого факультета реализуется в рамках коммуникативно-прагматического, когнитивно-коммуникативного и компетентностного подходов, основывается на принципах сознательности, последовательности и системности, а также учитывает особенности будущей профессиональной деятельности обучаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Учимся слушать и понимать английскую речь = Improving Listening Skills : пособие для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / О. В. Адамовская [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2016. – 192 с.

The given paper deals with the methods of teaching listening skills to language students as reflected in the course book «Improving Listening Skills». The paper describes the peculiarities of the course book, the principles it is based on as well as the ways of tailoring the course to the professional needs of the students.

Е. В. Невмержицкая

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ В ГРУППАХ ВЫРАВНИВАНИЯ НА 1 КУРСЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В статье рассматривается специфика преподавания фонетики студентам в группах выравнивания на первом курсе переводческого факультета. Определяются наиболее типичные ошибки, допускаемые студентами как на уровне звуков, так и на уровне интонации. Предлагаются способы коррекции данных ошибок и пути постановки правильного произношения.

На 1 курсе переводческого факультета группы делятся на 3 уровня: продвинутые, средние и группы выравнивания. Разноуровневая языковая подготовка находит отражение в рабочих программах по учебным дисциплинам, учебно-методических картах, программах самостоятельной работы студентов. Для этих трех уровней разработаны на кафедре ТиПАЯ учебно-методические комплексы по дисциплинам, где нашли свое отражение требования к объему учебного материала и степени его сложности для групп разного уровня языковой подготовки; характеру упражнений и заданий (например, соотношение тренировочных и творческих упражнений); соотношению объема аудиторной и самостоятельной работы студентов; дифференцированному контролю и оценке учебных достижений студентов. Экзаменационные материалы также составлены с учетом разноуровневой языковой подготовки (на кафедре ТиПАЯ разработаны три комплекта экзаменационных материалов).

Целью преподавания практической фонетики первого иностранного языка (английский язык) для студентов всех уровней языковой подготовки является ознакомление студентов с орфоэпической нормой английского языка и формирование у них нормативно приемлемых произносительных навыков и умений. В процессе достижения поставленной цели предполагается решение некоторых задач, а именно: а) научить студентов особенностям артикуляционно-перцептивной базы английского языка в сравнении ее с русским языком; б) иметь представление о составе гласных и согласных фонем, принципах их классификации, правилах звуко-буквенных соответствий в английском языке; в) знать особенности позиционно-комбинаторного варьирования гласных и согласных фонем в английском языке; г) знать основные акцентно-ритмические типы слов в английском языке; д) знать основные высотно-мелодические типы английской фразы в соответствии с коммуникативными типами предложений и модально-прагматическими типами речевых актов; е) уметь продуцировать структурно- и коммуникативно-адекватные фонетические структуры в чтении вслух и ситуативно-дифференцированной устной речи подготовленного и квазиспонтанного характера. Также в курс данной дисциплины включен ряд заданий, направленных на выработку ряда аудитивных навыков, которые обеспечивают преодоление конкретных трудностей в восприятии английской речи на слух, а именно: соотнесение фонетического состава предложения с его значением; дифференциация близких по звучанию слов и словосочетаний (*expected – expectedit*); дифференциация сложных слов и словосочетаний на основе ударения (a `greenhouse – a `green `house); определение количества ударных слогов в предложении и основной смысловой нагрузки в простом предложении на основе логического ударения; определение эмоциональной нагрузки последнего ударного слога в простом предложении; установление сходства и различия ритмического рисунка фраз; определение количества смысловых групп в высказывании на основе различных темпоральных характеристик пауз между словами внутри смысловых групп и между определенными смысловыми группами.

Что касается методов обучения, используемых мною на занятиях по практической фонетике, необходимо отметить, что работа по курсу данной дисциплины строится в тесной связи с другими дисциплинами курса английского языка, так как методологической основой данного курса является признание целостности и неразрывности языковой системы и взаимодействия ее подсистем. Основными методами обучения являются лингвистический анализ и артикуляторно-слуховое наблюдение. Необходимо осуществлять взаимодействие концентрического и последовательного принципов обучения; одновременность (параллельность) введения сегментных и супrasegmentных единиц и явлений звучащей речи; обеспечивать опору на аудитивный анализ и перцептивную дискретизацию явлений звучащей речи при выработке навыков осознанной идентификации сегментных и супrasegmentных звуковых единиц и анализа их перцептивно-артикуляторных признаков; использовать аутентичные образцы звучащей речи как на уровне минимальных речевых фрагментов (звук, слог), так и на уровне фразы/высказывания и текста. Не менее важной является отработка навыков имитации, воспроизведения и продуцирования звуковых единиц в условиях коммуникативной ситуации.

Основной задачей для групп выравнивания на этапе обучения практической фонетике является формирование и последовательная коррекция произносительных навыков студентов, для чего используется комплекс упражнений с аудиосопровождением, учитывающих этапы восприятия, имитации, дифференциации, репродукции и комбинирования. Ведь без правильно поставленного произношения невозможно проявление коммуникативной функции языка. Особое внимание уделяется английским звукам, представляющим определенную артикуляционную сложность при освоении. Как правило, к таковым относятся звуки, отсутствующие в русском языке, так и те, которые близки по звучанию к звукам русского языка, но имеют принципиальные артикуляционные отличия (например, межзубные согласные, аспирированные согласные, заднеязычный и губно-губной сонанты, корреляции гласных по долготе и напряженности). В данной связи эффективным является выстраивание оппозиции близких звуков и звукосочетаний, русских и английских, для установления и последующего контроля и корректировки разницы между ними. Для того, чтобы повысить уровень аутентичности произносительных навыков студентов, возможно рассмотрение таких основных позиционных и комбинаторных фонетических процессов, как ассимиляция, редукция и элизия.

Изучение просодических явлений осуществляется путем овладения основными акцентно-ритмическими структурами английской фразы, а также знакомство с основными высотно-мелодическими типами английской интонации в соответствии с коммуникативными типами предложений и модально-прагматическими типами речевых актов через осознание их отличий от явлений русского языка наряду с ознакомлением с закономерностями

просодической организации связного текста различных стилистических разновидностей и просодической дифференциацией чтения и говорения как различных форм устной речи.

Главным лингвистическим фактором, негативно влияющим на качество произносительных навыков студентов, является языковая интерференция, определяемая как результат взаимодействия фонетических систем контактирующих языков (русский и английский), проявляющийся в произносительном акценте. Дж. К. Кэтфорд писал: «Интерференция родного языка представляет одну из главных трудностей в изучении нового языка. Это особенно заметно в произношении» [1, с. 373].

Как правило, речь на неродном для русскоговорящих студентов английском языке, даже при достаточно высоком уровне владения им, не бывает фонетически строго выдержанной в соответствии с требованиями системы и нормы английского языка (RP), что в различной степени затрудняет процесс общения, делает его мало результативным, а иногда и невозможным. Фонетически неправильная речь требует от слушающего определенных усилий при восприятии ее содержания. Однако на этапе обучения практической фонетике главное, чтобы студент, вступая в общение на английском языке, не испытывал страха за ошибку и стремился всеми имеющимися в его распоряжении средствами реализовать то или иное коммуникативное намерение. Как считает М. Н. Вятютнев, методист, психолог, написавший множество книг по преподаванию английского языка, в том числе в высшей школе, «ошибки – это средство и условие успешного овладения коммуникативной компетенцией; их наличие не свидетельствует о неуспехе, наоборот, они показывают, что учебный процесс проходит нормально и студенты принимают в нем активное участие» [2].

Как представляется, одним из способов активизации процесса формирования фонетических навыков и умений при обучении русскоговорящих студентов английскому языку, может быть использован метод контрастивный метод (по Г. Никкелю), так как он определенным образом опирается на прежний багаж знаний, формирует ассоциативные связи на основе типологического сходства явлений родного и иностранного языков, что облегчает процесс понимания и усвоения [3].

Применяя на практике метод контрастивного анализа, можно считать целесообразным использование на занятиях по практической фонетике, особенно в группах выравнивания, упражнений контрастивного характера, которые помогут избежать фонетической интерференции. Такие упражнения должны включать и слушание, и воспроизведение, которые тесно связаны между собой и одинаково важны для формирования фонетических навыков.

Так, сопоставительный анализ артикуляторных характеристик английских и русских фонем, представленный в учебнике под редакцией Е. Б. Карневской [4, с. 8–9] позволяет выделить некоторые типичные произносительные ошибки, допускаемые студентами при обучении произношению, и предложить некоторые пути по их устранению. На уровне звуков наиболее распространенными ошибками являются следующие.

1. Слабое, ненапряженное произношение английских согласных, при котором артикулирующим органом не придается сильная мускульная напряженность под влиянием национального уклада, ибо напряженное, более энергичное произношение является отличительной чертой фонетической системы английского языка (*суп – soup, фол – fall, бум – beat, бак – bark*). Русская речь характеризуется общей мускульной ненапряженностью речевого аппарата, поэтому для обучения студентов правильному произношению необходимо развивать мышечную напряженность речевого аппарата и в первую очередь губ, языка и небной занавески, для чего мыслится целесообразным проводить серию упражнений, которые называются артикуляционной гимнастикой. Особенно необходимо использование гимнастики для студентов с вялой, небрежной, нечеткой артикуляцией, говорящим сквозь зубы.

2. Другой типичной ошибкой студентов является замена альвеолярных смычных дентальными (*кот – cot, тук – took, дай – die*). Для того, чтобы предупредить эту ошибку необходимо четко представлять, где находятся альвеолы, и помнить, что лишь кончик языка смыкается с альвеолами, потому что под влиянием родного языка некоторые студенты смыкают переднюю часть спинки языка и таким образом увеличивают площадь смыкания, превращая альвеолярные звуки в аффрикаты. Так, для предупреждения ошибок при артикуляции [t], [d] предлагаются специальные упражнения для языка:

а) найти кончиком языка самую выпуклую часть альвеол, проделать многократные движения от верхних зубов и обратно;

б) произнести английские [t], [d] в начале слов: *take, table, ten, tall, teach, dance, dark, day, deal, dinner*;

в) произнести [t], [d] в середине и в конце слов: *add, act, actor, got, active, and, bad, bed, child, cut, flat, good*;

г) закрепить навык артикуляции [t], [d] в процессе чтения связного текста и обильного употребления этих звуков в устной речи.

3. Еще одной из типичных ошибок студентов является произнесение глухих смычных без аспирации (*нѐс – purse, ток – talk, кум – kit*), которую можно исправить следующим способом: поднести ладонь к губам на расстоянии 5–6 см и произнести, например, слова: [pen], [ten] [twist], попеременно артикулируя [p], [t], [k] то с придыханием, то без него. Если артикуляция правильная, то на ладони можно ощущать слабую струю воздуха при выдохе.

4. Следующей типичной ошибкой фонематического характера студентов является оглушение звонких смычных взрывных на конце слова под влиянием родного языка (*код – cod, лоб – lob, смог – smog*). Во избежание оглушения, как пишет Г. П. Торсуев в книге «Проблемы теоретической фонетики и фонологии» [5], нужно увеличить стадию контакта, задержать размыкание. Следует произнести звуки сначала на конце слова, перед

гласными и звонкими согласными, тренировать их и лишь потом – перед глухими. В большинстве случаев оглушение происходит не из-за недостаточности остроты слуха студентов, а ввиду интерференции родного языка.

5. Английский звук [v] некоторыми студентами воспринимается как щелевой сонант [w], что приводит к ошибочному употреблению одной фонемы вместо другой. Смещение английских обнаруживается, например, при произношении следующих слов: [inWent] вместо [in'vent], [noWel] вместо [no'vel], [Weri Vel] вместо ['Veri Wel]. Трудность в дифференциации этих фонем у русскоговорящих студентов объясняется, например, тем, что графическое и акустическое сходство английских фонем [v] и [w] способствует их смешению.

6. Замена заальвеолярного [r] альвеолярным (*рай – rye, риск – risk, риф – reef*).

7. Замена второго элемента дифтонгов русским звуком [й]: (*бой – boy, май – my, лай – lie, спрей – spray*).

Во всех этих случаях преподаватель может попросить студентов услышать, какое слово в данных парах является русским, а какое – английским, правильно произнести слова с русским и английским звуками, а также использовать вышеописанные приемы. Кроме того, эффективным средством для отработки и последующего совершенствования правильного произношения вышеописанных пар звуков можно считать разучивание рифмовок, скороговорок, стихотворений, представленных в рамках каждого раздела учебника, также применяемых и в качестве дополнительного материала.

С точки зрения обучения студентов групп выравнивания интонации, наверное, наибольшую сложность представляют тоны: высокое падение (High Fall), низкий подъем (Low Rise), падение-подъем (Fall-Rise), подъем-падение (Rise-Fall). Необходимо сказать, что в русском и в английском языках эмоции и чувства в большинстве случаев интонационно передаются по-разному. При обучении правильной интонации необходимо найти в русском языке такие эмоции, которые передавались бы вышеуказанными тонами. Так, например, в русском языке высоким падением мы можем выражать сильную уверенность и протест: *Вам нравится изучать английский? – Да!* ('Я полностью в этом уверен'). Низкий подъем в русском языке может передавать недоверие: *Правда?*. А высокий подъем может передаваться выражением удивления: *Как? Что?*. Падение-подъем в русском языке может выражать удивление: *Надо же!*

Несомненно, значение слухопроизносительных навыков для речевой деятельности очевидно для каждого специалиста в области фонетики, так как обучение произношению подчинено собственно развитию речевой деятельности на разных этапах овладения языком. Недостаточное овладение слухопроизносительными навыками ведет собственно к нарушению коммуникации, хотя к некоторым явлениям и допустим аппроксимированный подход. Необходимо осуществлять контроль над выполнением каждого, как зву-

кового, так и интонационного, упражнения. При условии выполнения всех вышеперечисленных упражнений и систематическом контроле работу над слухопроизносительными навыками студентов можно считать результативной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кэтфорд, Дж. К.* Обучение английскому языку как иностранному / Дж. К. Кэтфорд // Новое в зарубежной лингвистике ; сост. В. П. Нерознака ; общ. ред., вступ. ст. В. Г. Гака. – М., 1989. – Вып. 25 : Контрастивная лингвистика : Переводы. – С. 366–386.
2. *Вятютнев, М. Н.* Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков / М. Н. Вятютнев. – М., 1975. – Вып. 6. – С. 55–64.
3. *Никкель, Г.* Контрастивная лингвистика и обучение иностранным языкам / Г. Никкель // Новое в зарубежной лингвистике / сост. В. П. Нерознака ; общ. ред., вступ. ст. В. Г. Гака. – М., 1989. – Вып. 25 : Контрастивная лингвистика : Переводы. – С. 350–366.
4. Практическая фонетика английского языка : учебник / Е. Б. Карневская [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 6-е изд. – Минск : Симон, 2008. – 356 с.
5. *Торсуев, Г. П.* Проблемы теоретической фонетики и фонологии / Г. П. Торсуев. – М. : ЛКИ, 2008. – 106 с.

The article deals with the peculiarities of teaching practical English phonetics to first-year students of the School of Translation and Interpreting. Special emphasis is made on overcoming the first language interference (resulted in the mistakes of different kinds) through a system of special sound and intonation exercises. Different methods can be used to eliminate the most common mistakes and to improve phonetic skills.

Научное издание

**КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО**

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ
Выпуск 5

Ответственный за выпуск *Т. П. Карпилович*
Редактор *О. С. Забродская*

Подписано в печать 27.09.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,92. Уч.-изд. л. 6,97. Тираж 100 экз. Заказ 38.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.